

**Московский
журнал
международного
права**

**Moscow
Journal
of International
Law**

Научно-теоретический
и информационно-практический
журнал

Издается с 1991 года
на русском языке

Выходит один раз в три месяца
№ 1 (105) 2017 январь-март

Содержание

Вопросы теории

- Нефёдов Б.И.* Регулирует ли международное право отношения с участием лиц?
(Часть I)3
Boris I. Nefedov Does International Law Regulate Relations with Participation of
Individuals? (Part I)3

Право международной безопасности

- Малеев Ю.Н., Серов И.Б.* Роль ООН в сфере международно-правового регулирования
оборота стрелкового оружия и обычных (легких) вооружений20
Yuri N. Maleev, Ivan B. Serov The UN Role in the Sphere of International Legal
Regulation of Small Arms and Light Weapons.20

Вопросы территории

- Вылегжанин А.Н., Дудыкина И.П.* Международно-правовое обоснование Данией,
Канадой и Норвегией установления прямых исходных линий в Арктике.28
Alexander N. Vylegzhanin, Inna P. Dudykina International Legal Grounds for Drawing by
Denmark, Norway and Canada Straight Baselines in the Arctic.28

Международное экономическое право

- Лабин Д.К., Ретюнский В.С.* «Брэкзит» и его последствия для международных
инвестиционных и торговых договоров Великобритании41
Dmitry K. Labin, Vadim S. Retyunskiy Brexit and its Implications for the UK International
Investment and Trade Agreements41

Морское право

- Жудро И.С.* К толкованию норм международного права о Комиссии по границам
континентального шельфа в контексте национальных интересов России и других
приарктических государств50
Ivan S. Zhudro Interpretation of International Legal Norms regarding the Commission on
the Limits of the Continental Shelf in the Context of National Interests of Russia and other
Arctic States.50

Международное уголовное право

<i>Антипенко В.Ф.</i> Концепция уголовной ответственности государств	64
<i>Vladimir F. Antipenko</i> To the Question of Criminal Responsibility of States in International Law.	64

<i>Синякин И.И.</i> Перспективы международно-правового сотрудничества по борьбе с терроризмом.	78
<i>Ivan I. Sinyakin</i> Prospects for the International Legal Cooperation in the Struggle against Terrorism.	78

Международное ядерное право

<i>Лысенко М.Н., Кюенко Е.В., Курова-Чернавина Н.С.</i> Арктика: опыт и перспективы международно-правового сотрудничества в ядерной сфере	88
<i>Mikhail N. Lysenko, Elena V. Kienko, Nadejda S. Kurova-Chernavina</i> Experience and Prospects for the International Legal Cooperation in the Nuclear Area in the Arctic Region	88

Международное и внутригосударственное право

<i>Волеводз А.Г.</i> Международно-правовые основы противодействия боевикам-террористам и внутригосударственное право	98
<i>Aleksandr G. Volevodz</i> International Legal Backgrounds to Regulate Counteractions Against of Foreign Terrorist Fighters and Interstate Law	98

Международное частное и гражданское право

<i>Вершинина Е.В., Фокина А.Д.</i> Проблемы определения применимого права в делах о наследовании по закону в России и зарубежных странах	110
<i>Elena V. Vershinina, Alexandra D. Fokina</i> Problems of the Applicable Law Determining in Intestate Succession Cases in Russia and Foreign Countries	110

<i>Шашкова А.В.</i> Принципы корпоративного управления G20/ОЭСР как основа введения системы «трэвел-комплаенс»	123
<i>Anna V. Shashkova</i> Principles of Corporate Governance G20/OECD as a Ground for the Introduction of the “Travel-Compliance” System.	123

Голоса молодых

<i>Крицкий К.В.</i> Односторонние ограничительные меры (на примере внешней политики США)	131
<i>Kirill V. Kritskiy</i> Unilateral Restrictive Measures (the Case of U.S. Foreign Policy).	131

Книжная полка

<i>Четвериков А.О.</i> Рецензия на монографию «Право ВТО: теория и практика применения» / под редакцией доктора юридических наук, профессора Л.П. Ануфриевой (М.: Норма-Инфра-М., 2016. 528 с.)	141
<i>Artem O. Chetvericov</i> Book Review «WTO Law: Theory and Practice of Application» / edited by Doctor of Law, Professor L.P. Anufrieva (M.: Norma-Infra-M., 2016. 528 p.)	141

Некролог

<i>Антипенко В.Ф.</i>	146
<i>Obituary. Vladimir F. Antipenko</i>	146

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

РЕГУЛИРУЕТ ЛИ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО ОТНОШЕНИЯ С УЧАСТИЕМ ЛИЦ? (Часть 1)

*Б.И. Нефёдов**

Аннотация. Возникновение и бесплодность научных споров по большинству наиболее дискутируемых в научной литературе фундаментальных проблем общей теории международного права связано с одним и тем же – нерешенностью сложнейшей теоретической задачи, которую можно смело назвать основной проблемой теории международного права последних полутора столетий. В ее основе лежат, казалось бы, непримиримые противоречия. Так, с одной стороны, международно-правовые нормы могут (при определенных условиях) регулировать отношения с участием индивидов. Но, с другой стороны, индивиды не являются субъектами международного права, а отношения с их участием не являются международными межгосударственными отношениями, т.е. предметом международного права. В первой части статьи дается критика основных направлений предпринятых в науке попыток решить эту проблему. Во второй части - предлагается ее решение.

Ключевые слова: теории трансформации; международная правосубъектность индивидов; международные правоотношения; предмет и объект международного договора.

К числу дискутируемых в последние десятилетия (причем как в отечественной, так и зарубежной научной литературе) фундаментальных проблем теории общего международного права можно отнести такие вопросы как: понятие предмета регулирования международного права; соотношение международного

и внутригосударственного права; понятие и существование самоисполнимых норм международных договоров; существование международной правосубъектности индивидов; правовая природа и виды источников международного частного права и других подобных образований; формирование третьих по типу правовых систем и др.

.....
* Нефёдов Борис Иванович – доктор юридических наук, профессор кафедры международного права МГИМО МИД России. boris-nefedov@mail.ru.

По нашему мнению, возникновение и бесплодность научных споров по всем этим проблемам связано с одним и тем же – отсутствием разрешения сложнейшей теоретической задачи, которую можно смело отнести к *основным проблемам теории общего международного права*.

Сформулируем основные условия этой научной головоломки. Дано:

1. Существует только два типа права (международное право и национальное право отдельных государств), которым соответствуют два типа регулируемых ими отношений – международные отношения и внутригосударственные отношения. Отсюда следует вывод: какова природа регулирующих данные отношения норм права – таковы и правоотношения, а, следовательно, субъекты правоотношений, субъекты права и т. д.

2. Международно-правовые нормы могут (при определенных условиях) непосредственно регулировать общественные отношения с участием индивидов (физических и юридических лиц).

3. Общественные отношения с участием индивидов не являются международными межгосударственными отношениями и потому они не входят в предмет правового регулирования международного права.

4. Субъекты международного права должны отвечать определенным качественным характеристикам, которым индивиды не отвечают. Кроме того, индивиды не являются субъектами международных межгосударственных отношений. Отсюда следует, что индивиды не являются субъектами международного права.

5. Общественные отношения с участием индивидов, осложненные иностранным элементом, урегулированные, в том числе, международно-правовыми нормами, являются предметом регулирования международного частного права (МЧП) и других подобных образований.

Нетрудно заметить, что эти подходы, отражающие, казалось бы, устоявшиеся взгляды на правовые явления, вступают друг с другом в непримиримые противоречия. Если международно-правовые нормы непосредственно регулируют отношения с участием индивидов, значит, такие отноше-

ния являются предметом правового регулирования международного права. Раз такие нормы наделяют индивидов, как субъектов регулируемых отношений, правами и обязанностями, то, следовательно, эти индивиды являются субъектами международных правоотношений, а, значит, и субъектами международного права. Но индивиды не являются субъектами, а общественные отношения с их участием – предметом правового регулирования международного права. Где же ошибка?

Её искали везде. В результате этих поисков возникли:

1. Теории «трансформации», общим для которых было стремление доказать, что международно-правовые нормы ни при каких условиях не могут непосредственно регулировать общественные отношения с участием индивидов. Для этого они должны быть «трансформированы» во внутригосударственные нормы.

2. Концепции признания отношений с участием индивидов, урегулированных международно-правовыми нормами, международными правоотношениями.

3. Концепции международной правосубъектности индивидов, в рамках которых отстаивалась возможность непосредственного регулирования международно-правовыми нормами общественных отношений с участием индивидов. При этом часто международная правосубъектность физических и юридических лиц объявлялась ограниченной, неполной, производной и т. п.

4. Наконец, было поставлено под сомнение само существование МЧП и других аналогичных правовых образований.

Удалось ли при этом разрешить основную проблему теории общего международного права? Думается, что нет. И в первой части нашей статьи мы как раз и остановимся на критике принципиальных положений тех концепций, что были выдвинуты в науке с целью разрешения указанной Основной проблемы за счет ревизии отдельных условий отправных тезисов научной задачи.

Теория трансформации.

Позиции сторонников теории трансформации крайне разнообразны, но в ка-

честве общего подхода можно привести слова проф. Лукашук И.И.: «только в том случае, если предписания международного права будут тем или иным путем оформлены в виде норм внутреннего права, они смогут регулировать внутригосударственные общественные отношения» [Лукашук, 1979, с. 9].

Основным «слабым звеном» этих концепций является то, что все они так и не смогли ответить на вопрос о том, где же «прячутся» эти трансформированные нормы национального права, где их источники?

Поэтому вряд ли можно признать убедительным объяснение сложившейся ситуации проф. Черниченко С.В., который пишет: «Просто во внутригосударственной сфере появляются в результате «переадресовки» правила, внешне повторяющие гипотезы и диспозиции международно-правовых норм, но уже применительно к субъектам внутригосударственного права» [Черниченко, 2007, с. 106-107]. При этом, по его мнению, «происходит завуалированное нормотворчество на внутригосударственном уровне. Вместе с тем законодательство остается без изменения...» [Черниченко, 2009, с. 31].

Но если национальное законодательство остается без изменений, то каким образом у самоисполнимых международно-правовых норм появляются «двойники» в виде норм национального права? Где же найти «во внутригосударственном праве» эти самые национальные нормы, «внешне похожие» на международно-правовые нормы (пусть даже их сходство не полное) и формы их официального бытия? Их нет. Было бы неплохо прояснить ситуацию и с тем, что кто-то у нас, помимо государства, занимается «завуалированным нормотворчеством на внутригосударственном уровне»? Может быть, это сторонники теории трансформации?

Понятно, что подобная «фантомная» теория преобразования международно-правовых норм в нормы национального права не отвечает истинному положению вещей.

Не находя вразумительных объяснений сложившейся ситуации, в отечественной доктрине некоторые наши отечественные сторонники теории трансформации обрати-

лась к исследованиям зарубежных авторов. Ведь не только Россия, но и многие иные государства признают возможность непосредственного применения международно-правовых норм [Лукашук, 2002, № 3; Cassese, 2005, p.224-237; Denza, 2006, p.429-435; Verhoeven, 2000, p. 453-484; Verma, 2004, p.54-68]. А раз так, то вопрос о трансформации самоисполнимых международно-правовых норм может существовать и там, а, значит, может иметь место и объяснение указанного парадокса.

Прямых аналогов не нашлось, но в результате поисков была обнаружена теория А. Ботиффолья и П. Лагарде, которая, казалось бы, объясняла возникновение «национальных норм». Правда, применительно вовсе не к нормам международных договоров, а к «трансформированным» нормам иностранного права, но в целом в схожей ситуации.

В основе позиции А. Ботиффолья и П. Лагарде [Batiffol, Lagarde, 1993, pp. 206, 529-530] лежит идея о том, что в регулирующей отношении «новой» норме объединяются два элемента: рациональный, содержащийся в норме иностранного права, и императивный, содержащийся в отечественной коллизионной норме.

Взяв ее за основу, представители теории трансформации, как они считают, решили стоящую перед ними проблему следующим образом. Никаких самостоятельных отечественных формулировок «трансформированных» международно-правовых норм (и их национальных источников) не существует в силу их сложносистемного состава, в рамках которого отсылка – это форма «новой нормы», а норма международного договора – ее содержание. По их мнению, «в результате взаимодействия отсылки и нормы международного права создается норма отечественного права, одни элементы которой образованы отсылкой, а другие – нормой международного права. Обязательность данной нормы определяется волеизъявлением одного государства, обязательность же лежащей в ее основе нормы международного права определяется волеизъявлениями нескольких государств» [Толстых, 2009, с. 212]. При этом отсылка – это

императивный элемент, а норма международного договора – элемент рациональный.

Ну и дальше уже не обращается внимания на нелепицы: «В процессе трансформации меняется источник обязательности нормы международного права (императивный элемент) и ее логическая структура (рациональный элемент). Образующая на основе нормы международного права норма внутригосударственного права адресована иным субъектам, снабжена иной санкцией, реализуется в рамках иных процессуальных механизмов» [Толстых, 2009, с. 212]. Не будем говорить о том, что источник права и источник обязательности правовой нормы вещи разные. Но все же, где источник «новой» правовой нормы? Его как не было, так и нет. В чем именно заключается «изменение логической структуры» международно-правовой нормы, если ее текст не изменился? Каким образом произошла переадресация «новой» нормы, изменение ее санкции и процессуальных механизмов ее реализации, если самоисполнимая норма сразу адресуется индивидам, у нее нет никаких двух санкций, и реализуется она в рамках тех же процессуальных механизмов, что и были обозначены при ее принятии?

Не будем придираться к тому, что та часть этой «новой» нормы, что является нормой международного договора (рациональный элемент), получается, не может носить императивный характер, а отсылка (императивный элемент) не может быть рациональной? Допустим, что это – результат неизбежной погрешности в терминологии. Но что это вообще за рациональный и императивный элементы правовой нормы? Из теории известно, что норма права состоит из гипотезы, диспозиции и санкции и что понятие нормы права не совпадает с понятием статьи закона. В результате отдельные элементы нормы права могут оказаться в разных статьях и даже в разных нормативно-правовых актах. Других элементов правовой нормы теория не знает. Но речь явно не о них, ведь «новая» норма формируется не из части норм, а, как правило, из трех самостоятельных норм разных систем права, каждая из которых имеет собственные и гипотезу (объем), и диспозицию (привязку),

и санкцию. Причем норм, участвующих в регулировании данного общественного отношения может оказаться (в силу коллизионных международно-правовых норм, отсылок к законодательству третьего государства, обратных отсылок и др.) значительно больше. Как же при формировании «новой» нормы все-таки разобраться с ее гипотезой, диспозицией и санкцией, если структура всех норм ее составляющих сохраняется?

Нормотворческий процесс не может уподобиться конструктору LEGO (от дат. *Leg-godt* — «игра, удовольствие»), где каждый индивид, играючи и получая удовольствие, «собирает» новые нормы права из множества отдельных элементов материальных и коллизионных норм, относящихся к разным типам правовых систем и зачастую вступающих в коллизии друг с другом. Тем более, что при этом неизбежно останется «ведро лишних деталей», с которыми непонятно что делать. Как же в этих условиях определить принадлежности этой «сконструированной» нормы к отечественному праву, если в каждом элементе «новой» нормы присутствует составляющие от международно-правовой нормы и/или от иностранной правовой нормы? Если отсылка – это императивный элемент (определяющий тип правовой нормы), а норма международного договора – элемент рациональный, то, как быть со всем этим, если отсылочная (коллизионная) норма сама содержится в международном договоре?

Для дальнейшего комментария к основному тезису выдвинутой концепции приведем в качестве «наглядного пособия» коллизионную норму, закрепленную в п. 1 ст. 1221 ГК РФ. Она устанавливает, что к «требованию о возмещении вреда, причиненного вследствие недостатков товара, работы или услуги, по выбору потерпевшего применяется:

- 1) право страны, где имеет место жительства или основное место деятельности продавец или изготовитель товара либо иной причинитель вреда;
- 2) право страны, где имеет место жительства или основное место деятельности потерпевший;

3) право страны, где была выполнена работа, оказана услуга, или право страны, где был приобретен товар.

Как видим, на урегулирование соответствующих отношений здесь сразу претендует, как минимум, нормы шести правовых систем и выбор между ними делает не закон, не суд, а потерпевший, т. е. индивид, причем по своему усмотрению и без объяснения причин своего выбора. Это как-то плохо сочетается с декларированным императивным характером национального элемента. Кроме того, получается, что «новая» норма права создается... физическими лицами.

Как быть, если норма международного договора, к которой отсылает отсылочная (коллизонная) норма отечественного права, сама является таковой, да еще и носит диспозитивный характера?

И главное. Означает ли подобное соединение элементов то, что норма международного (или иностранного) права исключается из правового регулирования данных общественных отношений и что такое регулирование осуществляется исключительно нормами национального права? Нет, не означает. Именно международно-правовая норма в соответствующих случаях наделяет индивидов (субъектов регулируемого отношения) теми или иными правами и обязанностями. Следовательно, никакого решения теоретической проблемы здесь просто нет.

Концепцию так называемых комплексных норм, имеющей много сходства с теорией «сложносистемного» состава самоисполнимых норм, выдвинул Б.Л. Зимненко. Но отталкиваясь фактически от тех же позиций, он утверждает: «Норма международного права находит свое закрепление в источниках международного права, нормы внутригосударственного права закрепляются в источниках национального права, в свою очередь комплексная норма имеет формой своего существования одновременно как источники международного права, так и внутригосударственного права. Представляется, что такой симбиоз объективно не позволяет включать комплексные нормы ни в систему международного, ни в систему внутригосударственного права, однако обу-

славливает включение этих норм именно в правовую систему государства» [Зимненко, 2006, с. 184].

С критикой этой позиции выступил проф. Черниченко С.В. Он совершенно справедливо говорит о том, что «источник международного права (как и источник права вообще) не существует сам по себе. Если комплексная норма имеет своим источником одновременно международно-правовые и внутригосударственные источники, это не единая норма, а комбинация той или иной нормы международного права и той или иной нормы внутригосударственного права. Следовательно, каждая из них входит в соответствующую систему права и в соответствующую правовую систему» [Черниченко, 2009, с. 13 и далее].

Еще одной попыткой «взять вес» является теория «правоприменительного комплекса», выдвинутая Г.И. Игнатенко. Ее идея заключается в двух основных исходных тезисах:

1. Любой правоприменительный процесс регулятивной правовой нормы всегда сопровождается формированием правоприменительного комплекса норм, той или иной сложности.

Так, чтобы применить норму Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, устанавливающей ответственность за конкретное правонарушение, необходимо обратиться к иным административно-правовым нормам, в частности, к нормам процедурного и процессуального порядка. Ведь необходимо определиться с тем, кто именно имеет право привлекать лицо к ответственности за данное правонарушение, каковы его полномочия, каков порядок проведения тех или иных процессуальных действий и принятия соответствующего правоприменительного акта, какие смягчающие и/или отягчающие обстоятельства, влияющих на меру наказания, могут быть учтены при вынесении постановления и др.

В результате формируется правоприменительный комплекс.

В тех случаях, когда происходит непосредственное применение международно-правовых норм (или норм иностранного

права), регулирующих отношения с участием индивидов, то и они также никогда не применяются «в одиночестве». Здесь тоже каждый раз создается соответствующий правоприменительный комплекс. При этом (по мнению Г.В. Игнатенко) положения международно-правовых норм как бы опосредуются нормами национального права, которые дополняют отдельные вопросы регулирования таких отношений, определяют компетенцию судьи или иных соответствующих должностных лиц, устанавливают процедурно-процессуальные правоприменительные правила и т. п.

2. В соответствующих случаях нормы права, принадлежащие к различным правовым системам, взаимодействуют в рамках не статических нормативных комплексов (по мнению Г.В. Игнатенко, это – полисистемный комплекс, под которым подразумевалось МЧП), а исключительно в пределах правоприменительного комплекса, создаваемого на короткий период и только в процессе регулирования конкретного общественного отношения. Сами же правоприменительные комплексы следует признать «искусственными», т. е. их существование (в статическом состоянии).

Применение любой нормы права влечет за собой формирование правоприменительного комплекса той или иной сложности, «причем в целях решения конкретной задачи, урегулирования конкретного правоотношения». Но каким бы крупным (и по составу и по содержанию) такой правоприменительный комплекс не был, норма права, ради применения которой этот самый комплекс и формируется, не растворяется в нем. Она опосредуется не в том смысле, что она исключается из правового регулирования данных общественных отношений. Именно она, а не иные нормы и не «правоприменительный комплекс», непосредственно наделяет субъектов регулируемого отношения соответствующими правами и обязанностями. И при этом не имеет значения, является ли эта норма нормой отечественного, иностранного или международного права.

Кроме того, формирование правоприменительного комплекса при применении лю-

бой нормы, скажем (как в нашем примере) административного права, вовсе не означает отрицания существования соответствующей совокупности норм в их «статическом» состоянии, т. е. не означает отрицания существования самого административного права как отрасли права. Эта ситуация справедлива и по отношению применения норм любых иных отраслей. Не прекращают своего «статического» существования отрасли права и в том случае, если правоприменительный комплекс был сформирован с привлечением норм нескольких отраслей права или даже «разносистемных норм».

Если мы признаем в условиях применения норм права существование «статических» образований в виде отраслей (институтов) права, то непонятно почему в схожей ситуации мы должны отказать в существовании «статических» полисистемных комплексов (или межсистемных образований), формирование которых обусловлено существованием этих самых отраслей и институтов? А ведь все аргументы *pro et contra* здесь могут быть только одни и те же.

Если «разносистемные нормы» могут сосуществовать в составе правоприменительного комплекса, то почему в этом им отказывается, когда речь идет о «межсистемных отраслях» или «межсистемных институтах»? Тем более, что в рамках подобных полисистемных (межсистемных) комплексов хотя и взаимодействуют нормы разных правовых систем, но при этом они регулируют однородные общественные отношения (гражданско-правовые, трудовые, семейные, административные и т. д.). Думается, что если бы речь шла о соответствующем санкционированном применении только норм иностранного права, никакой бы теории «правоприменительного комплекса», как противовеса существованию межсистемных образований, просто не возникло.

Таким образом, и здесь мы имеем дело с еще одной, к сожалению неудачной, попыткой решить обозначенную проблему общей теории международного права.

Сторонники теории трансформации, в спорах со своими оппонентами, часто задают (с торжествующим видом), как им ка-

жется, очень коварные вопросы. Так, нормы международного права, предусматривающие, например, право на жизнь или право на неприкосновенность жилища, адресованы государствам или физическим лицам? Или и тем и тем? Если они остаются нормами международного права, не трансформируются, может ли их нарушение в рамках национального правопорядка влечь международную ответственность? Какие обязанности несут государства по реализации данной нормы? Если эти обязанности состоят в ее закреплении на уровне законодательства, то она закрепляется как норма, порождающая международное обязательство, или как норма, адресованная индивидам? Их кажущаяся каверзность заключается в том, что, казалось бы, речь идет о регулировании отношений с участием индивидов, и формулировки того или иного Международного Пакта «могут породить иллюзию о непосредственном применении его положений для регулирования внутригосударственных отношений» [Черниченко, 1999, с. 151-152]. Но этого не происходит. Кроме того, эти отношения регулируются «в рамках национального правопорядка», следовательно, и ответственность за нарушение прав человека должна наступать именно в этих рамках. Но она наступает и на международном уровне. Это потому, считают сторонники трансформации, что одновременно существует две разные нормы. Одна – содержится в международном праве, а вторая (трансформированная) – в праве национальном.

Сначала давайте разберемся с тем, кому же адресованы, например, нормы Международного Пакта 1966 г. «О гражданских и политических правах», закрепляющие указанные в вопросе права человека. Дело в том, что постоянно приходится сталкиваться с совершенно неверными представлениями об этом.

Прежде всего, напомним соответствующие формулировки этого Пакта. В его п. 1 ст. 6 говорится: «Право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека. Это право охраняется законом. Никто не может

быть произвольно лишен жизни». А в его п. 1 ст. 17 закреплено, что «Никто не может подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным или незаконным посягательствам на неприкосновенность его жилища или тайну его корреспонденции или незаконным посягательствам на его честь и репутацию»¹.

Зададимся вопросами: нарушает ли убийца право человека на жизнь? Нарушает ли вор – домушник во время проникновения в чужую квартиру право человека на неприкосновенность жилища?

Несмотря на бытующие представления, на эти вопросы следует ответить *отрицательно*: нет, не нарушают. Здесь допустимо вести речь о совершении преступлений, но нарушения прав человека в этом случае не происходит. Нарушить права человека может *только государство* (в лице своих органов и должностных лиц). Не случайно ответчиком в Европейском суде по правам человека всегда выступает именно государство. Так, сотрудники полиции, проникающие без согласия собственников в квартиру, где не соблюдаются административные правила о соблюдении тишины после 23 часов, нарушают их права на неприкосновенность жилища и должны понести за это суровое, но заслуженное наказание, ибо они – представители власти. Проникновение в квартиру представителей государства, возможно только в случаях прямо предусмотренных законом, или на основании судебного решения.

Таким образом, нормы Пактов о правах человека адресованы самим государствам.

Затем следует разочаровать некоторых представителей теории трансформации. Во-первых, речь не идет о самоисполнимых международно-правовых нормах. Во-вторых, права человека в абсолютном большинстве государств рассматриваются как часть конституционного права. Отсюда нормы Международных Пактов 1966 г. о правах человека не имеют в государствах прямого действия, и Россия здесь не исключение. В порядке имплементации соответ-

¹ Текст Международного Пакта «О гражданских и политических правах» см.: Бюллетень Верховного Суда РФ. - 1994. - N 12.

ствующих международно-правовых норм, в ее Конституции закреплено, что «Каждый имеет право на жизнь» (в п. 1 ст. 20), и что «Жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения» (ст. 25)². Поэтому мы действительно имеем дело с двумя разными нормами (что видно уже из их содержания): международно-правовыми нормами Пакта и национальными конституционными нормами. Отсюда и международная ответственность государства (а иногда и его должностных лиц) наступает за нарушение соответствующих международно-правовых норм, а ответственность «в рамках национального правопорядка» – за нарушение юридически самостоятельных норм национального права.

Концепции признания отношений с участие индивидов, непосредственно регулируемых международно-правовыми нормами, международными правоотношениями.

Сторонников этих концепций объединяет единый подход к определению характера регулируемого правом общественного отношения. По их мнению, это очень просто: характер регулируемого отношения напрямую зависит от характеристики (источника) регулирующей нормы. Например, если данные отношения урегулированы нормами ГК РФ, то это гражданско-правовые отношения, а если нормами КоАП РФ – административно-правовые и т. д.

Отсюда следует логический вывод: если отношения регулируются нормами национального права – это внутригосударственные отношения, ну а если нормами международного права, то это – международные (межгосударственные) отношения. Таким образом, общественные отношения с участием индивидов, урегулированные, например, нормами международных договоров, автоматически трансформируются, «превращаются в межгосударственные» [Бахин, 2015, с. 99].

Утверждать зависимость характера регулируемого отношения от природы ис-

точника регулирующей нормы – значит поставить телегу впереди лошади. Характер регулируемого отношения определяется не природой источника права, в котором содержится норма, регулирующая данное общественное отношение. Он определяется предметом и методом его правового регулирования.

В основе деления национального права на отрасли также лежат вовсе не источники права, а предмет и метод правового регулирования общественных отношений. И уже к числу самих источников отраслей права относят только те из них, которые содержат нормы, регулирующие соответствующие отношения, а никак не наоборот. Появление, скажем, в ГК РФ нормы права, устанавливающей юридическое неравенство субъектов или властные полномочия одного субъекта по отношению к другому, – нонсенс в праве. Но если бы такое оказалось возможным, то вне зависимости от того, что эта норма оказалась в Гражданском кодексе, регулируемые ею отношения все равно не могли бы рассматриваться как гражданско-правовые отношения. Таким образом, само формирование источников права по отраслям права происходит по признаку характера регулируемых отношений, а не наоборот.

В странах континентальной системы права источники кодифицированы по отраслям правового регулирования, четко разграничивается национальное и международное право. Но в странах англосаксонской системы права нет такого четкого деления права на отрасли, а само право, в основном, не кодифицировано. В них все применяемые нормы права, в том числе самоисполнимые нормы международного права (если их существование допускается), в принципе представляет собой единое правовое поле, а основным источником внутригосударственного права является судебный прецедент. Как определить характер регулируемого отношения в этих странах, если исходить при этом из природы источника права?

Подойдем к этой проблеме (как в математике) «от противного». Если исходить из того, что источник права определяет ка-

² Текст Конституции Российской Федерации см.: СЗ РФ. 04.08.2014, - N 31, - ст. 4398.

кое это правоотношение, а, следовательно, и кто является субъектом права, то в силу того, что существуют только международное право и национальное право отдельных государств, могут существовать только международные и внутригосударственные отношения. Но ведь есть еще трансграничные отношения. Получается, что их в природе просто не существует, ибо, при таком подходе, каждое из них может быть либо внутригосударственным правоотношением того государства, национальное право которого его регулирует, либо международным межгосударственным отношением (если речь идет о регулировании отношения самоисполнимой международно-правовой нормой). Следует признать, что поскольку такие выводы противоречат реальной действительности, то и сами подобные концептуальные подходы не верны.

Концепции международной правосубъектности индивидов.

Позиции сторонников этого подхода основываются на том, что если нормы международного права непосредственно наделяют индивидов, как субъектов регулируемого ими отношения, правами и обязанностями, то это автоматически трансформирует их в субъектов международного права. Приведем здесь мнение некоторых из них. Так, по мнению А. Фердросса «субъектами международного права являются лица, поведение которых регулируется непосредственно международным правопорядком» [Фердросс, 1959, с. 113]. Р. Мюллерсон считает, что «вполне возможно определить как субъекта международного права любое лицо или образование, обладающее правами и обязанностями, возникающими из норм международного права» [Mullerson, 1990, р. 35]. С ним солидарен проф. Ушаков Н.А., по мнению которого «субъекты международного права – это стороны, лица,

наделенные юридическими правами и юридическими обязанностями в общественных отношениях, урегулированных международным правом» [Курс международного права, 1989, с. 160]. И даже один из самых известных противников теории международной правосубъектности индивидов проф. Черниченко С.В. считает, что если бы международное право прямо регулировало отношения с участием индивидов, то они в таких случаях становились бы субъектами международного права [Черниченко, 2015, с. 89].

При этом одни авторы, в рамках отстаиваемых теорий признают за индивидами международную правосубъектность вообще без каких-либо оговорок³. Другие, учитывая, что индивиды не могут заключать международные договоры, говорят об их «специфической международной правосубъектности»⁴, «временной международной правосубъектности на период своего участия в конкретном международном правоотношении» [Кудряшов, 2000, № 8], «ограниченной международной правосубъектности»⁵, «специальной правосубъектности» [Вельяминов, 1986, с. 85]⁶. Иногда они используют применительно к ним такие понятия, как нетрадиционные, неосновные, нетипичные, вторичные, несуверенные, правоприменяющие субъекты международного права [Гетьман-Павлова, 2013, с. 100; Международное право, 2014, с. 160] или говорят о субъектах-«дестинаторах» международно-правовых норм [Мюллерсон, 1978, с. 125–139]⁷.

Им обоснованно возражают, что субъекты международного права должны обладать определенными качествами: они не находятся под чьей-либо юрисдикцией, обладают способностью к участию в международных (межгосударственных) отношениях, способны заключать между-

³ См., напр.: Международное публичное право: учебник / ред. К.А. Бекяшев. – М.: Проспект, 1998. – С. 114; и др.

⁴ См., напр.: Международное право: учебник для вузов / ред.: Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. – М.: НОРМА, 2001. – С. 84.

⁵ См.: Общая теория прав человека / ред. Е.А. Лукашева. – М.: НОРМА, 1996. – С. 493.

⁶ См. также: Международное публичное право / Под ред. К.А. Бекяшева. – М., 2003. – С. 94.

⁷ Дестинаторы норм международного права (по Р.А. Мюллерсону) – лица или образования, которым нормы международного права непосредственно адресуются, но которые не могут участвовать ни в процессе создания норм международного права, ни в обеспечении их соблюдения.

народные договоры, могут выступать не только создателями и исполнителями, но и гарантами международно-правовых норм и т.д., которых нет у индивидов. Физические и юридические лица не могут заключать международных договоров. Их удел – международные контракты. Они не могут быть и гарантами норм международных договоров, иметь полномочия по обеспечению исполнения норм международного права. Они вправе обратиться за восстановлением своих нарушенных прав в международные органы, но обеспечительные меры и меры воздействия на государства оказывают не они и др. Это не убеждает. На свет появляются все новые и новые теории о существовании правообразующих и не правообразующих, традиционных и не традиционных субъектов международного права, наличия у индивидов «специфической» международной правосубъектности, различные «бенефициарные» теории и т. п.

Если говорить о международном праве, то его субъектами становятся не потому, что данные конкретные отношения урегулированы нормами того или иного источника международного права, а потому что регулируемое отношение является международным межгосударственным отношением межвластного характера. О том, как определяется характер правоотношения, мы уже говорили. Вступать в эти отношения могут только субъекты международного права.

На самом деле правосубъектность напрямую зависит не от источника регулирующей нормы, а от характера регулируемых общественных отношений, и уже «в зависимости от того, какие общественные отношения регулируют нормы права, решается и вопрос, чья деятельность должна быть урегулирована, кто является субъектом права» [Абдуллаев, Комаров, 2003, с. 380-381].

Часто непосредственное наделение индивидов правами и обязанностями приписывается международно-правовым нормам. Так, физические лица действительно могут обратиться в международные, в том числе судебные, органы по защите своих прав и свобод. Но сами такие договоры непосредственно не предоставляют индивидам каких-либо прав, как, в прочем, не налагают на них и каких-либо обязанностей. Право обращаться с жалобами в международные органы по защите прав и свобод предоставлено индивидам не международными договорами, а государствами во исполнение ими принятых на себя по договору обязательств.

В то же время нельзя отрицать того, что в тех странах, где допускается применение самоисполнимых международно-правовых норм, в частности, в России, эти нормы непосредственно наделяют индивидов, как субъектов регулируемых отношений, правами и обязанностями [Craig, p. 199-213.]⁸.

Поскольку сама способность международно-правовых норм к такому регулированию не вызывает сомнений, для понимания вопросов правосубъектности в сложившейся ситуации важно определиться с тем, какое же место занимают такие самоисполнимые нормы, скажем, в международных договорах, а, следовательно, и в международном праве. Никто из сторонников, да и противников теорий трансформации этим вопросом как-то не задавался.

Возьмем для примера известную Конвенцию ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. (далее – Конвенцию), направленную на урегулирование, прежде всего, трансграничных отношений между индивидами⁹. Цель Конвенции – установление единообразных правил по договорам купли-продажи товаров между сторонами, коммерческие предприятия которых находятся в разных государствах.

⁸ Причем указаний на саму такую возможность в национальном законодательстве различных государств становится все больше. Мало того, на такую возможность все чаще указывают и многочисленные международные акты. Так, Суд ЕС неоднократно указывал на то, что для того, чтобы норма права ЕС имела прямое действие, она должна быть юридически действительной с точки зрения соответствующей национальной правовой системы и регулировать права частных лиц.

⁹ Текст Конвенции Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. см.: Вестник ВАС РФ. 1994. N 1.

Россия - участник Конвенции. Нормы этой Конвенции имеют самоисполнимый характер и непосредственно применяются, если не сделано специальной оговорки, к отношениям продавца и покупателя по сделке из стран-участниц.

Статья 30 этой Конвенции устанавливает, что «Продавец обязан поставить товар, передать относящиеся к нему документы и передать право собственности на товар в соответствии с требованиями договора и настоящей Конвенции». Несет ли Россия ответственность перед другими государствами-участниками этой Конвенции за невыполнение продавцом этих своих обязательств, при условии, что он является гражданином Российской Федерации или юридическим лицом, личным законом которого является право нашего государства? Должна ли Российская Федерация компенсировать убытки, причиненные другой стороне договора купли-продажи, в случае недобросовестного исполнения таким продавцом своих обязательств? Должен ли такой продавец нести суровое, но заслуженное наказание перед нашим государством за нарушение подобных норм Конвенции? Как «нет», если речь идет о международном договоре, участником которого является и Россия? Тем более, что, по мысли сторонников критикуемых конвенций, если какая-то норма нашла свое закрепление в международном договоре, то она уже автоматически трансформирует все регулируемые отношения в межгосударственные отношения, а субъектов регулируемых отношений - в субъектов международного права.

Понятно, что между нормами этой Конвенции, регулирующими отношения между заключившими договор государствами и нормами, направленными на урегулирование трансграничных (т. е. не межгосударственных отношений), несмотря на то, что и те и другие являются нормами одного и того же международного договора, есть какое-то принципиальное отличие. Что же представляет собой комплекс норм, по поводу которого государства договариваются между собой, берут взаимные обязательства, но положения которых, буду-

чи зафиксированными в международном договоре, непосредственно не направлены на урегулирование отношений между государствами-участниками, более того, не могут быть даже самостоятельной основой для их возникновения?

Попробуем с этим разобраться. Чем характеризуется этот комплекс норм?

Во-первых, эти нормы содержат максимально точное определение того, по поводу чего государства принимают на себя определенные обязательства. Во-вторых, в силу совершенно иной направленности эта группа норм не закрепляет прав и обязанностей самих участников договора, т. е. сами по себе эти нормы на государства-участники никаких прав и обязанностей не налагают. В-третьих, права и обязанности сторон международного договора определяются по поводу и в связи с этими положениями, но совсем иными нормами того же самого договора. В-четвертых, тем не менее, все эти нормы являются международно-правовыми нормами.

Отсюда, нетрудно сделать вывод о том, что самоисполнимые нормы международного договора составляют не что иное, как *объект* этого договора.

Что же представляет собой *объект* международного договора, а заодно его цель и предмет?

Не вдаваясь в научные дискуссии по не принципиальным для нашего исследования вопросам, отметим, что представляется наиболее верной точка зрения, согласно которой «объектом международного договора является все то, по поводу чего государства заключают договор, т. е. вступают в договорные отношения. В качестве объекта могут выступать материальные и нематериальные блага, действия и воздержание от определенных действий. Международное право не содержит каких-либо ограничения относительно выбора его субъектами объекта международных договоров.

Целью договора является то, что субъекты международного права стремятся осуществить или достигнуть путем заключения договора.

Объект определяется в названии, либо в контексте договора, а цель – в преамбуле

либо в первых статьях договора» [Международное право, 2012, с. 298-299].

Следует согласиться с проф. Левиным Д.Б. в том, что блага, применительно к объекту международного договора, «могут касаться как непосредственно интересов самого государства, так и граждан, лиц, проживающих на его территории, государственных, общественных и частных учреждений» [Левин, 1974, с. 60-61].

Предметом правового регулирования международного договора являются те общественные отношения, которые складываются между субъектами данного договора по поводу и в связи с его объектом. Именно в ходе урегулирования этих отношений и происходит наделение государств-участников правами или наложение на них соответствующих международно-правовых обязанностей. Только несоблюдение именно этих прав и обязанностей может повлечь международно-правовую ответственность для участвующих в договоре субъектов международного права¹⁰.

Отсюда следует, что нормы международного договора, направленные на урегулирование не межгосударственных отношений представляют собой *объект* этого договора, а нормы, направленные на регулирование отношений участников договора по поводу его объекта, непосредственно наделяющие субъектов межгосударственных отношений правами и обязанностями по поводу и в связи с его объектом, являются *предметом* международно-правового регулирования.

В то же время в объект международного договора не могут входить те его нормы, что направлены на регулирование *предмета* международного договора, т. е. отношений участников данного договора, возникающие по поводу и в связи с его объектом.

Например, объектом Конвенции о защите озонового слоя 1985 г. является именно озоновый слой, ее целью является его защита. Регулирование межгосударственных отношений по поводу озонового слоя составляют предмет этой Конвенции. Или объектом, скажем, Международных Пактов о правах человека 1966 г. являются права человека, их определение и содержание. Целью Пактов является установление всеобщего уважения и соблюдения прав человека и основных свобод, их обеспечения со стороны государства. Общие обязательства государств в отношении объектов указаны в статье 2 каждого из Пактов, которые в дальнейшем в тексте Пактов конкретизированы применительно к тем или иным правам или свободам. Объектом Конвенции Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. является единый комплекс выработанных и согласованных государствами норм, направленных на урегулирование трансграничных отношений, связанных с договорами купли-продажи товаров, заключенных между сторонами, коммерческие предприятия которых находятся в разных государствах. Ее цель – установление единообразных правил по частноправовым внешнеэкономическим сделкам (договорам). Регулирование межгосударственных отношений, складывающихся по поводу реализации (в том числе применения судами) этого комплекса норм в пределах юрисдикции каждого из государств-участников представляет собой предмет Конвенции.

Могут ли нормы, закрепляющие объект договора представлять собой нормы, направленные на урегулирование общественных отношений? Да, могут. Вот только эти отношения не являются международными межгосударственными отношениями¹¹. За-

¹⁰ Хотя истории известны примеры такой ответственности у третьих государств.

¹¹ Нечто похожее существует в национальном праве, где объект правонарушения представляет собой урегулированные правом общественные отношения. При этом эти отношения могут быть урегулированы нормами совершенно иных отраслей права. Так, в соответствии с п. 1 ст. 209 ГК РФ «Собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом». Вор, совершая кражу, посягает на эти установленные законом положения права собственности. Несмотря на то, что общественные отношения собственности урегулированы гражданским правом, именно они будут объектом соответствующего совершаемого административного проступка или уголовного преступления. И, конечно же, при этом эти отношения не становятся уголовно-правовыми или административно-правовыми отношениями.

бегая вперед, отметим, что все эти отношения являются трансграничными отношениями и потому речь здесь следует вести не о международной, а о трансграничной правосубъектности.

Теории о том, что МЧП не имеет собственного содержания, а представляет собой только учебно-методический и/или научный термин.

Сторонники такого подхода (В.В. Гаврилов, П.Н. Бирюков, Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова и др.) ставят под сомнение само существование МЧП и других подобных образований.

Все дело в том, что каждое межсистемное образование (в том числе и МЧП) регулирует тот или иной вид именно трансграничных отношений и состоит из правовых норм разных правовых систем. Эта группа авторов считает, что любое объединение таких норм является либо невозможным, либо искусственным. Так, по мнению В.В. Гаврилова, МЧП является неким искусственным образованием, «которое нельзя рассматривать ни как часть международного, ни как часть внутригосударственного права. Не образует оно и собственной системы права, так как само состоит из норм этих правовых систем» [Гаврилов, 1997, с. 13-14].

В то же время, сторонники этой концепции признают, что термин «международное частное право» используется (в том числе в международных документах), для обозначения совокупности норм международного и национального права, регулирующих отношения, в которых «участвуют, помимо государств и международных организаций, юридические и физические лица» [Международное право, 2016, с. 23].

С этой позицией автор не может согласиться по следующим основаниям:

1. В ходе формирования межсистемных образований происходит объединение не разных видов социальных норм, а норм одного их вида - норм права. Поэтому для их объединения нет, и не может быть, непреодолимых препятствий.

2. У каждого межсистемного образования есть свой предмет и методы правового регулирования, которые для соответствующих составляющих, состоящих из норм

разных правовых систем, являются идентичными.

3. Для регулирования трансграничных отношений часто применяются нормы иностранного права. При этом в разработке таких норм, в отличие от самоисполнимых норм международных договоров, применяющее их государство не принимает ни прямого, ни косвенного участия. Более того, эти нормы часто содержатся в источниках права, которые могут не признаваться в качестве источников права в данном государстве (например, для России это судебный прецедент, доктрина и др.). Не случайно по поводу самой возможности применения норм иностранного права в качестве норм, непосредственно регулирующих общественные отношения в другом государстве, в течение длительного периода (в рамках науки МЧП) шла ожесточенная дискуссия, которая стала затухать и постепенно сошла на-нет с появлением самоисполнимых международно-правовых норм. В этих условиях трудно признавать возможность объединения норм национального права данного государства и норм иностранного права для регулирования конкретного вида трансграничных отношений и отказывать в возможности такого объединения этой группы норм с соответствующими нормами международного права.

Искусственное разграничение национальных и «иностраных» норм права, направленных на регулирование одних и тех же трансграничных общественных отношений, приводит только к возникновению многочисленных проблем в теории и в правоприменительной практике.

4. То, что в ряде государств (в результате проявления их суверенной воли) к непосредственному регулированию трансграничных отношений допущены международно-правовые нормы, т. е. нормы правовой системы иного типа, не делает формирование межсистемных образований невозможным. В международном праве у этих норм совсем иное предназначение. Их цель – формирование единого подхода государств к регулированию не межгосударственных, а именно трансграничных отношений. В силу этого они и выступают в международ-

ном праве в качестве объекта правового регулирования, а не его предмета.

5. Для обозначения любой отрасли российского права применяется конкретный термин (гражданское право, уголовное право, административное право и т. д.). Он же применяется для обозначения совокупности правовых норм, которые находятся в тесном взаимодействии и регулируют при помощи специфических методов особую группу относительно обособленных общественных отношений. При этом никто не отрицает существования такой совокупности только на основании того, что эти нормы содержатся в разных по своему виду источниках права (нормативно-правовых актах, нормативных договорах, правовых обычаях и др.). Термин «международное частное право» так же предназначен для определения конкретного межсистемного образования и обозначения определенной совокупности правовых норм, принимающих участие в регулировании данного вида общественных отношений.

6. И, наконец, главное. Конечно же, любая теоретическая концепция обладает долей условности. Так в странах романо-германской правовой семьи единое право делится на отрасли и институты.

В то же время в рамках англосаксонской правовой семьи систематизация права не предполагает четкого деления права на отрасли и институты. Их существование в странах общего права рассматривается именно в качестве неких искусственных образований, исключительно учебно-методических и научных терминов, т. е. с позиций, очень близких В. В. Гаврилову и др.

В то же время в них существует деление права на публичное и частное (отсюда все-таки признается существование международного частного права). Но, скажем, трудовое право не выделяется как отрасль, хотя именно ему, тем не менее, посвящены объемные учебники, в которых оно рассматривается именно как учебная дисциплина. Мало того, в них используется сам термин «трудовое право», но именно как термин (или область изучения), а не как совокупность правовых норм, образующих отрасль права [Collins, Ewing, 2005; Selwyn, 2006; Atleson, Compa, 2008; Rothstein, Craver, 2005].

Любая теоретическая концепция должна обязательно обладать таким качеством как последовательность. Если под сомнение не ставится система российского права, признается существование в ней институтов и отраслей права, межотраслевых образований и деление права на публичное и частное, то необходимо признавать и существование межсистемных образований. Дело в том, что *базовой основой формирования последних всегда служат именно крупные структурные элементы национального права, а значит и те и другие исходят из одних и тех же теоретических подходов к своей конкретизации, выделению и существованию.*

Таким образом, несмотря на то, что в рамках отдельных теорий пересмотру (да еще в разных плоскостях) были подвергнуты условия почти всех указанных выше неправных тезисов, разрешить обозначенную проблему теории международного права так и не удалось.

Литература

1. Абдуллаев М. И., Комаров С. А. Проблемы теории государства и права: учебник. – СПб.: Питер, 2003. – С. 380-381.
2. Бахин С. В. Международное и национальное право: соотношение правовой природы. // Современное международное право: теория и практика. – М.: Оригинал Макет. 2015.
3. Гаврилов В. В. Международное частное право: Учебное пособие. Владивосток, 1997.
4. Гетьман-Павлова И. В. Международное право: учеб. для бакалавров. 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Юрайт, 2013.
5. Зимненко Б. Л. Международное право и правовая система Российской Федерации. - М. 2006.
6. Кудряшов С. М. Новые тенденции развития права международной правосубъектности // Право и политика. – 2000. – № 8.

7. Курс международного права. В 7 т., Т. 1. - М., 1989.
8. Левин Д. Б. Актуальные проблемы теории международного права. - М.: Наука, 1974.
9. Лукашук И. И. Соотношение внутригосударственного и международного права в свете новой Конституции СССР // Вестник Киев. ун-та. Серия «Междунар. отношения и междунар. право». - Киев, 1979. - Вып. 8.
10. Лукашук И.И. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации // Журнал российского права. 2002. № 3.
11. Международное право / под ред. А. А. Ковалева, С. В. Черниченко. - М., 2007.
12. Международное право: учебник для бакалавров / под ред. А. Н. Вылегжанина. - М.: Юрайт, 2012.
13. Международное право : учеб. для бакалавров / под ред. А. Я. Капустина. 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Юрайт, 2014.
14. Международное право: учебник для академического бакалавриата. 3-е издание. / под ред. А. Н. Вылегжанина. - М.: Юрайт, 2016. Том. 1.
15. Мюллерсон Р. А. Национально-правовая имплементация международных договоров // Сов. ежегодник междунар. права. 1978. - М.: Наука, 1980. - С. 125-139.
16. Толстых В. Л. Курс международного права: учебник. - М.: Волтерс Клувер. 2009.
17. Фердросс А. Международное право. - М.: Издательство иностранной литературы, 1959.
18. Черниченко С. В. Вопрос о соотношении международного и внутригосударственного права как правовых систем // Правоведение. - 2009.
19. Черниченко С. В. Теория международного права. В 2-х томах. Том 1: Современные теоретические проблемы. - М.: НИМП, 1999. - С. 151-152.
20. Черниченко С. В. Нескончаемая дискуссия о международной правосубъектности индивидов // Евразийский юридический журнал. - 2015. - №5.
21. Atleson J., Compa L. et al. International labor law: cases and materials on workers' rights in the global economy. Thomson-West, 2008.
22. Batiffol H., Lagarde P. Droit international prive. Paris, 1993. Т. 1. 8 tdition. P. 206, 529-530.
23. Denza E. The relationship between international and national law // International Law . Edited by Malcolm D. Evans. Second edition. 2006. P. 429-435.
24. Cassese A. International Law. Seond edition. 2005. P. 224-237.
25. Craig, P. EU Law: Text, Casesand Materials / P. Craig . 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 1998. P. 199-213.
26. Collins, H., Ewing, K.D., McColgan, A. Labour Law. Text and Materials. 2nd Ed. Hart Publishing, Oxford and Portland, Oregon, 2005.
27. Mullerson R. A. Human Rights and Individual as Subject of International Law: A Soviet View // EJIL. 1990. № 1.
28. Rothstein M.A., Craver C.B, Schroeder E.P., Shoben E.W. Employment Law. 3d Ed. Thomson West, 2005.
29. Selwyn N. Selwyn's Law of Employment. 14th Ed. Oxford University Press, 2006.
30. Verhoeven J. Droit international public. Larcier. 2000. P. 453-484;
31. Verma S.K. An Introduction to Public International Law. PHI Learning Pvt. Ltd. 2004. P 54-68.

Does International Law Regulate Relations with Participation of Individuals? (Part I)

*Boris I. Nefedov**

Abstract: The occurrence and the futility of the scientific debate on the most debated in the scientific literature of the fundamental problems of the General theory of international law related to same – lack of resolution of complex theoretical problems, which can be called the main problem of the theory of international law over the past century and a half. It is based on seemingly irreconcilable differences.

* Boris I. Nefedov – Doctor of laws, Professor of the Chair of International law MGIMO-University MFA Russia. boris-nefedov@mail.ru

So, on the one hand, international legal norms can (under certain conditions) regulate relations with participation of individuals but, on the other hand, individuals are subjects of international law and relations involving them are not international intergovernmental relations, i.e. subject to international law. In the first part the article provides a criticism of the main directions taken in science attempts to solve this problem: theories of transformation; concepts recognition relationships with participation of individuals regulated by norms of international law, international relations; concepts of international legal personality of individuals; claims that Private international law does not have its own content, and represents only teaching and/or scientific term. In the result it is concluded that none of these concepts does not solve the basic problem of the General theory of international law. In the second part of the article offers the solution.

Keywords: theory of transformation; the international personality of individuals in international relations; subject and object of an international Treaty.

References

1. Abdullaev M. I., Komarov S. A. Problemy teorii gosudarstva i prava: uchebnik [The Problems of the Theory of State and Law: a textbook]. – SPb.: Piter, 2003. – S. 380-381.
2. Bahin S. V. Mezhdunarodnoe i nacional'noe pravo: sootnoshenie pravovoj prirody. / Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo: teoriya i praktika. [International and national law: the ratio of the legal nature. / Contemporary international law: theory and practice]. – M.: Original Maket. 2015.
3. Gavrilov V. V. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: Uchebnoe posobie [Private international law]. Vladivostok, 1997.
4. Get'man-Pavlova I. V. Mezhdunarodnoe pravo: ucheb. dlja bakalavrov [International Law: a textbook for bachelor students] 2-e izd., pererab. i dop. – M.: Jurajt, 2013.
5. Zimnenko B. L. Mezhdunarodnoe pravo i pravovaja sistema Rossijskoj Federacii [International law and the legal system of the Russian Federation] – M. 2006.
6. Kudrjashov S. M. Novye tendencii razvitiya prava mezhdunarodnoj pravosub#ektnosti [New Trends in the International Law of Legal Personality] // Pravo i politika. – 2000. – № 8.
7. Kurs mezhdunarodnogo prava. V 7 t., T. 1. [Course in international law. In 7 volumes. Volume 1] – M., 1989.
8. Levin D. B. Aktual'nye problemy teorii mezhdunarodnogo prava [Actual problems of the theory of international law] – M.: Nauka, 1974.
9. Lukashuk I. I. Sootnoshenie vnutrigosudarstvennogo i mezhdunarodnogo prava v svete novoj Konstitucii SSSR [The ratio of domestic and international law in the light of the new Constitution of the USSR] // Vestnik Kiev. unta. Seriya «Mezhdunar. otnoshenija i mezhdunar. pravo». – Kiev, 1979. – Vyp. 8.
10. Lukashuk I.I. Vzaimodejstvie mezhdunarodnogo i vnutrigosudarstvennogo prava v uslovijah globalizacii [Globalization and the Relationship between International and National Law] // Zhurnal rossijskogo prava. – 2002. – № 3.
11. Mezhdunarodnoe pravo [International law] / pod red. A. A. Kovaleva, S. V. Chernichenko. – M., 2007.
12. Mezhdunarodnoe pravo: uchebnik dlja bakalavrov [International law: textbook for bachelors] / pod red. A. N. Vylegzhanina. – M.: Jurajt, 2012.
13. Mezhdunarodnoe pravo: uchebnik dlja bakalavrov [International law: textbook for bachelors] / pod red. A.Ya. Kapustina. 2nd edition. – M.: Urait, 2014.
14. Mezhdunarodnoe pravo: uchebnik dlja akademicheskogo bakalavriata [International law: textbook for bachelors]. 3-e izdaniye / pod. Red. A.N. Vylegzhaninанина. – M.: Urait, 2016. Tom. 1.
15. Mullerson R. A. Nacional'no-pravovaja implementacija mezhdunarodnyh dogovorov [National Legal Implementation of International Agreements] // Sov. ezhegodnik mezhdunar. prava. 1978. – M.: Nauka, 1980. – S. 125–139.
16. Tolstyh V. L. Kurs mezhdunarodnogo prava: uchebnik [Course in international law: a textbook] – M.: Volters Kluver. 2009.
17. Ferdross A. Mezhdunarodnoe pravo [International law] – M.: Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1959.
18. Chernichenko S. V. Vopros o sootnoshenii mezhdunarodnogo i vnutrigosudarstvennogo prava kak pravovyh sistem [The question of the relationship between international and domestic law as legal system] // Pravovedenie. - 2009. - № 1.
19. Chernichenko S. V. Teoriya mezhdunarodnogo prava [Theory of International Law]. V 2-h tomah. Tom 1: Sovremennye teoreticheskie problemy. – M.: NIMP, 1999. – S. 151-152.

20. Chernichenko S. V. Neskonchaemaja diskussija o mezhdunarodnoj pravosub#ektnosti individov [The endless debate about the international legal personality of individuals] // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. – 2015. – № 5.
21. Atleson J., Compa L. et al. International labor law: cases and materials on workers' rights in the global economy. Thomson-West, 2008.
22. Batiffol H., Lagarde P. Droit international prive. Paris, 1993. T. 1. 8 tdition. P. 206, 529-530.
23. Denza E. The relationaship between internftional and national law // International Law . Edited by Malcolm D. Evans. Second edition. 2006. P. 429-435.
24. Cassese A. International Law. Seond edition. 2005. P. 224-237.
25. Craig, P. EU Law: Text, Casesand Materials / P. Craig . 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 1998. P. 199-213.
26. Collins, H., Ewing, K.D., McColgan, A. Labour Law. Text and Materials. 2nd Ed. Hart Publishing, Oxford and Portland, Oregon, 2005.
27. Mullerson R. A. Human Rights and Individual as Subject of International Law: A Soviet View // EJIL. 1990. № 1.
28. Rothstein M.A., Craver C.B, Schroeder E.P., Shoben E.W. Employment Law. 3d Ed. Thomson West, 2005.
29. Selwyn N. Selwyn's Law of Employment. 14th Ed. Oxford University Press, 2006.
30. Verhoeven J. Droit international public. Larcier. 2000. P. 453-484.
31. Verma S.K. An Introduction to Public International Law. PHI Learning Pvt. Ltd. 2004. P 54-68.

ПРАВО МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

РОЛЬ ООН В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБОРОТА СТРЕЛКОВОГО ОРУЖИЯ И ОБЫЧНЫХ (ЛЕГКИХ) ВООРУЖЕНИЙ

Ю.Н. Малеев*, И.Б. Серов**

Аннотация. По числу жертв стрелкового оружия его можно назвать «оружием массового уничтожения». Но нет всемирного режима его нераспространения. Регулированием этого процесса занимаются многие международные организации. Среди них наиболее активна ООН. В 2001 году ООН разработала «Программу действий по предотвращению, борьбе и искоренению нелегальной торговли стрелковым оружием и легкими вооружениями во всех ее аспектах». Предусматриваются регулярные обзоры ее имплементации, последний сделан на прошедшем с 6 по 10 июня 2016 года в рамках ООН Шестом Совещании. 2 апреля 2013 года ГА ООН одобрила «Международный договор о торговле оружием» (МДТО)¹. По состоянию на конец декабря 2016 г. МДТО подписали 130 государств, ратифицировали – 91. Россия на данном этапе исходит из нецелесообразности присоединения к Договору. Действуют и другие источники международного права в рассматриваемом вопросе. Прежде всего, это *Вассенаарские договоренности*. Санкционные решения (эмбарго) ООН в данной сфере выступают не как одна из форм или видов международной ответственности, а как принудительные меры, направленные на восстановление нарушенного миропорядка. Вместе с тем, эмбарго ООН на поставки оружия не вполне эффективны. Начиная с 1800 года, режим эмбарго на территории России вводит первое лицо государства. В Российской Федерации полномочия по установлению запретов и ограничений внешней торговли предоставлено главе государства. На деятельность террористических организаций не влияют политические и дипломатические инструменты сохранения мира. Контроль за изготовлением и распространением продукции военного назначения становится важной задачей международной политики.

* Малеев Юрий Николаевич – доктор юридических наук, профессор МГИМО МИД России. prof.maleev@mail.ru.

** Серов Иван Борисович – старший эксперт Департамента безопасности ОАО РОСОБОРОНЭКСПОРТ соискатель кафедры международного права МГИМО МИД России.

¹ Вступил в силу Международный договор о торговле оружием. Режим доступа: <https://rg.ru/2014/12/24/orugiye-anons.html>. Дата обращения 01.03.2017.

Ключевые слова: международный оборот стрелкового оружия и обычных (легких) вооружений; Программа ООН; международный договор о торговле оружием; санкции (эмбарго); решения Президента Российской Федерации; терроризм; борьба с незаконным оборотом продукции военного назначения.

Роль ООН весьма значительна в вопросах регулирования международного оборота продукции военного назначения (ПВН), в частности – продажи, передачи оружия [Кудашкин, 2003, с. 69]. Проблематика регулирования оборота стрелкового оружия и обычных (легких) вооружений (ЛСО) по-прежнему занимает в этом плане большое место. Не меньшее, чем вопросы оборота оружия массового поражения.

Так, на Конференции ООН по стрелковому оружию 2006 года, под рубрикой «Стрелковое оружие так же опасно, как и оружие массового уничтожения» отмечалось: «Число погибших от стрелкового оружия намного превосходит число погибших в результате применения других систем вооружений, причем почти каждый год число погибших от стрелкового оружия значительно превосходит число погибших в результате атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. По числу жертв стрелкового оружия его действительно можно было бы назвать «оружием массового уничтожения». Но, несмотря на это, в отличие от ситуации с химическим, биологическим и ядерным оружием, до сих пор нет никакого всемирного режима нераспространения, который ограничивал бы расползание этого оружия по всему миру»².

ООН пыталась и пытается создать такой режим. Промежуточным в этом плане можно считать подготовленный в ноябре 1992 года форумом «Безопасность и сотрудничество» под эгидой Совета Безопасности ООН *Документ о руководящих принципах в области передачи обычных вооружений*, который носит политический характер.

«Обычные» вооружения, о которых идет речь в настоящей статье, в принципе легализовано и на рынке (экспорта – импорта) вооружений и при его передаче. Но отчасти по этой же причине регулированием его оборота приходится заниматься практически постоянно и ООН и другим международным организациям (в основном – региональным), в том числе – вопросами борьбы с нелегальным оборотом ЛСО.

В этом плане, в 2001 году ООН разработала более важный документ: «Программу действий по предотвращению, борьбе и искоренению нелегальной торговли стрелковым оружием и легкими вооружениями во всех ее аспектах» (ПД-1 – *авторское сокращение для целей настоящей статьи*)³.

ПД – 1 предусматривает регулярные обзоры ее имплементации. В 2003, 2005, 2008, 2010, 2014 и 2016 гг. прошли совещания государств – членов ООН по рассмотрению осуществления Программы, в 2006 и 2012 гг. – Конференция по обзору прогресса в выполнении Программы (Обзорная конференция), а в 2011 и 2015 гг. – совещания правительственных экспертов открытого состава (СПЭОС).

Принимая к сведению многочисленные доктринальные оценки данной Программы [Cortright and Lopez, 2002. pp.110–115; Lamb, 2007, pp.11–12; Tierny, 2005, pp.652–653] и чтобы быть ближе к сегодняшнему дню, отметим, что на прошедшем с 6 по 10 июня 2016 года в рамках ООН Шестом Совещании для рассмотрения процесса осуществления ПД-1 был одобрен подготовленный Председателем Проект 4. Он носит комплексный характер, охватывая проблематику осуществления ПД-1 на национальном, региональном и субрегиональном

² Стрелковое оружие так же опасно, как и оружие массового уничтожения. Режим доступа: <http://www.un.org/ru/events/smallarms2006/background.htm>. Дата обращения 01.03.2017.

³ [un.org/ru/events/smallarms2006/actions.pdf](http://www.un.org/ru/events/smallarms2006/actions.pdf).

уровнях, а также «...на глобальном уровне и в свете Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». (Для удобства понимания данного материала и только в целях настоящей статьи авторы называют данный документ ПД-2).

В этом документе, в частности, подчеркивается (приводим выборочно):

2. Закладывая основы для проведения предметной перспективной третьей Конференции ООН для обзора прогресса в осуществлении ПД-1, которая состоится в 2018 году.

5. ... отмечая необходимость введения эффективных с точки зрения затрат мер контроля по предупреждению незаконной брокерской деятельности.

6. Подчеркивая важность сертификатов конечного пользователя и сертификации конечного использования в процедурах лицензирования экспорта СЛО.

7. Признавая, что определение стандартов и процедур, устанавливаемых государствами для управления запасами СЛО и обеспечения их физической безопасности в соответствии с положениями Программы действий, является прерогативой государств⁴.

В качестве важной попытки усиления влияния государств на оборот оружия следует отметить инициативу (в середине 90-х годов прошлого столетия) ряда общественных деятелей, лауреатов Нобелевской премии и представителей некоторых неправительственных организаций по запрету на поставки оружия, в частности, ЛСО, в регионы военных конфликтов и с недемократическим режимом.

ООН, естественно, «подключилась» к этой инициативе. На ее основе был разработан проект Международного кодекса поведения при трансферах вооружения, ставший основой рамочной конвенции о международных поставках оружия, в дальнейшем получившей название «Международный договор о торговле оружием» (МДТО), который был одобрен 2 апреля 2013 года Генеральной Ассамблеей ООН⁵.

По состоянию на конец декабря 2016 г. МДТО подписали 130 государств, ратифицировали – 91, в том числе все члены Евросоюза. Из крупнейших импортеров и экспортеров оружия участниками МДТО не являются Индия, Китай, Пакистан, Саудовская Аравия, а также все без исключения государства – члены ОДКБ (в рамках СНГ к нему присоединилась только Молдавия; в сентябре 2014 г. МДТО подписала, но до сих пор не ратифицировала Украина). США, традиционно занимающие лидирующие позиции на мировом рынке вооружений, подписали МДТО в сентябре 2013 г., но до сих пор его не ратифицировали.

Россия на данном этапе исходит из нецелесообразности присоединения к Договору, для чего есть серьезные основания:

- неоднозначна практика начавшегося применения МДТО его участниками. Фиксировались неоднократные случаи нарушения отдельными государствами взятых на себя обязательств в отношении недопущения поставок ПВН в зоны вооруженных конфликтов;

- в контексте становления и оформления организационных структур Договора проявились присущие МДТО в его нынешнем виде недостатки, не позволявшие в полной мере купировать риски перетока оружия в незаконный оборот;

- установленные МДТО стандарты существенно ниже российских.

Действуют и другие источники международного права в данной сфере. Прежде всего, это **Вассенаарские договоренности** (ВД) – соглашение, заключенное в 1996 году 33 государствами, с целью повышения ответственности при передачах обычных вооружений и товаров и технологий «двойного применения» для предотвращения их дестабилизирующих накоплений. ВД предусматривают добровольный обмен информацией между участниками в отношении поставок или отказа в поставках в третьи страны товаров и технологий «двойного применения», указанных в прилагаемых к соглашению списках. Государства-

⁴ A/CONF.192/BMS/2016/WP.1.

⁵ rg.ru»2014/12/24/orugiye-anons.html.

участники также согласились два раза в год предоставлять друг другу сведения о поставках обычных вооружений, номенклатура которых основывается на Регистре обычных вооружений ООН (*UN Register of conventional arms*).

В работе Вассенаара [Орлов, 2010, с. 57-61] приоритетами России остаются: предотвращение дестабилизирующих накоплений вооружений, в первую очередь, в зонах конфликтов; выполнение всеми участниками обязательств по нотификации военных поставок; обеспечение контроля за реэкспортом ранее поставленного или произведенного по иностранным лицензиям оружия; повышение транспарентности оружейного экспорта за счет предоставления уведомлений о поставках между членами режима (сейчас это делается только в отношении передач государствам – не участникам ВД).

По общей оценке, ВД представляет хорошую площадку для обсуждения и, если это возможно, учета озабоченностей партнеров, возникающих в связи с поставками, которые могут привести к дестабилизирующим накоплениям обычных вооружений в различных регионах мира.

Деятельность ООН в рассматриваемой сфере не может не «соприкасаться» с регулированием соответствующих вопросов другими международными (в основном, региональными) организациями и международно-правовыми документами. Кратко приведем их:

1. Документ ОБСЕ о легком и стрелковом оружии 2000 г.⁶, в котором содержатся обязательства сторон по обмену информацией о национальных системах маркировки и о производстве, экспорте, импорте, накоплении и ликвидации ЛСО. Дополнительно к данному документу в Евросоюзе приняты:

- Принципы ОБСЕ по контролю за деятельностью посредников по сделкам с ЛСО;
- Принципы ОБСЕ, касающиеся контроля за экспортом ПЗРК;
- Типовые элементы сертификатов конечного пользователя и процедуры проверки для экспорта ЛСО;

- План действий ОБСЕ по ЛСО.

2. Межамериканская конвенция о борьбе с незаконным производством и оборотом огнестрельного оружия, боеприпасов, средств взрывания и других, связанных с ними, элементов (СИФТА). Заключена в 1997 году 33-мя государствами – членами Организации американских государств (ОАГ).

3. Конвенция Центральной Африки о контроле над ЛСО, боеприпасами к нему, а также над запасными частями и компонентами, которые могут служить для его изготовления, ремонта и сборки. Подписана 30 апреля 2010 г. 11-ю государствами Центральной Африки.

ООН, кроме прочего, вырабатывает стратегии по борьбе с терроризмом, в предотвращении снабжения террористов оружием.

Также ООН вправе принимать и принимает «санкционные» решения, касающиеся ограничений на поставки оружия конкретным государствам или на отдельные территории – т.е. эмбарго.

Санкции здесь выступают не как одна из форм или видов международной ответственности, а как принудительные меры, направленные на восстановление нарушенного миропорядка и в случае необходимости – давления на государство-правонарушителя при его отказе выполнить свои обязательства перед другим субъектом международного права или перед международным сообществом в целом. [Василенко, 1982, с.38].

Применяемые отдельными государствами односторонние меры экономического принуждения (например, экономическое, торговое и финансовое эмбарго США в отношении Кубы) не обладают международно-правовой легитимностью и необоснованно именуются санкциями. Это же можно сказать и в отношении «санкций» в отношении России со стороны западных стран в 2015 – 2017 годах в связи с событиями на Украине. [Малеев, Рачков, Ярышев, 2016, с. 81-93].

Важно отметить, что принудительные меры, направленные на прекращение по-

⁶ docs.pravo.ru/document/view/18707386/16399454/.

ставок ПВН осуществляются не самой ООН, а государствами-членами на основании решения СБ ООН. (За последние годы СБ ООН принимались решения об эмбарго на поставки оружия Сьерра-Леоне, Эритрее и Эфиопии, Ираку, Либерии и в ряд других государств).

Вместе с тем, представляется, что эмбарго ООН на поставки оружия не вполне эффективны. Для такого вывода есть несколько предпосылок:

- такие меры, как правило, накладываются слишком поздно и имеют символическое, а не практическое значение;
- неясны в их определениях охват или объем запрета;
- отсутствуют эффективные механизмы мониторинга и правоприменения ООН;
- их исполнение зависит от воли и возможностей государств-членов; нарушение эмбарго не снабжено действенными механизмами привлечения к ответственности;
- их введение усугубляет распределения баланса сил (в конфликте) [Cortright and Lopez. 2002, pp. 110–115; Lamb, 2007, pp. 11–12; Tierny, 2005, pp. 652–653].⁷

В целях осуществления контроля над соблюдением режима санкций за поставками вооружения и военной техники в каждом отдельном случае СБ ООН создает специальный вспомогательный орган. Например, в соответствии с пунктом 3 Резолюции СБ ООН № 1591 (2005 г.) по урегулированию ситуации в штате Дарфур (Судан) учрежден из всех членов СБ ООН Комитет для контроля, координации и выполнения мер, указанных в данной Резолюции⁸.

При этом в каждом случае подлежит строгому взвешиванию соблюдение политики сдержанности ведущих государств – экспортеров оружия, обладающих всеми экономическими и военными ресурсами, необходимыми для того, чтобы санкции Совета Безопасности ООН были действенными.

Исторически сложилось так, что режим эмбарго на территории России вводит первое лицо государства. В частности, в конце 18 века Павел I серией указов, первый из которых датируется 23 октября 1800 г., ввел режим эмбарго по отношению к Великобритании. Неудачная для России военная кампания 1807 года завершилась Тильзитским миром с Францией. По его условиям Россия была вынуждена присоединиться к Континентальной блокаде, направленной против Великобритании. 26 октября 1807 года была опубликована Декларация о разрыве отношений между Россией и Англией, а 28 октября Александр I подписал рескрипт, по которому вводился режим эмбарго по отношению к британцам [Демкин, 1994].

В Российской Федерации в соответствии со статьей 13 Закона о внешнеторговой деятельности полномочия по установлению запретов и ограничений внешней торговли товарами, услугами и интеллектуальной собственностью в целях участия Российской Федерации в международных санкциях предоставлено главе государства.

Статьями 6 и 9 Федерального закона «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами»⁹ закреплено, что Президент РФ имеет право на установление ограничений в области военно-технического сотрудничества, его решениями запрещается или ограничивается вывоз ПВН в отдельные государства, что неоднократно случалось на практике.

На сегодняшний день существуют дестабилизирующие факторы, отрицательным образом влияющие на возможности ООН в отношении эффективного регулирования оборота оружия:

1. Система ООН, базирующаяся на универсальности, привлекает безответственно действующие правительства, которые из стратегических соображений шантажируют

⁷ См. также: Oxfam International, Amnesty International and International Action Network on Small Arms, UN Arms Embargoes: An Overview of the Last Ten Years, Control Arms Briefing Note (Amnesty International: London, 16 Mar. 2006), <http://www.oxfam.org.uk/what_we_do/issues/conflict_disasters/bn_armsembargoes.htm>; and eds Wallenstein, Staibano and Eriksson (note 1).

⁸ Резолюция 1591 (2005), принята СБ на его 5153 заседании 29 марта 2005 года, Internet//www.OOH.ru.

⁹ Федеральный закон «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» - «Российская газета»-1998 - № 138, 23.07.1998.

сообщество государств, например, угрожая распространением или даже применением средств массового уничтожения (Северная Корея). Кроме того, отдельные государства прикрывают либо поддерживают терроризм. Поэтому консенсус государств, вытекающий из принципа универсальности, то есть принципа суверенности равенства, перестает быть гарантом международной безопасности, когда отдельные члены международного сообщества уклоняются от обязанностей, упрочивающих безопасность и доверие.

2. Духовно-политические особенности государства оказывают все большее влияние на характер угроз и рисков незаконной и неконтролируемой передачи оружия.

3. В настоящее время межгосударственные войны являются исключениями в международных конфликтах и вооруженных столкновениях. В большей степени причиной вооруженных конфликтов является перераспределение ресурсов в рамках одного государства; это внутригосударственные столкновения между этническими, религиозными и политически враждебными группами.

В этой связи территория конфликтов не выходит за пределы государства и не во всех случаях требует вмешательства со стороны международного сообщества. В таких случаях, в силу принципа суверенитета, потребности государства в приобретении оружия не могут ограничиваться внешним рассмотрением.

4. Члены террористических групп не связаны с какой-либо территорией и не несут ответственность за какой-либо конкретный народ, который они представляют. На деятельность террористических организаций не влияют политические и дипломатические инструменты сохранения мира, так как в них слабо развито чувство ответственности за тот народ, к которому их причисляют.

5. В результате технологического и экономического развития ПВН стала доступна не только большим государствам, но и негосударственным субъектам. Контроль за

ее изготовлением и распространением становится важной задачей международной политики.

6. В мире существуют государства, пережившие временный или абсолютный крах (Афганистан, Сомали). Такие безвластные, распадающиеся государства являются благоприятной почвой для возникновения хаоса, войн и преступности, и вследствие этого становятся нелегальными рынками сбыта оружия. При этом нередко происходит вмешательство во внутренние дела того или иного государства.

Что касается МДТО, по состоянию на конец декабря 2016 г. его подписали 130 государств, ратифицировали – 91, в том числе все члены Евросоюза. Из крупнейших импортеров и экспортеров оружия участниками МДТО не являются Индия, Китай, Пакистан, Саудовская Аравия, а также все без исключения государства – члены ОДКБ (в рамках СНГ к нему присоединилась только Молдавия; в сентябре 2014 г. МДТО подписала, но до сих пор не ратифицировала Украина). США, традиционно занимающие лидирующие позиции на мировом рынке вооружений, подписали МДТО в сентябре 2013 г., но до сих пор его не ратифицировали.

По состоянию на 1 февраля 2017 года Российская Федерация осуществляет военно-техническое сотрудничество с 81 страной мира, что, безусловно, не является пределом. Непосредственно отечественная продукция поставлялась в 65 стран мира. Используя имеющийся потенциал, Россия предполагает постоянное расширение рынков сбыта своих вооружений, предпринимая для этого все возможные усилия, что приводит к укреплению военно-политических позиций Российской Федерации в различных регионах мира, а также приносит значительные объемы финансовых средств в экономику страны.

Россия на данном этапе исходит из нецелесообразности присоединения к Договору, учитывая, в том числе, указанные выше основания.

Литература

1. Белалова Б.Ш. Место международно-правовых санкций в международном праве // Практический журнал для руководителей и менеджеров «Законодательство». – 2002. – № 12.
2. Василенко В.А. Международно-правовые санкции. Киев: «Вища школа», 1982.
3. Демкин А.М. «Между двумя эмбарго. Британское купечество в России в 1801- 1807 годах». [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.kreml.ru/fi/c5m1/i3246/thesisrussiabritain2003.pdf> Дата обращения 01.03.2017.
4. Кудашкин В.В. Государственное регулирование торговли продукцией военного назначения с иностранными государствами. С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2003.
5. Малеев Ю.Н., Рачков И.В., Ярышев С.Н. Санкции в международном праве. Точка не поставлена // Московский журнал международного права. – 2016. – №2. – С. 81-93.
6. Орлов А.А. Легкое стрелковое оружие: новый круг противоречий. // Вестник МГИМО-Университета – Москва. – 2010. – Выпуск № 4. – С. 57-61.
7. D. Cortright and G. A. Lopez. Smart Sanctions: Targeting Economic Statecraft. Roman and Littlefield: Lanham, Md. 2002, pp. 110–115.
8. Lamb, G., ‘Beyond “shadow-boxing” and “lip service”: the enforcement of arms embargoes in Africa’, Institute for Security Studies paper no. 135 (2007), pp. 11–12.
9. Tierney, Dominic. “Irrelevant or Malevolent? UN Arms Embargoes in Civil Wars.” Review of International Studies, vol. 31, no. 4, 2005, pp. 645–664.

The UN Role in the Sphere of International Legal Regulation of Small Arms and Light Weapons

Yuri N. Maleev, Ivan B. Serov***

Abstract. There is no global regime of Non-Proliferation of Small Arms and light weapons. A lot of international organizations, UNO – is most active among them, try to regulate this sphere. In 2001 UNO adopted the United Nations Programme of Action on Small Arms and Light Weapons, which, among all, presupposes regular observations of its implementation. (The last one was made in 2016). In 2013 the UN General Assembly adopted the Arms Trade Treaty (ATT)¹⁰, which is signed by 130 states and ratified by 91. Russia now considers it be inappropriate to sign the ATT. Among some other sources of international law in this question the Wassenaar Arrangements of 1996 are, perhaps, the first to be mentioned. The UN sanctions decisions (embargo) in this sphere are not the kind of international liability but the measures of compulsion with the aim of restoration of the disturbed peace order. But the UN embargos on the arms supply are not effective. Historically beginning from 1800 to introduce embargo on the territory of Russia is prerogative of the first person of the state. In the Russian Federation now that is the President of the state. The activity of terroristic organizations is not under the mercy of political and diplomatic instruments of peace keeping. So the important task of international policy is the control on manufacture and proliferation of military aimed production.

Keywords: Small Arms and light weapons; the United Nations Programme; regulation of trafficking in arms production; sanctions; Arms Trade Treaty; Wassenaar Arrangements of 1996; deci-

* Yuri N. Maleev – Doctor of laws, professor, Professor of the Chair of International law MGIMO-University MFA Russia. prof.maleev@mail.ru.

** Ivan B. Serov – Senior expert, Department of security of ROSOBORONEXPORT, Post-graduate student of the Chair of International Law, MGIMO-University MFA Russia.

¹⁰ rg.ru/2014/12/24/orugiye-anons.html.

sions of the President of Russian Federation; struggle with illegal trafficking in arms production; terrorism; control on manufacture and proliferation.

References

1. Belalova B.Sh. Mesto mezhdunarodno-pravovyh sankcij v mezhdunarodnom prave [The place of international law sanctions in international law] // *Prakticheskij zhurnal dlja rukovoditelej i menedzherov «Zakonodatel'stvo»*. – 2002. – № 12.
2. Vasilenko V.A. *Mezhdunarodno-pravovye sankcii* [International law sanctions]. Kiev: «Vishha shkola», 1982.
3. Demkin A.M. «Mezhdv dvumja jembargo. Britanskoe kupechestvo v Rossii v 1801- 1807 godah» [Between two embargos. British Merchantry in Russia in 1801 – 1807 years] Retrieved March 1, 2017 from: <http://www.kreml.ru/fi/c5m1/i3246/thesisrussiabritain2003.pdf>.
4. Kudashkin V.V. *Gosudarstvennoe regulirovanie trgovli produkciej voennogo naznachenija s inostrannymi gosudarstvami* [State regulation of trade by military related production with foreign states]. Saint-Petersburg: Jurid. centr Press, 2003.
5. Maleev Ju. N., Rachkov I.V., Jaryshev S.N. Sankcii v mezhdunarodnom prave. Tochka ne postavlena [Sanctions in International law. No point] // *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava*. – 2016. – №2. – S. 81-93.
6. Orlov A.A. *Legkoe strelkovoe oruzhie: novyj krug protivorechij* [Light and small arms: the new wheel of contradictions] // *Vestnik MGIMO-Universiteta – Moskva*. – 2010. – № 4. – S. 57-61.
7. D. Cortright and G. A. Lopez. *Smart Sanctions: Targeting Economic Statecraft*. Roman and Littlefield: Lanham, Md. 2002, pp. 110–115.
8. Lamb, G., 'Beyond "shadow-boxing" and "lip service": the enforcement of arms embargoes in Africa', Institute for Security Studies paper no. 135 (2007), pp. 11–12.
9. Tierney, Dominic. "Irrelevant or Malevolent? UN Arms Embargoes in Civil Wars." *Review of International Studies*, vol. 31, no. 4, 2005, pp. 645–664.

ВОПРОСЫ ТЕРРИТОРИИ

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ ОБОСНОВАНИЕ ДАНИЕЙ, КАНАДОЙ И НОРВЕГИЕЙ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРЯМЫХ ИСХОДНЫХ ЛИНИЙ В АРКТИКЕ

*А.Н. Вылегжанин**, *И.П. Дудыкина***

Аннотация. В статье обобщены международно-правовые доводы, на которые ссылались Норвегия, Канада и Дания (в части о. Гренландия) для обоснования «юридической чистоты» установления ими прямых исходных линий в Арктике. Основой для этого указанные государства обозначили комплекс географических, экологических и исторических факторов, свойственных конкретному арктическому побережью и его территориальному суверену. Дан прогноз вероятного изменения современной правовой позиции США в данном вопросе. Сделан вывод о том, что в целом практику Канады, Норвегии, Дании по проведению таких линий в Арктике следует квалифицировать как полностью соответствующую современному международному праву. Отмечено, что это имеет для Российской Федерации практическое значение: в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации, на большей части ее арктического побережья применяются не прямые исходные линии, а «нормальные исходные линии», которые устанавливаются от «линии наибольшего отлива вдоль берега».

Ключевые слова: приарктические государства; международно-правовое обоснование, нормальные исходные линии; прямые исходные линии; географические факторы; обычные нормы международного права; англо-норвежский спор; решение Международного Суда ООН 1951 г.

.....
* Вылегжанин Александр Николаевич – профессор, доктор юридических наук, МГИМО МИД России, Москва, Россия.

** Дудыкина Инна Петровна – кандидат юридических наук, Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия. inna_mel3008@mail.ru.

Особенности правового положения Северного Ледовитого океана (далее также – СЛО), как и международно-правовые нормы об исходных линиях достаточно исследованы в юридической литературе [Вылегжанин, 2011, с.3-22]. Этого нельзя сказать о конкретной международно-правовой практике Дании (в части о. Гренландия), Канады и Норвегии по установлению *только прямых исходных линий* вдоль их *арктического побережья*. А эта практика отличается от *практики России*, которая *лишь на части своего арктического побережья* установила прямые исходные линии; тем более она отличается от *позиции США* в этом вопросе: США не установили ни одной прямой исходной линии к северу от Аляски, протестуя в то же время против установления Канадой таких линий в Арктике.

Россия имеет в арктических морях *самое протяженное побережье*, и в силу этого правоустанавливающего факта *обладает в Арктике наибольшими по площади: территориальным морем, 200-мильной исключительной экономической зоной, континентальным шельфом*. Ширина всех этих морских пространств отсчитывается от *исходных линий*.

Нормы международного права об исходных линиях представлены: а) в *обычных нормах* международного права; б) в *договорных нормах*, прежде всего, в Конвенции ООН по морскому праву 1982 года (далее – «Конвенция 1982 г.») и в Конвенции о территориальном море и прилежащей зоне 1958 года (далее – «Конвенция о территориальном море 1958 г.»).

В соответствии с такими нормами прибрежное государство применяет: 1) *нормальные исходные линии*, т.е. линии наибольшего отлива вдоль своего морского побережья; и 2) *прямые исходные линии*, соединяющие избранные прибрежным государством выступающие в море точки берега.

Согласно Конвенции 1982 г., «*нормальная исходная линия*» государства указывается на официально признанных прибрежным государством морских картах крупного масштаба», «если иное не предусмотрено в настоящей Конвенции» (ст. 5).

Проведение «*прямых исходных линий*» допустимо, прежде всего, «в местах, где береговая линия глубоко изрезана и извилиста или где имеется вдоль берега и в непосредственной близости к нему цепь островов». Эти линии проводятся через определенные точки, без «скольких-нибудь заметных отклонений от общего направления берега» и с сохранением «тесной связи» вод, заключаемых во внутренние воды, с береговой территорией (ст. 7 Конвенции 1982 г.). Аналогичные нормы содержатся и в Конвенции о территориальном море 1958 г. (ст. 3 и ст. 4).

Как отмечено зарубежным правоведом, «злоупотребление положениями статьи 7» Конвенции 1982 г. является «наиболее распространенной причиной озабоченности». Почти половина фактов установления прибрежными государствами прямых исходных линий во всем мире «рассматриваются Соединенными Штатами Америки как чрезмерные». США весьма «спорно придерживаются буквального толкования статьи 7» Конвенции 1982 г. [Блейк (Blake), 2004, с. 73].

В таком контексте выявление и оценка тех международно-правовых доводов в пользу установления прямых исходных линий в Северном Ледовитом океане, которые выдвинуты Данией, Норвегией и Канадой, имеет для Российской Федерации практическое значение.

Обычные нормы международного права, применимые к установлению приарктическими государствами прямых исходных линий. К международным обычаям относятся правила поведения, которые: складываются постепенно вследствие повторяющихся действий государств (практики государств); признаются юридически обязательными, т.е. наличествует, как отметил Международный Суд в деле «Ливия против Мальты» (1985 г.), «*opinio juris*» – мнение, убеждение государств в юридической обязательности таких правил. При этом «общая практика» государств должна быть «последовательной и внутренне согласованной» [Вылегжанин, Каламкарян, 2012, с.8-11].

Международный Суд ООН в деле о рыбных ресурсах (Великобритания против

Норвегии, 1951 г., чаще называемым делом об исходных линиях), главным образом, решал вопрос о правомерности проведения Норвегией прямых исходных линий для отсчета ширины ее территориального моря и рыболовной зоны.

Суд признал, что ширина территориального моря отсчитывается, как общее правило, от линии наибольшего отлива. Вместе с тем, Суд напомнил, что исходные линии для отсчета ширины территориального моря могут проводиться несколькими способами, в т.ч. параллельно извилинам берега (способ «параллельной трассы»); спрямлением в некоторых пределах извилин, вогнутостей на побережье (способ прямых исходных линий); проведением дуг, соединяющих определенные точки берега. Суд счел правомерным отсчитывать ширину территориального моря от внешней цепи шхерных скал, образующих с континентальным побережьем Норвегии «одно целое». Сделав значимый вывод о том, что исходные линии могут не только следовать общему направлению побережья, но и обозначаться прямыми линиями, соединяющими наиболее выступающие в море географические точки побережья, Суд *не квалифицировал* избранный Норвегией способ прямых исходных линий как противоречащий международному праву, *отклонив доводы Великобритании*¹.

Решение Суда в части правомерности прямых исходных линий было воспринято *Комиссией международного права ООН* и, впоследствии, учтено государствами-участниками I Конференции ООН по морскому праву 1958 г. В *Конвенции о территориальном море и прилежащей зоне* предусматривается, что «нормальной исходной линией для измерения ширины территориального моря является линия наибольшего отлива вдоль берега, указанная на официально признанных прибрежным государством морских картах крупного масштаба» (ст. 3); а в местах, «где береговая линия глубоко изрезана и извилиста или где имеется вдоль берега и в непосредственной близости к нему цепь островов, для проведения исходной линии, от которой отмеряется территориальное море, может применяться метод прямых исходных линий, соединяющих соответствующие пункты» (ст. 4).

Подчеркнем и другие аспекты этого решения Суда 1951 г., которые учитывались при уточнении местоположения исходных линий вдоль арктического побережья Норвегии, Дании, Канады. *Во-первых*, экономический фактор: Суд оценивал хозяйственную важность делимитации согласно Декрету от 1935 года для местного населения. Норвежцы «с незапамятных времен» («from time immemorial») вели промысел на примыкающих к их побережью участках

¹ Это решение Суда сегодня стало «юридической классикой»: на него ссылаются государства при современном обосновании своих позиций относительно проведения исходных линий. Как установил в 1951 г. Суд, Декретом короля Норвегии от 12 июля 1935 г. были обозначены прямые исходные линии для отсчета ширины территориального моря этого государства. Согласно Декрету, эти прямые линии соединяли обозначенные в правовом акте короля точки на материковом побережье, наиболее выступающие в море, а также точки шхерного пояса северного побережья Норвегии. Ширина территориального моря Норвегии на тот период составляла 4 морские мили, такую же ширину имела рыболовная зона страны. С учетом переговорного процесса, однако, правительство Норвегии уведомило, что оно «будет обходиться сдержанно» с иностранными рыбаками. С 1948 г. норвежские власти, однако, стали жестко пресекать нарушения пределов рыболовной зоны, определенных с учетом прямых исходных линий. Британские траулеры задерживались. В ответ на это Великобритания возбудила в сентябре 1949 г. дело в Международном Суде ООН, запросив Суд, прежде всего, «огласить принципы международного права, применимые к установлению исходных линий, со ссылкой на которые правительство Норвегии вправе осуществить делимитацию рыболовной зоны». Понятно, что запрашивалось содержание применимых обычно-правовых норм международного права, поскольку универсальных договорных норм об исходных линиях на тот период не было. Норвегия доказывала в Суде правомерность своих действий с точки зрения международного права, запрашивая Суд определить «в одном решении, отвергнув все утверждения об ином», следующее: «Учитывая тот факт, что Декрет короля Норвегии от 12 июля 1935 г. не противоречит международному праву, учитывая тот факт, что Норвегия в любом случае имеет исторические права на все воды, в пределах, определенных этим декретом ... делимитация рыболовной зоны, осуществленная Декретом короля Норвегии от 12 июля 1935 г., не противоречит международному праву». См.: Вылегжанин А.Н. Решения Международного Суда ООН по спорам о разграничении морских пространств. М. 2004. С. 45 и сл.

моря, которые были жизненно важными для местного хозяйства. Такие участки моря, как описывал Суд, ограничивались Норвегией путем проведения прямых линий между выбранными точками «желаемых» местностей, полных морской фауны. Это, будучи экономически значимым фактором для местного населения, поддерживалось в течение долгого периода времени, сформировав некое обыкновение («a long usage»), которое должно было быть должным образом юридически учтено. *Во-вторых, историческая консолидация* практики установления прямых исходных линий: Суд отметил, что промульгирование Норвегией Декрета 1869 и Декрета 1889 годов не вызвало протестов большинства государств. При этом указанные нормативные акты Суд счел прецедентными, положенными в основу целостной, «хорошо определенной и единообразной системы» («well-defined and uniform system») Норвегии в части установления исходных линий. «Пассивная» позитивная реакция заинтересованных государств на данные акты (т.е. отсутствие протестов, не считая протестов Великобритании) позволила сделать Суду вывод о том, что принципиального неприятия практики Норвегии сообществом государств не было, а значит, она юридически признана. *В-третьих, Судом* учтены *географические особенности* региона: ими обусловлено применение Норвегией метода прямых исходных линий. Эти особенности, в совокупности с иными отмеченными особыми факторами, дали правовую основу длительного, постоянного и единообразного применения Норвегией прямых исходных линий. *В-четвертых, современное* значение имеет и позиция Суда *о допустимой протяженности прямых исходных линий*. Суд пошел навстречу Норвегии и в этом вопросе, указав, что в современном международном праве нет общепризнанного понимания о том, что данные линии следует юридически ограничивать по протяженности; Судом отмечено также, что нет какой бы то ни было единообразной практики государств по самоограничению прямых исходных линий.

Конвенциями 1958 г. и 1982 г. предусмотрены, в духе решения Суда 1951 г.,

определенные условия для правомерного проведения прямых исходных линий. К уже отмеченным выше добавим необходимость соблюдения «достаточно тесной» связи между внутренними участками проводимых линий и береговой линией прибрежного государства для того, чтобы на них можно было распространить режим внутренних вод; недопустимость «скольконибудь заметного отклонения от общего направления берега»; в случаях, когда применим метод прямых исходных линий, при установлении отдельных исходных линий могут приниматься в расчет особые экономические интересы данного района, реальность и значение которых ясно доказаны их длительным существованием».

И Конвенция 1982 г., и рассмотренное решение Международного Суда ООН 1951 г. исходят из того, что действующим международным правом *не предусмотрена максимальная протяженность прямых исходных линий*; что воды, расположенные в сторону берега от исходной линии территориального моря, составляют часть *внутренних вод государства* (п.1 ст. 8 Конвенции 1982 г.). Т.е. прибрежное государство обладает в этих водах *суверенитетом*. Если метод проведения прямых исходных линий приводит, однако, к включению во внутренние воды прибрежного государства районов, которые до того рассматривались как часть территориального моря или открытого моря, то это государство обязано предоставить судам других государств *право мирного прохода* в этих водах (п.2 ст. 8 Конвенции 1982 г.).

В практике государств устанавливаются прямые исходные линии разной протяженности. Так, Бирма в ходе делимитации вод залива Мартабан провела прямую исходную линию через его вход длиной порядка 220 морских миль (эта линия соединяет наиболее удаленные в сторону моря пункты). От самых ближних к материку островов проведены исходные линии длиной 75 морских миль, а линия, замыкающая в устье реки Ситтанг, достигает 120 миль (Декларация президента Бирмы, 1968 г.). Гвинея в 1964 г. провела исходную линию от юго-западной оконечности острова Сено на юг до юго-западной оконечности острова Тама-

ра длиной 120 миль. Мавритания декретом (в 1967 г.) установила прямую исходную линию, связывающую мысы Кап-Блан и Тимирис, длиной в 89 миль. Филиппины использовали прямые исходные линии протяженностью до 140 миль, Эквадор – до 147 миль, Индонезия – до 120 миль. Подобная практика проведения прямых исходных линий, неизменно вызывавшая протесты США, не вызывала, однако, протестов большинства государств [См., например, финансируемые США обобщения «Чрезмерные морские притязания» - *Excessive Maritime Claims. Publications on Ocean Development. Vol. 73. A.V. Lowe and R.R. Churchill (eds). P. 74, etc.*]. В этом контексте зарубежными правоведом отмечено: «Большинство государств, как представляется, не озадачивают себя (do not bother) тем, чтобы выражать протесты против тех исходных линий, которые не соответствуют международному праву, при главном исключении – США (the major exception being the USA)». В этой связи правоведы делают весьма примечательный вывод: «Возможно, что широко распространенная терпимость (the widespread toleration)» к той практике, которая «явно выглядит противоречащей соответствующим нормам международного права (which clearly appears to contravene the relevant rules of international law), особенно в отношении прямых исходных линий, через некоторое время приведет к изменению самих этих норм (will in time lead to a modification of these rules themselves)» [Churchill R. R., Lowe A. V. *The Law of the Sea* // Manchester. – 1999, p.57.]. В порядке научной дискуссии с таким утверждением отметим, что на самом деле не нормы международного права о прямых исходных линиях будут со временем меняться; скорее, меняться будет то толкование этих норм, которое до сих пор предлагает Государственный департамент США.

Конвенция 1982 г. от прямых исходных линий отличает *прямые архипелажные исходные линии*. Последние проводятся только государством-архипелагом, т.е. государством, которое состоит полностью из одного или более архипелагов. Ни одно из пяти государств, прибрежных к Северному Ледовитому океану, не является государством-

архипелагом. Поэтому конвенционные постановления об архипелажных исходных линиях (в том числе об их максимальной длине) не применимы к Северному Ледовитому океану.

Учет практики и комментариев Комиссии международного права ООН. В обоснованиях установления Норвегией, Данией и Канадой прямых исходных линий учитывались и комментарии *Комиссии международного права ООН* к тем статьям, относящимся к морскому праву, которые касаются проведения прибрежным государством *исходных линий*. В соответствии с резолюцией 899 (IX) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1954 г. Комиссия международного права ООН (далее – *Комиссия* или *КМП*) сгруппировала в систематическом порядке подготовленные ею ранее нормы по морскому праву. На своей сессии в 1956 г. КМП официально приняла *текст статей по морскому праву*, а также комментарии к этим статьям.

В последующем эти статьи легли в основу действующих и сейчас четырех Женевских морских конвенций 1958 г., поэтому Комментарии КМП учитываются и в настоящее время при установлении исходных линий, в т.ч. и приарктическими государствами. КМП так сформулировала правило о нормальной исходной линии: «Статья 4. С исключениями, предусматриваемыми в постановлениях статьи 5 и в постановлениях, относящихся к заливам и островам, ширина территориального моря отмеряется от линии наибольшего отлива вдоль берега, как она обозначается на картах большого масштаба, официально признаваемых прибрежным государством». О прямых исходных линиях КМП высказалась так: «Статья 5. Если обстоятельства вызывают необходимость в установлении специального режима ввиду того, что берег очень извилист или изрезан, или имеются острова в непосредственной к нему близости, то исходная линия может не зависеть от линии наибольшего отлива. В этих случаях допускается пользоваться методом проведения прямых исходных линий, соединяющих со-ответствующие точки. При проведении таких исходных линий не допускается сколько-нибудь заметных

отклонений от общего направления берега, а участки моря, лежащие с внутренней стороны этих линий, должны быть достаточно тесно связаны с владениями на суше, чтобы распространить на них режим внутренних вод. Тем не менее, могут приниматься, где необходимо, во внимание составляющие особенность какого-либо района экономические интересы, о реальности и значении которых ясно свидетельствует долговременная практика. Исходные линии не должны проводиться ни от обсыхающих скал и обсыхающих банок, ни к таким скалам и банкам. Прибрежное государство должным образом объявляет о проведенных им прямых исходных линиях во всеобщее сведение».

В своем Комментарии к этой статье КМП обратилась к решению Международного Суда ООН 1951 г., рассмотренному выше. Как отметила, в контексте позиции Суда, Комиссия: «При таких условиях уже нельзя ссылаться на правило о линии наибольшего отлива, которое предписывает следовать линии берега со всеми ее извилинами. Далее, те очень многие отклонения, которые необходимы вследствие такой изрезанности берега, нельзя считать простыми исключениями из этого правила. Подобные исключения отменяли бы самое правило. Такой берег, если смотреть на него как на целое, требует применения иного метода, а именно — метода проведения исходных линий, которые могли бы отклоняться, в разумных пределах, от физической линии берега...». Отметим, что здесь, обосновывая целесообразность проведения прямых исходных линий, КМП опирается не на договорные нормы международного права (таковых нет), а на логику, практическую целесообразность проведения таких линий, в контексте решения Суда 1951 г., отражающего применимое обычное международное право.

Некоторые члены Комиссии, впрочем, указывали, что КМП выработала указанные постановления для применения «как общее

правило» и что от этих постановлений можно будет отступать, если это оправдывается особыми обстоятельствами; что прямые исходные линии могут проводиться только между пунктами, находящимися на территории какого-то одного государства; что соглашение между двумя государствами, по которому такие исходные линии проводятся по берегу и соединительным пунктам, находящимся на территориях различных государств, не может быть обязательно для других государств.

Комментарии к Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. В международно-правовом обосновании установления приарктическими государствами прямых исходных линий учтены и те положения об исходных линиях, которые содержатся в 6-томном международном комментарии к Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

Данный комментарий, составленный большим коллективом англоязычных юристов-международников², является наиболее цитируемым в аналитических материалах по морскому праву. Авторы Комментария, воспроизводя ст. 5 Конвенции 1982 г. (о том, что «нормальной исходной линией для измерения ширины территориального моря является линия наибольшего отлива вдоль берега»), пишут, что начало этой статьи («если иное не предусмотрено в настоящей Конвенции») — указывает на то, что существуют и другие методы для определения исходных линий. При этом сделаны ссылки на ст. 6 («Рифы»), ст. 7 («Прямые исходные линии»), ст. 9 («Устья рек»), ст. 10 («Заливы»), ст. 13 («Осыхающие при отливе возвышения») и на ст. 14 (о сочетании различных методов). В Комментарии напоминает, что Секретариат ООН в своем исследовании дал определения некоторых морских терминов, в т.ч. — термина «прямые исходные линии» (как системы линий, напрямую соединяющих установленные или расчетные точки). В Комментарии отмечено: при понимании того, что с математической точки зрения «прямая

² United Nations Convention on the Sea. 1982. A Commentary. Volume II. Editor-in-Chief M.H. Nordquist. Volume Editors S.N. Nandan and S. Rosenne. Assistant Editor N.R. Grandy. Martinus Nijhoff Publishers. Dordrecht/Boston/London. 1993. 1040 p.

линия» – это кратчайшее расстояние между двумя точками, Конвенцией 1982 г. установлены два географических обстоятельства, позволяющие использовать метод прямых исходных линий; первое обстоятельство – когда береговая линия «глубоко изрезана и извилиста»; второй случай – когда «имеется вдоль берега или в непосредственной близости к нему цепь островов». Оба эти случая предусмотрены в решении Международного Суда ООН 1951 г.³

Некорректно, следовательно, встречающееся утверждение о том, что если береговая линия глубоко не изрезана и не извилиста, то прямые исходные линии проводить не правомерно. Авторы Комментария, между тем, об этом не пишут. Но разделительный союз «или (or)» в ст. 7 Конвенции 1982 г. свидетельствует, что даже если береговая линия глубоко не изрезана, не извилиста, тем не менее, прямые исходные линии вдоль соответствующего побережья могут быть правомерно проведены: если вдоль берега и в непосредственной близости к нему имеется цепь островов. Этот второй случай правомерного проведения прямых исходных линий имеет для Российской Федерации особое значение.

Корректно отмечено в Комментарии, что простое наличие лишь нескольких изолированных островов не образует «достаточно устойчивой цепи». Такие группы островов, по мнению авторов Комментария, относятся к одной из следующих категорий: (i) острова, которые, по всей вероятности, образуют одно целое с материком; или (ii) острова, расположенные на некотором расстоянии от побережья, образующие своего рода «экран», закрывающий значительную часть побережья со стороны моря. При этом, комментируя п. 3 ст. 7 Конвенции 1982 г. (о двух требованиях для определения прямых исходных линий), авторы подчеркивают: во-первых, прямые исходные линии не должны иметь каких-либо заметных отклонений от общего направления берега (что созвучно утверждению Суда о том, что «направление исходных линий не должно сколько-нибудь

заметно отклоняться от общего направления берега»); во-вторых, морские районы, находящиеся с внутренней стороны этих линий, должны быть достаточно тесно связаны с массивом суши, чтобы на них можно было распространить режим внутренних вод. В Комментарии отмечено, что ни одно из этих требований не сформулировано в виде математических расчетов; не существуют каких-либо общепринятых критериев соответствия этим требованиям⁴.

Конвенционный термин «особые экономические интересы данного района, реальность и значение которых ясно доказаны их длительным осуществлением» (п. 5 ст. 7 Конвенции 1982 г.) взят также из решения Суда 1951 г. Пункт 6 этой статьи (запрет такого проведения прямых исходных линий, при котором территориальное море другого государства оказалось бы «отрезанным от открытого моря» или исключительной экономической зоны) нацелен на то, чтобы сохранить прибрежному государству доступ к району открытого моря, не смотря на действия другого государства по установлению прямых исходных линий [Подробнее см.: Вылегжанин 2012, с.91-93].

На фоне изложенного востребован ответ на ключевой вопрос: соответствует ли такому пониманию применимых норм международного права современная практика Дании, Канады, Норвегии по установлению прямых исходных линий в Арктике? Конкретно: практика *Норвегии*, которая установила *только прямые исходные линии вдоль всего своего материкового побережья*; весьма протяженные прямые исходные линии установлены Норвегией и вдоль значительно удаленного от ее материкового побережья острова Ян-Майен. Правомерна ли аналогичная практика *Канады*, которая провела *только прямые исходные линии* вдоль своего арктического побережья, тем самым включив в состав своих внутренних вод не только районы Северо-Западного прохода («North-Western Passages»), но и смежных с Данией (о. Гренландия) морские районы – в море Линкольна и море Баффи-

³ Ibid. P. 100-103.

⁴ Ibid.

на (до соответствующей линии разграничения)? Тот же вопрос возникает в отношении проведения Данией (вдоль арктического побережья Гренландии) только прямых исходных линий, вследствие чего также существенно увеличена площадь морской территории этого государства. Поставленные вопросы актуальны и в контексте позиции США, которые, в отличие от перечисленных приарктических государств, не используют в Арктике прямые исходные линии.

Такая позиция США в отношении исходных линий имеет объяснение. Будучи крупнейшей экономической и военной державой США демонстрируют заинтересованность в таком морском правопорядке, при котором возможно большие морские пространства лежали бы за пределами национального суверенитета и юрисдикции прибрежных государств; т.е. были бы объектом, открытым для американских хозяйствующих субъектов. Не удивительно, поэтому, суть нынешней международно-правовой политики США в данном вопросе: исходные линии должны в общем случае устанавливаться по линии наибольшего отлива – с тем, чтобы под суверенитетом (и, соответственно, юрисдикцией) прибрежного государства было наименьшее пространство. Такого рода «нормальные исходные линии» (normal baselines) проводятся США и вдоль своего арктического побережья. Замыкающие прямые линии проводятся США только в случае «заливов в правовом смысле» («juridical bays»), т.е. заливов, которые по своим географическим параметрам отвечают правовым критериям, установленным в Женевской Конвенции о территориальном море 1958 г. (ст. 7, п. 1-5) и в Конвенции 1982 г. (ст.10, п. 1-5). Отмечено, что США исходят из правомерности учета исторически сложившихся правовых оснований («historic title») при проведении прямых линий, замыкающих заливы [Вылегжанин, Матишов, 2012, с.76-85.].

Можно, вместе с тем, предположить, что США, в настоящее время, выражая протесты против установления другими приарктическими государствами прямых исходных линий, вряд ли станут в будущих десятилетиях поддерживать такие про-

тесты: а) есть общие масштабные экономические интересы всех приарктических государств, включая США – например, в части уточнения правового режима района открытого моря в центральной части Северного Ледовитого океана, за пределами 200-мильных экономических зон пяти приарктических государств; б) и сами США в будущем, скорее всего, установят прямые исходные линии вдоль побережья Аляски, следуя примеру Дании, Канады и Норвегии, поскольку в экономическом и природоохранном плане это более соответствует национальным интересам США.

Норвегия, как было показано, в прошлом умело опиралась на нормы международного обычного права о прямых исходных линиях, пойдя в 1930-е годы по пути смелого (на тот период) установления весьма протяженных прямых исходных линий, которые включали во внутренние воды Норвегии обширные морские пространства. В дальнейшем правовая политика Норвегии в этом вопросе развивалась, особенно, с принятием в 2002 г. нового Королевского декрета относительно координат прямых исходных линий вдоль материкового побережья Норвегии. Следует подчеркнуть значение международно-правового обоснования в норвежском Декрете 2002 г. легитимности проведенных прямых исходных линий.

Во-первых, Норвегия ссылается на *особые географические условия*, которые преобладают на норвежском побережье («the geographic conditions prevailing on the Norwegian coast»). Во-вторых, в Декрете делается ссылка на необходимость обеспечивать жизненные интересы населения самой северной части страны («the vital interest of the inhabitants of the northernmost parts of the country»). В-третьих, Декрет опирается на *исторически сложившиеся правовые основания*, прежде всего на необходимость и далее исполнять имевшее место до 1935 года законодательство Норвегии в этой области (Королевские декреты 1812 года, 1869 года, 1881 года и 1889 гг.), т.е. сложившуюся систему законодательных прецедентов. Установление исходных линий в Норвегии – это, с точки зрения националь-

ного права, прерогатива Короны (власти короля Норвегии), что было подтверждено законом 2003 года № 57 «*О территориальном море и прилегающей зоне Норвегии*» (ст. 1); король имеет право устанавливать исходные линии посредством принятия «Правил» («Regulations»). Норвегия последовательно применяет нормы о прямых исходных линиях к своему арктическому побережью (примерно одна треть материкового побережья Норвегии находится за пределами Северного полярного круга), причем такие линии проведены не только вдоль ее материкового побережья; несмотря на то, что норвежский остров Ян-Майен не характеризуется значительными углублениями в береговой линии, Норвегия в соответствии с Королевским декретом в 1955 году провела прямые исходные линии по наиболее отступающим точкам берегов и этого острова⁵.

Дания, наряду с другими приарктическими государствами, восприняла метод прямых исходных линий как правовой способ, больше защищающий ее национальные экономические и иные интересы в Арктике (порядка три четверти морского побережья датского острова Гренландия находится в арктическом регионе). Правовая позиция Дании в этом вопросе отражена еще в Королевском Указе 1966г. о делимитации территориального моря.

Национально-законодательные основы установления прямых исходных линий вдоль побережья Гренландии составляют, прежде всего, следующие правовые источники: Исполнительный приказ № 629 о рыбоохранной зоне Гренландии, 1976 г.; Исполнительный приказ № 176, 1980 г. Всего по побережью Гренландии было нормативно обозначено более 70 в южной части и более 80 в северной части сегментов, которые полностью охватывают побережье Гренландии и вдоль которых проведены *только прямые исходные линии*. Самая длинная такая линия простирается на более чем 80

морских миль (на севере, близ полуострова Принцессы Дагмар – Princess Dagmar Peninsula).

Канада установила прямые исходные линии в соответствии с Декретом о морских территориальных географических координатах 1985 г., разделив свою береговую линию на 139 сегментов. Протяженность самых длинных исходных линий превышает 99 морских миль. Декрет 1985 г. юридически обозначает понятие «Района 7» («Area 7»), в которую входят канадские *арктические острова* и канадская *арктическая материковая часть*, а также прилегающие «ледовые» и «водные» территории.

В соответствии с Декретом, вдоль атлантического и арктического побережья Канады исходные линии законодательно установлены по-разному: в приложении № 1 к Декрету перечисляются географические координаты, которые должны быть *геометрически соединены прямыми линиями (прямые исходные линии)*; в приложении №2 – по линиям *наибольшего отлива* от прибрежной материковой части; в приложении № 3 – по линиям *наибольшего отлива* от островов и от осыхающих при отливе возвышениях. При этом арктические территории Канады, согласно Декрету, «*оконтурены*» только прямыми исходными линиями. По мнению Государственного секретаря Канады, Декрет подтверждает, что предусмотренные им «исходные линии устанавливают внешний предел исторических вод Канады». От этих исходных линий надо сейчас отсчитывать 12 морских миль – т.е. ширину территориального моря Канады. Более того, Канада рассматривает все острова, составляющие Канадский архипелаг, и морские территории между ними как «*единое целое*».

США в своих протестных заявлениях против этого законодательного шага Канады обратили внимание на то, что об установлении прямых исходных линий Канада не уведомила США и иные «затронутые» госу-

⁵ Вопрос о прямых исходных линиях, установленных Норвегией вокруг островов Шпицберген, требует отдельного рассмотрения, в контексте толкования Договора о Шпицбергене 1920 года. См.: Vylegzhanin A.N. and Zilanov V.K. Spitsbergen: Legal Regime of Adjacent Marine Areas. Edited and Translated by W.E. Butler. Eleven International Publishing. The Netherlands. 2007. P.27 etc. 167 P.

дарства, хотя это предусмотрено канадским Законом о территориальном море и рыбоохранной зоне. Нотой США от 26 февраля 1986 г. выражен протест в связи с установлением прямых исходных линий Канады; в ноте указано, что канадские правопритязания не имеют под собой международно-правового обоснования. США отметили, что данная позиция Канады затрагивает существующий международно-правовой режим проливов, которые используются для международного судоходства (к ним США относят Северо-Западный проход, который стал внутренними водами Канады после установления ею прямых исходных линий вдоль своего арктического побережья).

Соответственно, в юридической литературе обсуждается, является ли такая реакция США отрицанием самой правомерности проведения Канадой *прямых исходных линий*; либо, согласно позиции США, они настаивают лишь на квалификации Северо-Западного прохода как международного пролива. Указанная нота США является, впрочем, не единственным протестом против политики Канады в отношении установления в Арктике прямых исходных линий. Еще 1 ноября 1967 года США в дипломатической ноте указывали, что действия Канады «не находят оправдания, противоречат установленным принципам международного морского права». США «не признали» действительность обозначенных Канадой исходных прямых линий [Иванов, 2013, с. 8 и сл.].

На таком политико-правовом фоне объяснимо, что при ратификации в ноябре 2003 г. Конвенции 1982 г. Канада заявила об отказе принимать обязательную процедуру урегулирования некоторых споров по этой Конвенции. Это заявление применимо к обозначенным спорам о делимитации в арктическом регионе, в т.ч. когда она затрагивает исторические права Канады.

Тем не менее, и с учетом этих обстоятельств, установление Канадой прямых исходных линий в «Канадской Арктике» – это один из важнейших компонентов созданного ею правового фундамента, на который она опирается для целей реализации своего суверенитета и суверенных прав в Аркти-

ческом регионе. В этих же целях в Канаде приняты специальные законы о судоходстве в арктических водах, соответствующие нормативно-правовые акты об охране окружающей среды, Декрет о морских территориальных географических координатах 1985 года.

Россия (как и большинство других государств мира) *не протестовала против установления Норвегией, Данией и Канадой прямых исходных линий* вдоль арктического побережья. То есть в этом случае Россия вместе с большинством других государств молчаливо согласилась с установлением названными государствами, прибрежными к арктическим морям, прямых исходных линий, в том числе тех, которые по протяженности существенно превышали норвежские прямые исходные линии, оспаривавшиеся Великобританией в Международном Суде ООН в 1951 г.

Выводы. В контексте изложенного, можно сформулировать те базовые доводы, на которые ссылались Норвегия, Дания и Канада, для обоснования «юридической чистоты» установления ими прямых исходных линий вдоль своего арктического побережья.

Это, прежде всего, *географические характеристики береговой линии, особое положение арктических берегов*, их «спаянность» со льдами, покрывающими морские районы, сама *протяженность* арктического побережья и его *удаленность* от традиционных международных морских путей. Важнейшими географическими факторами к учету при проведении прямых исходных линий приарктические государства считали: изрезанность и извилистость берегов; наличие вдоль берега и в непосредственной близости от него цепи островов; наличие дельт или других природных условий, влияющих на непостоянство береговой линии; наличие заливов, ширина входа в которые превышает 24 мили, но которые истари считаются конкретным приарктическим государством его внутренними водами по историческим основаниям; примыкание льдов непосредственно к побережью значительное время года и наличие повышенных экологических рисков (при осуществлении

полярной навигации и иной экономической деятельности) для местных прибрежных общин.

Далее, учитывались *особые экономические интересы* конкретного приарктического государства как фактор, свидетельствующий в пользу проведения прямых исходных линий. Учет этого фактора обосновывался рассмотренными выше применимыми статьями Женевской Конвенцией о территориальном море и прилежащей зоне 1958 г. и Конвенции 1982 г., а также Решением Международного Суда ООН 1951 г.

Наконец, названные приарктические государства исходили из того, что в совокупное влияние отмеченных выше факторов вовлечены также те *исторические основания*, которые ранее отражены в актах их *национального законодательства* и, тем более, в их *международных договорах*.

В целом, при международно-правовом обосновании допустимости проведения прямых исходных линий вдоль своего побережья в морях Северного Ледовитого океана Норвегия, Дания (о. Гренландия) и Канада опирались на *комплексное, «мультипликационное» воздействие широкой правовой базы*, определяющей современное правовое положение СЛО, не вырывая из его общего контекста Конвенцию 1982 г.

С учетом изложенного следует со всей определенностью сделать вывод о том, что, несмотря на обозначенную позицию Государственного департамента США (согласно которой некоторые из рассмотренных прямых исходных линий, проведенных в Арктике, нелегитимны), большинство государств мира молчаливо восприняло установление Канадой, Данией, Норвегией только прямых исходных линий вдоль их арктического побережья как *полностью со-*

ответствующее современному международному праву.

В таком контексте можно с осторожностью прогнозировать, что США (выразившие протесты против установления другими приарктическими государствами некоторых прямых исходных линий в Арктике) в будущих десятилетиях вероятнее всего *не будут поддерживать такие протесты*; скорее, и сами США в будущем *установят прямые исходные линии вдоль побережья Аляски*, следуя примеру Дании, Канады и Норвегии, с учетом и того, что в *экономическом и природоохранном плане* такая правовая политика больше соответствует национальным интересам США.

Изложенное показывает также целесообразность учета Россией международно-правового опыта приарктических государств по проведению прямых исходных линий вдоль своего арктического побережья и, особенно, юридического обоснования правомерности такого проведения. Как известно, по действующему законодательству России на большей части ее арктического побережья применяются не прямые исходные линии, а «нормальные», т.е. «линии наибольшего отлива». В суровых арктических условиях морей Карского, Лаптевых, Восточно - Сибирского, покрытых льдами большую часть года, вряд ли корректно установление исходных линий обуславливать измерением того, где проходит линия наибольшего отлива. В случае следования Россией практике Норвегии, Дании, Канады по установлению только прямых исходных линий вдоль ее арктического побережья уточненная площадь ее внутренних вод в арктических морях существенно возросла бы.

Литература

1. Арктический регион: проблемы международного сотрудничества. Хрестоматия в 3 томах. Том 3. Применимые правовые источники. Гл. ред. И.С. Иванов. Науч. ред. А.Н. Вылегжанин. М. 2013. 662 С.
2. Вылегжанин А.Н. Правовое положение Северного Ледовитого океана. Международная конференция представителей государств-членов Арктического совета, государств-наблюдателей и зарубежной научной общественности «Обеспечение безопасности и устойчивого развития Арктического региона, сохранение экосистемы и традиционного образа жизни коренного населения Арктики». Архангельск. 16 сентября 2015 г. М. 2015. С. 52-61. (276 с.).

3. Вылегжанин А.Н. Нормы международного права об исходных линиях. Государство и право. 2012. №1. С.89-98.
4. Иванов И.С. (Гл. ред.). Рабочая тетрадь. Предложения к дорожной карте развития международно-правовых основ сотрудничества России в Арктике. М. Российский совет по международным делам. 2013. 56 С.
5. Вылегжанин А.Н., Каламкарян Р.А. Значение международного обычая в современном международном праве. // Московский журнал международного права. 2012. №2. С. 5-29.
6. Вылегжанин А.Н. К толкованию международно-правовых постановлений об исходных линиях // Московский журнал международного права 2011. № 2.
7. Вылегжанин А.Н., Матишов Г.Г., Моргунов Б.А., Соколова Е.Л. Отв. ред. Вылегжанин А.Н. Международно-правовая квалификация морских районов в качестве исторических вод (теория и практика государств). М. МГИМО. 2012. С. 76-85.
8. Blake G.H. Maritime Boundaries. The Oceans: Key Issues in Marine Affairs. Ed. H.D. Smith. Kluwer Academic Publishers. The Netherlands. 2004. pp. 63-76.
9. UN Convention on the Sea. 1982. A Commentary. Volume II. Editor-in-Chief M.H. Nordquist. Volume Editors S.N. Nandan and S. Rosenne. As. Editor N.R. Grandy. Martinus Nijhoff Publishers. Dordrecht/Boston/London. 1993. 1040 P.

International Legal Grounds for Drawing by Denmark, Norway and Canada Straight Baselines in the Arctic

Alexander N. Vylegzhanin, Inna P. Dudykina***

Abstract. The paper summarizes the legal experience of Canada, Denmark (relating to Greenland) and Norway in drawing straight baselines in the Arctic which join the furthest seaward points selected by a relevant coastal state in the context of applicable rules of the Contemporary International Law. The authors of the paper have compiled the basic legal arguments, which were relied upon by the three Arctic Coastal States mentioned above to show the “legal purity” of their straight baselines along the Arctic coasts. Legal evaluation of such a practice of Norway, Canada and Denmark is suggested in the paper in the context of relevant rules of the Convention on the Territorial Sea and Contiguous Zone, 1958, and UNCLOS 1982, and the 1951 Judgment of the ICJ and relevant documents of the ILC. It is noted in the paper that the admissibility of such particular application by the three Arctic Coastal States of international legal provisions on baselines is well grounded by the complex of geographical, ecological and historical factors relating to a specific Arctic coast and to its concrete territorial sovereign. The conclusion is suggested that in spite the fact that the US protested against some of the straight baselines along the arctic coasts still the practice of Canada, Denmark and Norway in drawing straight baselines in the Arctic is in full accordance with applicable rules of the Contemporary International Law. It is also shown in the paper that the establishment of such straight baselines has a positive impact on the extent of sovereignty and sovereign rights of each of the respective Arctic Coastal State. Identification and assessment of arguments within international law in favor of establishment of straight baselines in the Arctic ocean - as these arguments were put forward by Denmark, Norway and Canada - has a practical value for the Russian Federation, because in accordance with the current Russian legislation straight baselines are not applied along the most part of its Arctic coast and instead “normal baselines” are established indicating the low-water lines along the major part of its arctic coast. It is concluded also that in such circumstances international legal experience of Canada, Denmark and Norway in drawing straight baselines along its arctic coasts is to be taken into the account by the Russian Federation as well as the legal justification of such straight baselines.

* Alexander N. Vylegzhanin, Professor, Doctor of Law, MGIMO-University MFA Russia Moscow, Russia.

** Inna P. Dudykina, PhD, Research Center of the Russian Government, Moscow, Russia. inna_mel3008@mail.ru.

Keywords: Arctic coastal states; justification in international law; normal baselines; straight baselines; geographical factors; customary rules of international law; Dispute between the United Kingdom and Norway and Judgment of the International Court of Justice, 1951.

References

1. Arkticheskiy Region: Problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva. V treh tomah. Tom 3. Primenimie pravovie istochniki. [Arctic Region: Problems of International Cooperation. 3 Volumes. Volume 3. Applicable legal sources. Ed.- in - Chief Ivanov I.S. Editor Vylegzhanin A.N. Moscow. Russian International Affairs Council. "Aspect Press" Publishing House. 2013. 660 P. (in Russian).
2. Vylegzhanin A.N. Basic Provisions of the Legal Status of the Arctic Ocean./International Conference "Maintenance of Security and Sustainable Development of the Arctic Region, Preservation of Eco-Systems and Traditional Life-Styles of Indigenous Population of the Arctic". Arkhangelsk, 2015. Moscow, 2015. pp.52-61. (275 P. – in English and in Russian).
3. Vylegzhanin A.N. Normi mezhdunarodnogo prava ob ishodnih liniyah. /Gosudarstvo i pravo. [Rules Relating to Baselines in International Law. / State and Law. 2012. №1. pp.89-98 (in Russian).
4. Ivanov I.S. (Ed.-in-Chief). Rabochaya tetrad. Predlozhenia k dorozhnoy karte razvitiya mezhdunarodno-pravovih osnov sotrudnichestva rossii v Arctike. [Working Paper. Draft Road Map for Developing International Legal Basis of Cooperation of Russia in the Arctic]. Moskwa. Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnim delam. [Moscow. Russian International Affairs Council]. 2013. 56 P. (in Russian).
5. Vylegzhanin A.N. Kalamkaryan R.A. Rol mezhdunarodnogo obichaya v sovremennom mezhdunarodnom prave. /Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava. [The Role of International Custom in the Contemporary International Law // Moscow Journal of International Law] . No 2. 2012. pp. 5-29 (In Russian).
6. Vylegzhanin A.N. K tolkovaniu mezhdunarodno-pravovih postanovleniy ob ishodnih liniyah./ Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava. [Interpretation of the Provisions of International Law Relevant to Baselines // Moscow Journal of International Law]. No 2. 2011. pp. 3-22. (In Russian).
7. Vylegzhanin A.N., Matishov G.G., Morgunov B.A., Sokolova E.L. Otv. red. Vylegzhanin A.N. Mezhdunarodno-pravovaya kvalifikatsiya morskikh rajonov v kachestve istoricheskikh vod (teoriya i praktika gosudarstv) [Status of historic waters in International law (the legal theory and practice of States)]. M. MGIMO. 2012. pp. 76-85 (in Russian).
8. Blake G.H. Maritime Boundaries. The Oceans: Key Issues in Marine Affairs. Ed. H.D. Smith. Kluwer Academic Publishers. The Netherlands. 2004. pp. 63-76.
9. UN Convention on the Sea. 1982. A Commentary. Volumes II. Editor-in-Chief M.H. Nordquist. General Editors S.N. Nandan and S. Rosenne. As. Editor N.R. Grandy. Ed. As. M.C. Allen. Martinus Nijhoff Publishers. Dordrecht/ Boston/London. 1993.1040 P.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВО

«БРЭКЗИТ»¹ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ И ТОРГОВЫХ ДОГОВОРОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Д.К. Лабин, В.С. Ретюнский***

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы о правовых последствиях принятого на референдуме в 2016 г. решения о выходе Великобритании из Европейского союза. Авторы исследуют международно-правовые аспекты процедуры выхода Великобритании из ЕС. В этой связи анализируется статья 50 Договора о Европейском союзе в лиссабонской редакции (ДЕС 2007). Особое внимание уделяется исследованию правовых последствий «Брэкзита» для международных инвестиционных и торговых соглашений Великобритании. В частности, исследуется его влияние на двусторонние инвестиционные договоры Соединенного Королевства с государствами-членами Евросоюза (преимущественно бывшими участниками Варшавского договора 1955 г.) и инвестиционные соглашения между Великобританией и государствами за пределами Европейского союза. К тому же в статье затрагивается вопрос о будущем торговых соглашений Великобритании. Излагается прозвучавшая 17 января 2017 г. программная британского премьер-министра Т.Мэй, в которой она представила развернутые подходы правительства к вопросу осуществления «бракоразводных» переговоров с Евросоюзом. В заключении авторы прогнозируют наиболее вероятные сценарии развития «пост-брэкзитских» отношений Великобритании и ЕС (участие Великобритании в Европейском экономическом пространстве по примеру Норвегии, Исландии и Лихтенштейна, заключение всеобъемлющего торгового и экономического соглашения с Евросоюзом по примеру Канады и Южной Кореи, участие в ВТО).

Ключевые слова: Международное инвестиционное право; Великобритания; Европейский союз; выход государства-члена из Европейского союза; двусторонний инвестиционный договор; международное соглашение о торговле; Договор о Европейском союзе в лиссабонской редакции (ДЕС 2007).

* Лабин Дмитрий Константинович – доктор юридических наук, профессор МГИМО МИД России. d.labin@inno.mgimo.ru.

** Ретюнский Вадим Сергеевич – атташе Посольства России в Великобритании соискатель кафедры международного права МГИМО МИД России.

¹ «Брэкзит» – от англ. Brexit – выход Великобритании из Европейского союза.

23 июня 2016 г. в результате общенационально референдума народ Великобритании принял неожиданное для мировой общественности решение о выходе государства из Европейского союза. Среди основных причин такого поведения британцев эксперты называют: европейский миграционный кризис, низкие темпы роста экономики Евросоюза, ограничение суверенной правоспособности Великобритании и делегирование большей части полномочий государства институтам ЕС.

С момента вступления национального Акта о Европейских сообществах 1972 г.² в силу Соединенное Королевство как полномочный член ЕС интегрировало большинство норм европейского права в свое законодательство. Более того, за годы членства в наднациональном образовании Великобритания стала участницей большого количества заключаемых Евросоюзом международных договоров в различных сферах сотрудничества (начиная от международных инвестиционных и торгово-экономических договоров и заканчивая договорами о защите прав человека и об охране окружающей среды) [Odermatt, с. 1]. Такое положение дел свидетельствует о тесном переплетении двух правовых систем по целому ряду юридических вопросов³, а также о высокой степени зависимости Великобритании от права ЕС.

Тем не менее, в октябре 2016 г. британский премьер-министр Т. Мэй заявила о планах по внесению весной 2017 г. в пар-

ламент Великобритании законопроекта об отмене Акта о Европейских сообществах 1972 г. и «переносе» во внутреннее законодательство всех применимых к Великобритании положений актов Евросоюза с целью восстановить полный контроль над национальной правовой системой. Однако в настоящий момент шотландские парламентарии выступают против такой инициативы и отказываются поддержать законопроект⁴, как и в целом «Брэкзит». К тому же, получив голоса консервативного большинства в палате общин парламента Великобритании, законопроект вряд ли будет поддержан оппозиционным крылом в палате лордов. Более того, по мнению партнеров английской юридической фирмы «Shepherd Wedderburn» Л.Нокс и Г.Дауни, в законопроекте имеются нестыковки (британское законодательство для решения многих вопросов отсылает к институтам Евросоюза и т.п.) [Knox, Downie, с. 1-2]. Скорее всего, данная ситуация будет разрешаться при помощи политических рычагов.

Что касается заявленного сразу после референдума шотландскими парламентариями желания заблокировать решение Вестминстера⁵ о выходе из Евросоюза, то, хотелось бы отметить, что такой поворот вряд ли возможен. Во-первых, парламент Шотландии не обладает полномочиями по решению международных вопросов. Закон о Шотландии 1998 г. строго ограничивает его компетенцию рамками делегированного законодательства⁶ (шотландские депутаты вправе принимать законодательные

² Акт о Европейских сообществах Великобритании 1972 г. (European Communities Act 1972) закрепил вступление Соединенного Королевства в Европейские сообщества - Европейское объединение угля и стали, Европейское экономическое сообщество и Европейское сообщество по атомной энергии - и распространил на Великобританию действие европейского права.

³ Согласно ст.3 Договора о функционировании Европейского союза 2007 г. к исключительному ведению Европейского союза относятся вопросы таможенного союза, установление правил конкуренции, необходимых для функционирования внутреннего рынка, денежная политика в отношении государств-членов, перешедших на «евро», вопросы сохранения морских биологических ресурсов в рамках общей политики по вопросам рыболовства, общая торговая политика. К исключительной компетенции ЕС также отнесено заключение международных соглашений по вопросам, вытекающим из реализации его внутривластной компетенции.

⁴ Согласно регламентам шотландского парламента (Standing orders of the Scottish Parliament, 5th Edition), принятым на основе ст. 22 Закона о Шотландии 1998 г. и приложения №3 к нему, «транспонирование» актов Европейского союза во внутреннее британское законодательство требует обязательного одобрения парламента Шотландии (legislative consent motion).

⁵ Парламент Великобритании.

⁶ Закон о Шотландии 1998 г. (Scotland Act 1998). Режим доступа: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/46/contents>. Дата обращения: 07.03.2017.

решения по вопросам сельского хозяйства, рыбного промысла, лесного хозяйства, защиты окружающей среды, спорта, изменения некоторых видов налогов, экономического развития и иным проблемам местного значения, но не по международным делам). Во-вторых, «предписания» шотландского парламента не являются полноценными нормативно-правовыми актами. Их можно охарактеризовать в качестве т.н. правил («conventions»), которые не могут противоречить национальному законодательству. В этой связи вывод очевиден – Шотландия вряд ли может создать существенное препятствие на пути британского правительства к «Брэкзиту».

В этом контексте следует обратить внимание и на саму процедуру выхода Великобритании из Евросоюза, которая, как представляется, будет состоять из трех элементов:

- международно-правовая процедура в соответствии со ст.50 Договора о Европейском союзе в лиссабонской редакции⁷;

- внутренняя процедура (отмена или, по крайней мере, внесение существенных изменений в Акт о Европейских сообществах 1972 г.);

- процедура налаживания сотрудничества с ВТО (решение вопроса о статусе Великобритании в ВТО и проведение переговоров с другими государствами - членами Организации с целью заключить новые соглашения о свободной торговле).

Большой научный и практический интерес вызывает международно-правовая процедура. Британские эксперты повсеместно заявляют, что ст.50 Договора о Европейском союзе 2007 г. является теоретическим механизмом, устанавливающим хрупкие рамки для ведения сложных политизированных переговоров по определению будущего Великобритании [Piris, с. 1]. Так, ключевыми вопросами в текущей ситуации будут: способы толкования положений договора, ширина полномочий Евросоюза при ведении переговоров и политическое давление на Великобританию со стороны ЕС.

⁷ Ст.50 Договора о Европейском союзе 2007 г. с сомнительными положениями (выделены полужирным шрифтом) и некоторыми комментариями (выделены курсивом)

1. Любое государство-член в соответствии со своими конституционными правилами может принять решение о выходе из состава Союза.

2. Государство-член, которое принимает решение о выходе, **уведомляет о своем намерении Европейский совет** (английские юристы открыто опасаются, что если Великобритания начнет закулисную игру, Евросоюз сможет оказывать на нее давление посредством толкования термина «уведомление» по собственному усмотрению). В свете ориентиров, установленных Европейским советом, Союз проводит переговоры и заключает с данным государством соглашение, которое определяет порядок выхода последнего **с учетом основ его будущих взаимоотношений с Союзом** (речь идет не об одном договоре, а возможно, о пакете соглашений, регулирующих бюджетные отношения, вопросы членства в созданных в рамках Евросоюза учреждениях, решение пенсионных вопросов командированных в органы ЕС сотрудников, вопросы финансирования британских университетов и др.). Переговоры о заключении данного соглашения проводятся в соответствии с пар.3 ст.218 Договора о функционировании Европейского союза. Соглашение от имени Союза заключает Совет, постановляя квалифицированным большинством, после одобрения Европейского парламента.

3. Договоры прекращают применяться к заинтересованному государству со дня вступления в силу соглашения о выходе либо – при отсутствии такого соглашения – через два года с момента уведомления, предусмотренного в пар.2, если только Европейский совет с согласия заинтересованного государства-члена **единогласно не решит продлить этот срок** (это, в свою очередь, приведет к затянувшемуся периоду неоднозначности и в конечном итоге негативно отразится на коммерческой деятельности и гражданах ЕС).

4. В целях пар.2 и 3 члены Европейского совета и Совета, которые представляют выходящее государство-член, **не участвуют в обсуждении и принятии относящихся к нему решений** Европейского совета и Совета (в связи с тем, что государства-члены Евросоюза уже приступили к обсуждению последствий «Брэкзита», оставив за дверью британских еврочиновников, сотрудники «Форин Офиса» с опаской ожидают роста психологического давления на британцев с целью отстранить их от внутриевропейского политического процесса). Квалифицированное большинство определяется в соответствии с п.«б» пар.3 ст.238 Договора о функционировании Европейского союза.

5. Если государство-член, которое вышло из состава Союза, **обращается с заявкой о присоединении вновь** (отсутствие каких-либо указаний на процедуру отзыва ранее направленного уведомления о выходе порождает множество спекуляций; одни эксперты толкуют данное положение в положительно-утвердительно, другие – в отрицательном ключе), то его заявка подчиняется процедуре, предусмотренной в ст.49».

Если руководство Великобритании все-таки решит предпринять серьезные практические действия и направит уведомление о выходе из ЕС, то после этого британским властям в течение двух лет придется окончательно определиться с порядком действий относительно взаимоотношений с европейскими государствами. Аналитики прогнозируют следующие варианты:

- заключение двух рамочных соглашений с ЕС;
- отсутствие каких-либо соглашений с ЕС;
- отзыв уведомления о выходе из ЕС.

В первом случае речь идет о двух самостоятельных договорах (соглашение о выходе из ЕС и соглашение о сотрудничестве с ЕС), требующих одобрения на уровне Евросоюза (в некоторых случаях ратификации государствами-членами ЕС). С целью экономии времени британскому правительству придется вести переговоры с ЕС по данным договорам одновременно.

Второй вариант исхода переговоров – отсутствие каких-либо соглашений с ЕС в силу истечения предусмотренного ДЕС 2007 г. двухлетнего периода. В этом случае отношения между Великобританией и ЕС будут регулироваться правилами ВТО и иными нормами международного права. В связи с этим в интересах британского истеблишмента – увеличить предусмотренный срок (по оценкам партнеров лондонского офиса британской юридической фирмы «BLP» К.Брайанта и П.Джеймс, – до 10 лет) [Bryant, с. 5] с целью избежать поспешных и заведомо невыгодных для британцев решений по инвестиционным и экономическим соглашениям. Как представляется, несмотря на наличие подобной возможности, на практике данная мера труднореализуема (запрос британского правительства об увеличении срока переговоров потребует единогласного одобрения всех 27 государств-членов Евросоюза).

Третья альтернатива заключается в прекращении всех процедур по выходу из ЕС путем отзыва формально направленного уведомления.

Несмотря на отсутствие в Договоре о Евросоюзе такой опции, подобная возможность все-таки существует. Она представляет собой подразумеваемое право государства-члена Евросоюза до завершения всех процедур по выходу из наднационального образования отозвать направленное в Европейский совет уведомление и в результате сохранить свое членство в ЕС. Однако критики и юристы Еврокомиссии утверждают о невозможности в одностороннем порядке отозвать ранее направленное уведомление и требуют в этой связи использовать ЕС-овскую процедуру по принятию решений на основе консенсуса. Они полагают, что британские власти обязаны заплатить определенную «цену» за свою «бездумность», а также настаивают на «уважении выбора народа Великобритании»⁸.

Если Великобритания все-таки решит запустить процесс выхода из ЕС, это автоматически затронет британскую правовую систему и, в частности, серьезно повлияет на международные инвестиционные и торговые договоры Соединенного Королевства. В настоящий момент британские чиновники стараются спрогнозировать возможные последствия.

В целом ситуация видится следующим образом. Во-первых, Великобритания является стороной в 12 двусторонних инвестиционных договорах с государствами-членами Евросоюза⁹ (преимущественно бывшими участниками Варшавского договора 1955 г., заключенными практически сразу после распада этой системы)¹⁰.

Во-вторых, Великобритания заключила порядка 80 двусторонних инвестиционных договоров с государствами за пределами Европейского союза¹¹. Однако с учетом исключительной компетенции Евросоюза в

⁸ Великобритания пока не сможет отозвать направленное уведомление о выходе из ЕС. Режим доступа: <https://www.ft.com/topics/themes/Brexit>. Дата обращения: 07.03.2017.

⁹ Двусторонние инвестиционные договоры между государствами-членами Евросоюза – от англ. «Intra-EU BITs».

¹⁰ Болгария, Хорватия, Чехия, Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Мальта, Польша, Румыния, Словакия и Словения.

¹¹ Албания, Аргентина, Беларусь, Бенин, Боливия, Босния и Герцеговина и др. (С целью обеспечить защиту британского инвестора от нарушений международного права или различного рода злоупотреблений со стороны ино-

области инвестиционной политики, Еврокомиссия в последние годы принялась за активную работу по пересмотру двусторонних инвестиционных договоров, а также предусмотренных ими механизмов арбитражной защиты. В результате «Европейским со-законодателем» (Европарламентом и Советом ЕС) было принято решение о введении «временных мер» в отношении двусторонних инвестиционных договоров между государствами Евросоюза и третьими странами с целью их дальнейшей замены на заключенные уже Европейским союзом инвестиционные соглашения¹².

Согласно данному акту инвестиционные договоры государств-членов ЕС своего рода интегрируются в европейское право до момента их замены новыми договорами. К тому же, по решению европейских властей, государства-члены ЕС получили право вносить в такие договора поправки и устранять возможные несоответствия их нормам права ЕС. В контексте такой инвестиционной политики руководства Евросоюза «Брэкзит», с одной стороны, сыграет на руку иностранным инвесторам, стремящимся сохранить свои капиталовложения в рамках проверенных международным правом и действующих в Великобритании механизмов правовой защиты и воздержаться от внесенных Европарламентом изменений в «правила игры». Более того, «бракоразводный процесс» с Евросоюзом позволит официально Лондону избежать навязанных извне решений и самостоятельно определять действующий в отношении иностранных инвесторов режим, руководствуясь нормами международного права и собственными интересами.

С другой стороны, в результате «Брэкзита» Великобритания рискует потерять до-

ступ к единому европейскому рынку (перемещение товаров и услуг через британскую границу может существенно усложниться). А инвестиции в ее экономику станут малоэффективны, что заставит инвесторов, желающих присутствовать на европейском рынке, закрыть глаза на изменения инвестиционно-правовой политики Евросоюза и приспособиться к сложившимся условиям, выбрав иное заинтересованное в инвестициях государство-член Европейского союза (например, Ирландию).

Что касается двусторонних инвестиционных договоров между государствами-членами Евросоюза, то, учитывая установленный ими режим защиты, Еврокомиссия рассматривает их в качестве механизмов оказания незаконной государственной поддержки национальным предприятиям по принципу избирательности или по секторам экономики. В этой связи в 2015 г. она инициировала ряд судебных разбирательств с государствами-членами с целью принудить их прекратить действие подобного рода договоров (Великобритания в эту группу государств пока не попала). В след за таким поведением комиссии Федеральный верховный суд Германии в марте 2016 г. обратился в Суд Европейского союза с требованием разъяснить нормы европейского права относительно правомерности заключения между государствами-членами Евросоюза международных инвестиционных договоров. В виду этого положение подобного рода инвестиционных договоров в данный момент остается неопределенным.

Однако, по мнению партнера международной юридической фирмы «Crowell & Moring» А.Джонса, «Брэкзит» позволит Великобритании «самостоятельно решить их судьбу» [Jones, с. 1]. Малове-

странного государства и предоставить сторонам возможность рассматривать споры в соответствии с правилами Международного центра по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС) или регламентами ЮНСИТРАЛ, Арбитража при Международной торговой палате в Париже и Арбитражного института Стокгольмской торговой палаты: International Centre for Settlement of Investment Disputes (ICSID), the UN Commission on International Trade Law (UNCITRAL), the International Chamber of Commerce (ICC), the Arbitration Institute of the Stockholm Chamber of Commerce.

¹² Регламент Европейского парламента и Совета Европейского союза 1219/2012 от 12 декабря 2012 г. о введении мер переходного характера в отношении двусторонних инвестиционных договоров между государствами-членами Евросоюза и третьими странами (Regulation (EU) 1219/2012). Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A32012R1219>. Дата обращения: 07.03.2017.

роятно что британские власти захотят прекратить действие этих договоров. Скорее всего, они задумают выделиться на фоне скованных инвестиционной политикой Евросоюза государств. Тем не менее, в случае заключения между Великобританией и Евросоюзом самостоятельного двустороннего инвестиционного договора или соглашения о свободной торговле с положениями об инвестициях, весьма вероятно, что прежние договоры между Великобританией и государствами-членами ЕС автоматически утратят силу.

В отличие от инвестиционных, будущее британских торговых договоров с Евросоюзом напрямую зависит от доступа страны к единому европейскому рынку. Вряд ли до начала переговоров стоит делать какие-либо серьезные прогнозы. Однако следует обратить внимание на заключенные Евросоюзом и распространяющие свое действие на государства-члены наднационального образования соглашения о торговле. В их числе:

- соглашения об образовании таможенного союза (Андорра¹³, Сан-Марино¹⁴ и Турция¹⁵);
- соглашения об ассоциированном членстве между Евросоюзом и третьими государствами (Израиль¹⁶, Украина¹⁷ и др.);

- соглашения о свободной торговле (Корея¹⁸ и др);

- соглашения о партнерстве и сотрудничестве (Мексика¹⁹ и др.).

Особенность данных международных инструментов заключается в том, что их действие распространяется как на сам Евросоюз, так и на Великобританию, в частности. В этой связи «Брэкзит» не окажет существенного влияния на такого рода договоры. Британским властям придется лишь изменить форму данных соглашений (например, обменяться дипломатическими нотами с государствами - их участниками) и подтвердить свое желание быть связанными их положениями.

Ввиду этого интерес также представляет прозвучавшая 17 января 2017 г. программная речь премьер-министра Великобритании Т. Мэй²⁰, в которой она представила развернутые подходы правительства к вопросу осуществления «бракоразводных» переговоров с Евросоюзом. В ходе выступления глава Кабинета министров сумела развить обозначенную ранее идею «глобальной Британии», заключающуюся в активизации действий Лондона за пределами Европы. Признавая настрой на стратегическое взаимодействие с ЕС, Т. Мэй, тем не менее, подчеркивала необходимость «укрепления от-

¹³ Соглашение в форме обмена нотами между Европейским экономическим сообществом и Княжеством Андорра 1990 г. Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:21990A1231%2802%29:EN:HTML>. Дата обращения: 07.03.2017.

¹⁴ Предварительное соглашение о торговле и таможенном союзе между Европейским экономическим сообществом и Республикой Сан-Марино 1992 г. Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:21992A1209%2802%29:EN:HTML>. Дата обращения: 07.03.2017.

¹⁵ Решение Ассоциативного совета Европейского экономического сообщества и Турции № 1/95 от 22 декабря 1995 г. о завершении последнего этапа создания таможенного союза (96/142/ЕС). Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:21996D0213%2801%29:EN:HTML>. Дата обращения: 07.03.2017.

¹⁶ Соглашение об ассоциации между Европейскими сообществами и их государствами-членами и Государством Израиль 2000 г. Режим доступа: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2010/april/tradoc_146089.pdf. Дата обращения: 07.03.2017.

¹⁷ Соглашение об ассоциации между Европейским союзом и Украиной 2014 г. Режим доступа http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2016/november/tradoc_155103.pdf. Дата обращения: 07.03.2017.

¹⁸ Соглашение о свободной торговле между Европейским Союзом и его государствами-членами и Республикой Корея 2010 г. Режим доступа: <http://www.consilium.europa.eu/en/documents-publications/agreements-conventions/agreement/?aid=2010036>. Дата обращения: 07.03.2017.

¹⁹ Соглашение об экономическом партнерстве и политическом сотрудничестве между Европейским сообществом и его государствами-членами и Мексиканскими Соединенными Штатами 2000 г. Режим доступа: http://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:f95ad1a3-795e-4fb0-84e1-28351b99415c.0004.02/DOC_2&format=PDF. Дата обращения: 07.03.2017.

²⁰ Официальная речь премьер-министра Великобритании Т.Мэй о целях британского правительства в ходе предстоящих переговоров о выходе Великобритании из ЕС. Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/speeches/the-governments-negotiating-objectives-for-exiting-the-eu-pm-speech>. Дата обращения: 07.03.2017.

ношений как со старыми друзьями, так и с новыми союзниками». В этой связи акцентируется линия на «чистый Брэкзит», который позволит не заикливаться на Европе и «в полной мере использовать уникальную глобальную роль Великобритании».

Главной целью переговоров о выходе из ЕС было названо «построение нового, позитивного и конструктивного партнерства между Великобританией и Евросоюзом». При этом для ее достижения правительство, по словам Т. Мэй, будет нацелено на реализацию следующего:

- отмена Акта о Европейских сообществах 1972 г.;
- вывод страны из-под юрисдикции Суда ЕС с целью предотвратить «принятие судьями из Люксембурга решений о толковании действующих в Великобритании законов»;
- тесное взаимодействие с британскими регионами в ходе «бракоразводных» переговоров (Т. Мэй подтвердила готовность учитывать интересы автономий, в т.ч. относительно осуществления в стране революционных процессов);
- сохранение «успешно существующего в течение многих лет» единого миграционного и экономического пространства между Великобританией и Ирландией после завершения процесса выхода из ЕС;
- гарантирование в полном объеме прав проживающих в Великобритании граждан государств-членов ЕС, если аналогичный подход будет применяться к находящимся в Евросоюзе британцам;
- заключение «всеобъемлющего и амбициозного» соглашения о свободной торговле между Великобританией и ЕС «для обеспечения максимально возможной свободы торговли товарами и услугами, а также предоставление британским компаниям наибольших возможностей для осуществления деятельности на европейском рынке». (При этом впервые прямым текстом заявлено о намерении Лондона выйти из европейского общего рынка, поскольку «принятое на референдуме решение автоматически под-

разумеает прекращение членства в нем», что «избавляет Великобританию от необходимости осуществлять взносы в бюджет ЕС» (без учета средств, направляемых на реализацию совместных программ);

- стремление «нарастить свое присутствие на наиболее динамично развивающихся рынках мира» (после выхода из ЕС британские власти намерены заключить соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве с «крупнейшими экономиками за пределами Европы» - Австралия, Бразилия, Индия, Китай, Новая Зеландия, страны Персидского залива);
- подписание договора о свободной торговле с США.

В общем, контуры предстоящих переговоров начинают понемногу оформляться. Судя по высказываниям Т. Мэй, в Кабинете министров возобладала линия на «жесткий Брэкзит», в ходе которого британцы готовы задействовать сценарий решительного разрыва отношений с «единой Европой». Вероятно, не последнюю роль сыграла амбициозность самого премьер-министра, а также позиция вновь избранного 45-го президента США Д.Трампа, фактически дезавуировавшего заявления своего предшественника на этом посту Б.Обамы о нежелательности выхода Великобритании из ЕС как для США, так и для европейцев. При этом, учитывая решительный настрой Брюсселя, далеко не очевидно, что в итоговом «бракоразводном» документе сформулированные премьер-министром Великобритании Т. Мэй «январские тезисы» будут отражены именно в таком виде.

Тем не менее, в арсенале британцев имеются эффективные инструменты правового сотрудничества с «континентальной» Европой.

В качестве заключения, кратко можно спрогнозировать наиболее вероятные сценарии развития «пост-брэкзитских» отношений между Великобританией и ЕС:

1. Участие Великобритании в Европейском экономическом пространстве по примеру Норвегии²¹, Исландии²² и Лихтен-

²¹ Норвегия как государство-участник Соглашения о Европейском экономическом пространстве 1992 г. Режим доступа: <http://www.eu-norway.org/eeaforiside/#.WL8xqtIpyUk>. Дата обращения: 07.03.2017.

²² Исландия как государство-участник Соглашения о Европейском экономическом пространстве 1992 г. Режим доступа: <http://www.europautredningen.no/wp-content/uploads/2011/04/Rap7-island.pdf>. Дата обращения: 07.03.2017.

штейна²³. (Это позволит сохранить доступ к единому рынку, режим свободного перемещения товаров и услуг, частичное действие европейского права и, что немаловажно, свободу действий на международной арене, в секторе энергетики и других сферах взамен на оплату ежегодных взносов в европейский бюджет).

2. Заключение всеобъемлющего торгового и экономического соглашения с Евросоюзом по примеру Канады²⁴ и Южной Кореи²⁵ (позволит полностью вернуть законодательство в руки британских парламентариев, ввести режим свободного перемещения товаров, однако закроет доступ к единому европейскому рынку и по умолчанию не затронет торговлю услугами).

3. Участие в ВТО (потеря доступа к единому европейскому рынку, отсутствие необходимости вести переговоры и заключать соглашения с ЕС, отмена режима «открытых» границ).

Таким образом, сложившееся в Великобритании положение дел явно свидетельствует о неготовности британских властей адекватно реагировать на ситуацию вокруг «Брэкзита». Вряд ли кто-либо из истеблишмента мог предположить о таком исходе референдума. В результате вновь созданным ведомствам (министерству по вопросам выхода из ЕС и министерству по делам международной торговли) совместно с министерством иностранных дел придется проработать весь накопившийся за годы членства Великобритании в Евросоюзе массив информации и выбрать приемлемые для себя рамки международно-правового сотрудничества. С другой стороны, в силу консультативного характера британского референдума власти Великобритании в любой момент могут отказаться от идеи «Брэкзита», и тогда поиски новых механизмов международного сотрудничества и переработки договорно-правовой базы будут ни к чему.

Литература

1. Odermatt J. Brexit and International Law. Retrieved 7 March 2017 from <http://www.ejiltalk.org/brexit-and-international-law>.
2. Knox L., Downie G. Legislating for Brexit: the Great Repeal Bill. Retrieved 7 March 2017 from <http://www.shepwedd.co.uk/knowledge/legislating-brexit-great-repeal-bill>.
3. Piris J.C. Article 50 is not forever and the UK could change its mind. Financial Times Retrieved 7 March 2017 from <https://www.ft.com/topics/themes/Brexit>.
4. Bryant C., Brexit: What happens now? Brexit Guide. Retrieved 7 March 2017 from <http://www.blplaw.com>.
5. Jones A. Legal considerations for the UK's investment and trade treaties after Brexit. Retrieved 7 March 2017 from: <http://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=b6bb459f-332a-4b4a-b2e4-8cc68ddf9ae4>.

²³ Княжество Лихтенштейн как государство-участник Соглашения о Европейском экономическом пространстве 1992 г. Режим доступа: <https://www.liechtenstein-business.li/en/economic-area/get-to-know/hidden-treasures/liechtenstein-combines-the-best-of-both-worlds>. Дата обращения: 07.03.2017.

²⁴ Всеобъемлющее экономическое и торговое соглашение между Канадой и Европейским союзом, а также его государствами-членами 2016 г. Режим доступа: <http://ec.europa.eu/trade/policy/in-focus/ceta>. Дата обращения: 07.03.2017.

²⁵ Соглашение о свободной торговле между Европейским союзом и его государствами-членами и Республикой Кореей 2009 г. Режим доступа: <http://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/countries/south-korea>. Дата обращения: 07.03.2017.

Brexit and its Implications for the UK International Investment and Trade Agreements

Dmitry K. Labin, Vadim S. Retyunskiy***

Abstract. The paper discusses the legal implications of the 2016 decision to withdraw Britain from the European Union. The authors explore the international legal aspects of the procedures of a British exit from the EU. In this regard the authors analyze article 50 of the 2007 Lisbon Treaty. Special attention is paid to the study of the legal implications of the UK investment and trade agreements. In particular, the authors go into detail about the future of intra and extra-EU BITs as well as UK trade agreements. The paper also contains some points of the Plan for Britain set out by Prime Minister Theresa May, which include the top priorities that the UK government will use to negotiate Brexit. In conclusion, the authors predict the most probable scenarios for the “post-brexit” relations between the UK and the EU. Possible negotiation outcomes are as follows. The UK could remain part of the European Economic Area and have a relationship with the EU like Norway, Iceland and Lichtenstein. The UK could seek to negotiate a comprehensive free trade agreement with the EU as Canada and South Korea have done. The purest form of “out” requiring no formal connections or negotiated agreement is WTO-only relationship.

Keywords: International investment law; United Kingdom; European Union; the member States of the European Union; intra-EU BITs; extra-EU BITs; international trade agreement; 2007 Lisbon Treaty.

References

1. Odermatt J. Brexit and International Law. Retrieved 7 March 2017 from <http://www.ejiltalk.org/brexit-and-international-law>.
2. Knox L., Downie G. Legislating for Brexit: the Great Repeal Bill. Retrieved 7 March 2017 from <http://www.shepwedd.co.uk/knowledge/legislating-brexit-great-repeal-bill>.
3. Piris J.C. Article 50 is not forever and the UK could change its mind. Financial Times Retrieved 7 March 2017 from <https://www.ft.com/topics/themes/Brexit>.
4. Bryant C., Brexit: What happens now? Brexit Guide. Retrieved 7 March 2017 from <http://www.blplaw.com>.
5. Jones A. Legal considerations for the UK’s investment and trade treaties after Brexit. Retrieved 7 March 2017 from: <http://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=b6bb459f-332a-4b4a-b2e4-8cc68ddf9ae4>.

* Dmitry K. Labin – Doctor of law, professor, Professor of the International Law Chamber MGIMO-University MFA Russia. d.labin@inno.mgimo.ru.

Vadim S. Retyunskiy – Attaché, Embassy of the Russian Federation in London Post-graduate student of the International Law Chamber MGIMO-University MFA Russia.

К ТОЛКОВАНИЮ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА О КОМИССИИ ПО ГРАНИЦАМ КОНТИНЕНТАЛЬНОГО ШЕЛЬФА В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ И ДРУГИХ ПРИАРКТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ

*И.С. Жудро**

Аннотация: В ряде отечественных публикаций Комиссия по границам континентального шельфа, созданная в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 года¹, рассматривается как орган, наделенный функциями, позволяющими ей разрешать правовые вопросы разграничения континентального шельфа, в том числе в спорной ситуации, складывающейся, например, в Северном Ледовитом океане. В настоящей статье доказываем ущербность подобного теоретического построения: Комиссия по границам континентального шельфа, состоящая из геологов и иных специалистов в области естественных наук, не вправе высказываться по правовым вопросам разграничения шельфа между соседними государствами. В её полномочиях – дача рекомендаций о соблюдении геологических и геоморфологических критериев по «отграничению» отдельным государством своего шельфа от международного района морского дна. Четкое разделение понятий «отграничение» и «разграничение» способствует корректному прочтению норм Конвенции 1982 года: исполнение положений ст. 76 о функциях Комиссии по «отграничению» не является необходимым условием для осуществления государствами предусмотренного ст. 83 права на «разграничение» шельфа. В условиях спорной ситуации с разграничением арктического шельфа попытка некоторых правоведов доказать наличие у Комиссии правовых полномочий допускает возможность игнорирования при этом выгодных для России особых правовых обстоятельств, исторически сложившихся в полярном районе. Реализация таких теоретических построений чревата риском пространствен-

.....
* Жудро Иван Сергеевич – кандидат юридических наук, Заслуженный юрист Российской Федерации, член Научно-экспертного совета Морской коллегии при Правительстве Российской Федерации.

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (заключена в г. Монтего-Бее 10.12.1982) Бюллетень международных договоров. – 1998. – № 1. с.3 – 168.

ных уступок со стороны приарктических государств – участников Конвенции 1982 г. В Северном Ледовитом океане у прибрежных государств не возникло обязанности по «отграничению» своего шельфа от международного района морского дна; нет у них и юридической необходимости обращения в Комиссию. Прибрежные государства могли бы воспользоваться своим правом на «разграничение» всего арктического шельфа по соглашению друг с другом – без обращения в Комиссию.

Ключевые слова: Северный Ледовитый океан; Конвенция ООН по морскому праву 1982 года; Комиссия по границам континентального шельфа; разграничение; отграничение.

Как известно, активно обсуждаемое и критикуемое в науке постановление Правительства России № 717 от 16 июня 1997 года², принятое при Президенте России Б.Н.Ельцине, по словам ряда исследователей, перечеркнуло арктическую политику Российской империи и Советского Союза, ознаменовав отказ России от секторальных границ (по линиям меридианов) как исторически подготовленной основы для разграничения арктического шельфа между пятью приарктическими государствами [Гуреев, Буник, 2005; Вылегжанин, 2013, с. 11-38; Вылегжанин, Молодцова, Дудыкина, 2015, с. 5-23; Николаев, Пещуров, 2014, с. 65-85; Жудро, 2014; Жудро, 2015].

Вместо обозначения этих неоспариваемых в течение десятилетий меридианных границ, Россия в 2001 году, без всякой юридической необходимости, самоограничила свой арктический шельф, выборочно исполняя почему-то единственную норму одной из применимых к Арктике конвенций – статью 76 Конвенции ООН по морскому праву 1982 года. Кардиналь-

но изменив проводимую десятилетиями международно-правовую линию в Арктике, МИД России вынужденно следует ей и в настоящее время.

Следуя с 1997 года путем отграничения арктического шельфа от международного района морского дна, ресурсам которого Конвенцией 1982 года присвоен статус «общего наследия человечества» (далее также – Район), через Комиссию по границам континентального шельфа (г. Нью-Йорк)³ далее также – Комиссия), российские ведомства невольно открыли новую сферу соперничества между приарктическими государствами, в чем не было никакой правовой необходимости. И такого соперничества не возникло, если бы была сохранена прежняя арктическая политика Российской империи и Советского Союза. Действительно, в связи с установлением секторальных границ в Арктике (в 1825 году – по англо-российской конвенции; в 1867 году – по российско-американской конвенции; в 1925 году – по законодательству Канады; в 1926 году – по законодательству СССР) ни одно

² Постановление Правительства Российской Федерации от 16 июня 1997 г. № 717 «О порядке утверждения перечней географических координат точек, определяющих линии внешних границ континентального шельфа Российской Федерации» - «Собрание законодательства Российской Федерации» - 1997 - № 25, ст. 2939, 23.06.1997.

³ Технический орган, созданный в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. Состоит из 21 специалиста «в области геологии, геофизики или гидрографии». См. ст. 2 Приложения II к Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. «Комиссия по границам континентального шельфа» // Бюллетень международных договоров. – 1998. – № 1. – С. 3–168.

из перечисленных государств не получило ни одного протеста. Секторальные границы в Арктике считались исторически сложившимися, неоспариваемыми задолго до того, как возник сам институт континентального шельфа. Соответственно, ничто не препятствовало приарктическим государствам согласовать между собой эти границы для целей делимитации арктического шельфа.

Причины «ошибки» (термин профессоров Гуреева С.А. и Мелкова Г.М.) Президента Ельцина Б.Н. уже детально анализировались в цитированных выше научных публикациях. Вопрос в другом – можно ли сейчас «развернуть» процесс «отграничения», запущенный политико-правовым нововведением 1997 года и не отвечающий национальным интересам не только следующей ему России, но и других приарктических государств.

С 2015 года на рассмотрении Комиссии находятся представления (submissions) Дании и России с взаимно пересекающимися притязаниями на участок дна Северного Ледовитого океана, причем расположенный в пределах российского полярного сектора⁴. Российская сторона уже проинформировала Комиссию о своем согласии с рассмотрением датского представления (состоявшийся обмен нотами, явно отвечающий интересам Дании, – также стал объектом критики в науке).

Весьма вероятно, что возможное представление Канады в Комиссию согласно той же статье 76 Конвенции 1982 года – об отграничении шельфа от «общего наследия человечества» – будет содержать притязания на тот же район морского дна, в пределах российского сектора⁵. Таким образом в арктическом регионе складывается невы-

годная для России **спорная ситуация** с разграничением континентального шельфа.

Следует подчеркнуть, что площадь района арктического шельфа, в отношении которого Российская Федерация в 2001 году впервые внесла в Комиссию своё представление⁶, – **значительно меньше площади полярного сектора**, обозначенного постановлением Президиума ЦИК СССР 1926 года и определившего пределы распространения суверенитета Советского Союза на расположенные внутри сектора земли и острова⁷. Дания же претендует на площадь арктического шельфа, значительно большую площади ее собственного сектора; те же выходящие за пределы собственного сектора притязания ожидаются и в представлении Канада. Повторенный в 1926 году (после законодательного акта Канады 1925 года) правовой шаг Советского государства по обозначению западной границы арктического сектора, равно как и активное хозяйственное освоение его района, не вызвали каких-либо отрицательных реакций со стороны других государств. Это объяснялось, прежде всего, географическими факторами – **естественностью** формирования сектора меридианными линиями, сходящимися в точке Северного полюса, **естественностью образования** самой протяженной стороны сектора самым протяженным арктическим побережьем СССР, в силу чего район полярного сектора, при крайне тяжелых условиях его освоения, географически был доступен преимущественно Советскому государству. Ни в одном другом районе Земли, кроме полярных, линии меридианов не могли стать столь **естественными и потому бесспорными** границами суверенных притязаний прибрежных государств. Кроме

⁴ Официальный сайт Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации: <http://www.mnr.gov.ru/news/detail.php?ID=141707> (27.10.2015); Partial Submission of the Government of the Kingdom of Denmark together with the Government of Greenland to the Commission on the Limits of the Continental Shelf (The Northern Continental Shelf of Greenland): http://um.dk/en/~media/UM/Danish-site/Documents/Udenrigspolitik/Nyheder_udenrigspolitik... (18/12/2016).

⁵ Commission on the Limits of the Continental Shelf (CLCS) Outer limits of the continental shelf beyond 200 nautical miles from the baselines: Submissions to the Commission: Partial Submission by Canada. Доступ к ресурсу: http://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/submission_can_70_2013.htm (17/12/2016).

⁶ Официальный Интернет-сайт ООН. Доступ к ресурсу: http://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/rus01/RUS_CLCS_01_2001_LOS_2.jpg.

⁷ Имеется в виду постановление Президиума ЦИК СССР «Об объявлении территории Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане» от 15 апреля 1926 года.

географических оснований, позволивших СССР обозначить свой арктический сектор, были и исторические – заложенные в Санкт-Петербургской Конвенции с Англией относительно разграничения обоюдных пространств владений России и Англии в Северной Америке 1825 года и в Договоре 1867 года об уступке Российских Североамериканских колоний, очертивших полярные владения Российской Империи с помощью меридианных линий. По выражению видного советского юриста-международника С.В. Молодцова, границы установленного СССР полярного сектора всегда представляли собой «общеизвестное и исторически сложившееся правовое положение, вытекающее из факта общепризнанного существования полярных владений СССР и их границ» [Молодцов, 1982, с.215].

Подлежащий разграничению морской район может иметь множество особенностей географического, геологического, геоморфологического, экономического, исторического и иного свойства, так называемых **особых обстоятельств**, учет которых приобретает важное значение для достижения справедливого результата – в международно-правовой практике и науке их учет квалифицируется как самостоятельный принцип разграничения морских пространств. Универсальные международные договоры, такие как Конвенция по морскому праву 1982 года, не содержат норм, позволяющих определить, какие именно из объективно существующих факторов и в какой степени – требуют учета в качестве юридически значимых при разграничении морских пространств. Их учет – предмет договоренности сторон либо судебного (арбитражного) разбирательства, когда добиться такой договоренности сторонам не удается самостоятельно.

В качестве особого обстоятельства арктического района в течение длительного времени признавались установленные в 1825, 1867 и 1926 годах границы полярных владений Российской империи и Советского государства, совпадающие с меридианными линиями. Полярный сектор, таким образом, вполне может быть учтен при разграничении континентального шельфа как

особое обстоятельство, характеризующее арктический район.

По словам С.В.Молодцова, сектор полярных владений СССР как особое, исторически сложившееся обстоятельство был учтен при разграничении районов юрисдикции в области рыболовства по соглашению 1977 года между СССР и США, в соответствии с которым линия, разделяющая советскую и американскую зоны юрисдикции в области рыболовства шириной до 200 миль, совпадает с восточной границей советского арктического сектора, которая в свою очередь сложилась на основе договора между Россией и США об Аляске 1867 года [Молодцов, 1982, с.215].

Допущенное в 2001 году в первом российском представлении (submission) в Нью-Йоркскую Комиссию «изъятие» значительной площади дна Северного Ледовитого океана из унаследованного от СССР полярного сектора, на фоне современной правовой позиции других арктических государств, например, Дании (не только не допустившей подобных изъятий в собственном условном полярном секторе, но и включившейся в российский сектор), выглядела как **пространственная уступка**.

Сегодня ряд отечественных авторов пытаются убедить читателя в правильности выбора, сделанного в 1997 году: в пользу не разграничения арктического шельфа между приарктическими государствами по секторальным границам, а значительных бюджетных затрат на подготовку обращения в Комиссию для последующего отграничения российского арктического шельфа от «общего наследия человечества»; авторы уверяют, что в 1997 году и в последующие годы речь не шла о какой-либо уступке; что, дескать, у России нет достаточных международно-правовых оснований рассматривать полярный сектор в качестве ориентира при заявлении прав на арктический шельф [Титушкин, 2014, с. 240]; что с присоединением к Конвенции 1982 года для Российской Федерации единственным правовым средством определения границ арктического шельфа стала процедура **отграничения** континентального шельфа, предусмотренная статьей 76 Конвенции

1982 года; что никакие географические или исторические факторы не позволяют России претендовать на арктический шельф в пределах ее полярного сектора; что сегодня российские ведомства, действуя через Комиссию, ведут «борьбу за расширение» до максимально возможного площади российского арктического шельфа, принадлежность которого государству гарантирована Конвенцией ООН по морскому праву 1982 года *лишь в пределах 200 морских* от исходных линий. Таков лейтмотив наиболее квалифицированно написанной статьи по этой теме: «... установление внешних границ континентального шельфа за пределами 200 морских миль возможно исключительно через процедуру, предусмотренную статьей 76 Конвенции ООН по морскому праву, которая предполагает, что наличие рекомендаций Комиссии представляет собой обязательное условие, только при соблюдении которого границы становятся юридически действительными» [Пунжин, Колодкин, 2015].

Такой подход, как ниже будет показано, не отвечает национальным интересам приарктических государств и, прежде всего, Российской Федерации; не соответствует такой подход и положениям общего международного права. Первое – очевидно, поскольку представление России в Комиссию 2001 года, основанное на нововведении 1997 года, вело к уступке более 300 000 квадратных километров в пределах арктического сектора страны, установленного на востоке – Российско-Американской конвенцией 1867 года, а на западе – постановлением Президиума ЦИК СССР 1926 года, с учетом разграничительной линии по Российско-Норвежскому договору 2010 года, как следует из доклада профессора Г.М.Мелкова на заседании Научно-экспертного совета Морской коллегии при Правительстве России [Рабочая тетрадь, 2013, с.29].

Второе – несоответствие предложенного в 1997 году пути общему международному праву – требует более детальных академических пояснений.

Принятие Конвенции 1982 года, на самом деле, ознаменовало собой возникновение новых институтов в международном

морском праве. По словам профессора Ю.Г. Барсегова, «если раньше (до принятия Конвенции 1982 года) морское дно за внешней границей шельфа входило в сферу действия режима открытого моря, то теперь уже возникла необходимость разграничения шельфа прибрежного государства с международным районом морского дна, который был объявлен «общим наследием человечества». Раньше вопрос о природе права на шельф возникал в основном в связи со спорами о делимитации шельфов между государствами со смежными и противоположащими побережьями... . Но тогда вопрос не выходил за рамки отношений между государствами, непосредственно затронутыми такими спорами. Теперь же, в связи с возникающей необходимостью внесения ясности в вопрос о внешнем пределе шельфа, он обрел всеобщий характер, его решение затрагивало уже все государства» [Барсегов, 1983, с. 169-170].

По смыслу статьи 76 Конвенции 1982 года, субъектный состав правоотношений по «отграничению» шельфа предполагает с одной стороны – государство – участника Конвенции 1982 года, с другой – мировое сообщество, от лица которого действует Комиссия; содержание правоотношений по «отграничению» составляют естественнонаучные геологические и геоморфологические критерии прохождения внешних границ шельфа – т.е. границ между континентальным шельфом государства и международным районом морского дна (формулы и ограничители, оперирующие такими категориями как толщина осадочных пород, изобаты, хребты, возвышенности, плато, поднятия, банки, отроги и пр.). Комиссия руководствуется исключительно геологическими и геоморфологическими критериями в установлении внешних границ континентального шельфа; Комиссия – сугубо технический орган, возможности которого задействуются, когда государство (участник Конвенции 1982 года) намерено установить внешние пределы своего континентального шельфа (всякий континентальный шельф не может простирается безгранично), то есть осуществить его «отграничение» (delineation) (или, как

говорится в цитируемой нами статье наших оппонентов, «делинеацию» от Района – «общего наследия человечества»; эту предложенную авторами транслитерацию мы далее не рекламируем, считая ее ненужной, да и юридически некорректной, поскольку русский текст, являющийся официальным текстом Конвенции 1982 года, такого термина не предусматривает).

Рекомендации Комиссии – результат коллегиальной работы её членов – экспертов-геологов, геофизиков и геоморфологов – служат основанием для проведения прибрежным государством линии отграничения собственного континентального шельфа от международного района морского дна. «Сделанные ею (Комиссией) выводы остаются в основном в рамках естественнонаучных категорий и применимы только для данного случая» – как справедливо отмечают авторы статьи [Пунжин, Колодкин 2015].

Нетрудно заметить, что Комиссия, в силу своих функций и состава, определяемых Конвенцией 1982 года, не рассматривает международно-правовых вопросов. Не смотря на сугубо технические функции Комиссии, в упомянутой публикации наши оппоненты пытаются приписать ей правовые надгосударственные функции (например, функции толкования и применения правовых норм о делимитации, установления фактов, влекущих для государств правовые последствия), сопоставимые с полномочиями международного судебного органа, с полномочиями государств – участников Конвенции 1982 года. В частности, утверждается, что при реализации своих функций Комиссия может основываться на положениях изданных ею же самой документов: «для обеспечения своей работы Комиссия приняла несколько важных документов, регламентирующих действия не только ее самой, но и государств – участников Конвенции 1982 года. Эти документы среди прочего толкуют и развивают положения статьи 76 и приложения II к Конвенции» [Пунжин, Колодкин, 2015]. Речь идет о та-

ких актах, регламентирующих деятельность Комиссии, как научно-техническое Руководство и Правила процедуры⁸. Изучение упомянутых документов вызывает вопросы к издавшему их органу, претендующему, по всей видимости, на осуществление международно-правовых функций, Конвенцией 1982 г. не предусмотренных. Их издание в подобной редакции вряд ли может означать, что воля государств – участников Конвенции 1982 года могла измениться. Подчеркнем: Конвенция 1982 г. не предоставляет право Комиссии «толковать и развивать положения статьи 76 и приложения II к Конвенции». Несомненно, попытка искусственно расширить функции Комиссии за счет суверенных прав государств, придать им «наднациональный» характер не отвечает национальным интересам не только Российской Федерации, но и всякого иного государства.

Ссылки в публикации наших оппонентов на «юридические» документы Комиссии (напомним, состоящих исключительно из специалистов «в области геологии, геофизики или гидрографии» – согласно ст. 2 Приложения II к Конвенции 1982 г.), не являющиеся международно-правовыми актами, объясняются, очевидно, отсутствием иного надлежащего обоснования. В самом деле – статья 76 Конвенции не наделяет Комиссию приписываемыми ей авторами «правовыми» функциями: устанавливать факт «физического» существования континентального шельфа, проверять его принадлежность государству, подтверждать право государства на установление границ шельфа, рекомендовать методы проведения этих границ. Как раз наоборот – нормы Конвенции 1982 года никак не увязывают разграничение (или делимитацию) континентального шельфа с необходимостью обращения в Комиссию; конвенционные нормы об отграничении шельфа от Района, согласно пункту 10 статьи 76, «не затрагивают вопроса о делимитации континентального шельфа» между соседними государствами. Тем самым в Конвенции 1982 года доста-

⁸ Правила процедуры Комиссии по границам континентального шельфа // Доступ к ресурсу: <http://www.un.org/doc/UNDOC/GEN/N08/309/25/PDF/N0830925.pdf?OpenElement>.

точно четко и недвусмысленно разделен порядок «отграничения» континентального шельфа (по статье 76) и порядок его «разграничения» с соседним государством (по статье 83).

В отсутствие какого-либо надлежащего международно-правового обоснования наши оппоненты наделяют Комиссию перечисленными правовыми функциями, опираясь при этом на не предусмотренные Конвенцией 1982 года термины – «**юридический**» или «обычный» континентальный шельф (в пределах 200 миль) и «**внешний**» или «расширенный» шельф (находящийся за 200-мильным пределом). Концепция «внешнего» или «расширенного» континентального шельфа, по логике её изобретателей, предполагает предоставление Конвенцией 1982 года прибрежному государству возможности изменить пространственные параметры своего шельфа за счет переноса его внешних границ за 200-мильный предел в сторону международного района морского дна, «расширяя» тем самым площадь шельфа и, соответственно, сокращая площадь Района.

Изобретение не предусмотренного международно-правовыми нормами термина «внешний» континентальный шельф неизбежно влечет за собой необходимость корректировки самих теоретических основ понятия «континентальный шельф прибрежного государства» – природу прав на него, существующих, как следует из известного решения Международного Суда ООН 1969 года, *ipso facto* и *ab initio* – то есть «в силу факта и изначально» (общеизвестно, что в основе прав прибрежного государства на континентальный шельф лежат суверенитет над сухопутной территорией, к которой он прилегает, а также независимость этих прав «от эффективной или фиктивной оккупации шельфа или от прямого об этом заявления»)⁹.

Предложение внедрить новые понятия – «внешний» и «обычный» континентальный шельф не отвечает национальным интере-

сам ни России, ни какого-либо из других приарктических государств. В юридикотехническом плане это предложение вынуждает как-то увязывать появляющуюся таким образом правовую неоднородность континентального шельфа с его геологической непрерывностью. Но единство правовой природы всего континентального шельфа, как известно, было подчеркнуто еще в упомянутом решении Международного Суда ООН 1969 года (имеется в виду сформулированное им правило о том, что континентальный шельф составляет естественное продолжение сухопутной территории прибрежного государства в море и под ним).

Ущербность подобного предлагаемого толкования конвенционных норм (о том что есть, якобы, шельф «обычный», а есть – «внешний» или «расширенный», существование которого еще надо доказать), неизбежно возникающие при этом противоречия в понятийном аппарате, в статье наших оппонентов получают свое логическое продолжение в заведомом смешении понятий – «отграничение» шельфа от Района (статья 76 Конвенции), с одной стороны, и «разграничение» или делимитация (статья 83 Конвенции) – с другой, хотя этот вопрос уже исследован и проработан с привлечением публикаций, в том числе и зарубежных правоведов [Вылегжанин, Молодцова, Дудыкина, 2015. с. 5 и сл.; Жудро, 2015].

Несмотря на четкое конвенционное разделение этих юридически разных международно-правовых понятий, наши оппоненты изобретают некую концепцию о том, что Комиссия, прежде всего, устанавливает принадлежность морского дна за 200-мильным пределом к «внешнему» континентальному шельфу, как таковому, основываясь при этом якобы на положениях статьи 76 Конвенции 1982 года (что, очевидно, не соответствует действительности); а уж затем – разграничивает этот установленный «внешний» континентальный шельф между

⁹ I.C.J. Reports 1969, International Court of Justice Reports of judgments, Advisory Opinions and Orders, North Sea Continental Shelf Cases (Federal Republic of Germany – Denmark; Federal Republic of Germany – Netherlands). Judgment of 20 February 1969. p. 22. [цит. по: Вылегжанин, 2004. с.96].

соседними государствами, что также не соответствует Конвенции 1982 года.

В такой нарисованной путанной картине авторами излагается некая ситуация спора между соседними государствами (в районе взаимно перекрывающихся притязаний за 200-мильным пределом), когда «внешняя» граница шельфа прибрежного государства (то есть отграничивающая шельф от Района) может совпасть с линией разграничения его «внешнего» шельфа с «внешним» шельфом соседнего государства. Тут путаница усиливается, потому что, по Конвенции 1982 года, морское дно не может быть (юридически) одновременно и континентальным шельфом прибрежного государства и Районом.

Строго следуя смыслу нормы статьи 76 Конвенции 1982 года, итогом рассмотрения Комиссией представления, поданного заинтересованным прибрежным государством, могут быть только рекомендации относительно соблюдения геологических и геоморфологических критериев прохождения внешней границы континентального шельфа, по линии которой, как уже выше отмечалось, осуществляется его отграничение от Района – «общего наследия человечества». Внешней всегда называется граница между шельфом прибрежного государства и Районом – линия «отграничения», которая ни при каких условиях не может совпасть с линией «разграничения» шельфа между соседними государствами. В случае «разграничения» континентального шельфа между государствами с противлежащими или прилегающими побережьями, как по договоренности сторон, так и с помощью суда или арбитража, речь не идет об «отграничении» – установлении «внешней» границы шельфа и, следовательно, о процедурах Комиссии.

Похоже, что намеренно допускаемая путаница в использовании термина «внешний» имеет своей целью создать у читателя ложное представление о том, что такие понятия как «внешняя граница шельфа», «внешний континентальный шельф», а, следовательно, и функции Комиссии по его «отграничению», предусмотренные статьей 76 Конвенции 1982 года, составляют

содержание совершенно другого по своему правовому смыслу процесса, а именно, реализации прибрежным государством своего предусмотренного ст. 83 Конвенцией 1982 года права на «разграничение» континентального шельфа с другим государством за пределами 200 миль.

Допускаемая путаница, похоже, необходима авторам: она позволяет им тут же сформулировать надуманный вопрос о соотношении полномочий Комиссии по «отграничению» шельфа с правом государства на «разграничение» своего т.н. «внешнего», т.е. расположенного за 200-мильным пределом, шельфа с соседним государством: вправе ли государство, по взаимной договоренности либо через суд, разграничивать с соседним государством свой «внешний» континентальный шельф без учета рекомендаций Комиссии?

В ходе дальнейших рассуждений авторы отводят Комиссии полноценную роль в разграничении (делимитации) континентального шельфа: Комиссия, по их мнению, проверяет «принадлежность» «внешнего» шельфа прибрежному государству, анализирует методы установления его «внешних» границ, выдает рекомендации по их прохождению и т.п. Их не смущает ни то, что такое наделение Комиссии правовыми функциями не имеет основы в международном праве; ни то, что оно объективно нацелено против национальных интересов России и других приарктических государств. Ведь совершенно очевидно, что если соседние прибрежные государства реализуют свое право по статье 83 (о разграничении шельфа между собой), полномочия Комиссии вообще задействованы не будут. Если же прибрежное государство намерено отграничить свой шельф от Района – миновать представление в Комиссию данных о его внешней границе за 200-мильным пределом – невозможно, если это государство является участником Конвенции 1982 года. По мнению авторов рассматриваемой публикации, деятельность Комиссии – неотъемлемая часть всего процесса «разграничения» шельфа, и Комиссия способна внести коррективы в окончательное решение по «разграничению» (дели-

митации), что на самом деле противоречит статье 83 Конвенции 1982 года.

По сути, наши оппоненты предлагают ограничить государства в их суверенном праве разграничивать континентальный шельф по соглашению между собой, – в праве, предусмотренном как общим международным правом, так и статьей 83 Конвенции 1982 года. Так, по логике авторов, в случае, когда с линией разграничения, установленной по договоренности сторон, Комиссия не соглашается, неизбежна её роль как единственного международного органа, способного осуществить окончательную делимитацию континентального шельфа. То есть наши оппоненты приписывают Комиссии определенные полномочия в сфере разрешения споров о делимитации континентального шельфа (!).

Более того – рекомендации Комиссии в вопросе разграничения морских пространств не просто приравниваются по своей силе к **решениям** международных судов и арбитражей, но ставится над ними: «...разграничение международным судом или арбитражем континентального шельфа за пределами 200 морских миль возможно только (sic!) в случае, когда это разграничение не будет наносить ущерба функциям Комиссии и игнорировать её роль в определении его внешних пределов» (!); в этой связи – органам по разрешению споров рекомендуется в своих решениях по спорам о делимитации указывать, что такое разграничение носит предварительный характер, поскольку еще предстоит рассмотрение Комиссией представлений сторон в споре.

Подобная логика приводит авторов к выводу, безусловно порочному, с точки зрения национальных интересов России: прежде чем государствам приступить к разграничению континентального шельфа, им необходимо обратиться в Комиссию, а уж та выносит рекомендации относительно юридического факта существования «внешнего» континентального шельфа в районе разграничения. То есть в разрез с международно-правовыми нормами суверенные права государства на континентальный шельф ставятся в зависимость от рекомендаций сугубо технического органа – Комиссии! Ради

чего? Чтобы обосновать необходимость бюджетного финансирования самого факта обращения в Нью-Йоркскую Комиссию и последующей весьма продолжительной и затратной «работы» с ней? Ведь какой-либо разумной причины такого шага, основываясь на международном праве, не найти. Как звучит выше упомянутое известное положение о правовой природе института «континентальный шельф» – права прибрежного государства на шельф существуют в силу факта и изначально, независимо от того, участвует ли это государство в Конвенции 1982 года или в иной конвенции. Тем более независимо от мнения Комиссии – технического органа, учрежденного Конвенцией 1982 года. Но наши оппоненты продолжают искусственно преувеличивать роль Комиссии: «в соответствии со своей компетенцией Комиссия осуществляет проверку принадлежности, то есть проверяет, имеет ли прибрежное государство право на установление границ континентального шельфа за пределами 200 миль; соответственно, государство должно «доказать» (!!!) (Комиссии), что этот континентальный шельф принадлежит данному государству». На самом деле Конвенция 1982 года никакого бремени «доказывания» на государство не возлагает, никакими функциями по «проверке доказательств», представляемых государством Комиссию не наделяет. Тем не менее, авторы делают свой вывод о том, что Комиссия *может отказать государству* в праве на внешний континентальный шельф и на установление его границ (!). Таким образом, получение рекомендаций Комиссии представлено как условие признания границ шельфа *юридически обязательными*, что абсолютно не соответствует нормам Конвенции 1982 года и абсолютно необоснованно ставит национальные интересы государства в зависимость от выводов технического органа, не наделенного никакими правовыми функциями.

В противовес подобному расширительному толкованию функций Комиссии следует еще раз подчеркнуть, что Конвенция 1982 года в отношении определения границ континентального шельфа четко разделяет понятия «отграничение» (по статье 76,

когда задействуются функции Комиссии) и «разграничение» или «делимитация» (по статье 83, когда участие Комиссии не предусматривается).

Российско-норвежский договор о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и в Северном Ледовитом океане 2010 года доказывает приверженность осуществивших его сторон нормам Конвенции 1982 года, но именно в том их понимании, при котором разграничение (делимитация) морских районов, в том числе континентального шельфа, осуществляется по соглашению исключительно суверенных государств – России и Норвегии; а их действия по отграничению высокоширотного шельфа от Района в рамках процедур Комиссии представляет собой совершенно иной, отличный от первого, самостоятельный процесс¹⁰.

Понятия «отграничение» и «разграничение», по сути, принадлежат к разным сферам правоотношений с разным субъектным составом. Под «отграничением» понимается **обязательство** государства, признавшего в отношении себя в конкретном случае действие статьи 76 Конвенции 1982 года, по отграничению своего континентального шельфа от Района – «общего наследия человечества», строго по критериям, изложенным в Конвенции 1982 года, а также соответствующие меры по выполнению данного обязательства.

Термином же «разграничение» или «делимитация» в статье 83 Конвенции 1982 года определяется порядок реализации заинтересованным прибрежным государством своих **прав** на континентальный шельф путем его «разграничения» таким образом, чтобы не препятствовать соседнему прибрежному государству реализовать свои аналогичные ПРАВА на континентальный шельф.

Исходя из подобного понимания самостоятельных и отличных друг от друга категорий «отграничение» и «разграничение», вполне оправданной представляется содержащаяся в пункте 10 статьи 76 Конвенции

1982 года норма о том, что процедуры Комиссии не затрагивают вопроса о делимитации (разграничении) континентального шельфа. Иными словами – осуществление прибрежным государством **обязанности** отграничить шельф в интересах «общего наследия человечества» по статье 76 и соответствующее этой обязанности **право** мирового сообщества требовать от государства её исполнения – не должны ущемлять неотъемлемых ПРАВ государства на разграничение континентального шельфа по статье 83 той же Конвенции 1982 года.

Понимание разницы между «отграничением» и «разграничением» – особенно важно в контексте проблемы делимитации арктического шельфа. Природная уникальность (скованность льдами) Северного Ледовитого океана, не позволяющая приравнивать его к остальным океанам – Тихому, Атлантическому или Индийскому, географическая особенность (полузамкнутость побережьями пяти арктических государств), как ни в одном другом океане, взаимно увязывает *права и обязанности* субъектов международных правоотношений по «отграничению» арктического шельфа. Одно из пяти прибрежных государств, а именно – США, не является таким субъектом, поскольку не признало своего *обязательства* по «отграничению» шельфа от Района, не допускает распространения в отношении себя компетенции Комиссии.

Неприсоединение США к *обязательствам* по «отграничению» своего арктического шельфа в пользу международного района морского дна, т.е. по установлению режима «общего наследия человечества» в центре Северного Ледовитого океана, позволяет говорить об отсутствии на сегодня таких же *обязательств* у остальных прибрежных государств, а значит и у Российской Федерации. Соответственно с той же степенью уверенности можно заключить и об отсутствии у Российской Федерации юридической *обязанности* обращения в

¹⁰ Договор между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане. Бюллетень международных договоров. – 2011. – № 12 – С. 79–85.

Комиссию в отношении шельфа Северного Ледовитого океана.

Субъектами же правоотношений по «разграничению» континентального шельфа в Северном Ледовитом океане являются все пять прибрежных государств, включая США, и ничто их не ограничивает в реализации своего права на разграничение арктического шельфа, основываясь на соответствующих международно-правовых нормах, содержащихся не только в статье 83 Конвенции 1982 года, но и в Конвенции о континентальном шельфе 1958 года, участником которой являются США.

Свои рассуждения о роли Комиссии автор, по всей видимости, неслучайно проецируют на проблему разграничения дна Северного Ледовитого океана – они уверенно заявляют: *«опыт функционирования Комиссии за период после подачи Россией своего первого представления в декабре 2001 года подтверждает, что установление внешних границ континентального шельфа за пределами 200 морских миль возможно исключительно через процедуру, установленную в статье 76 Конвенции по морскому праву. Односторонние или даже согласованные действия государств, которые этой процедуре не соответствуют, являются юридически недействительными»*.

Думается, что и для аспиранта, изучающего право договоров, очевидно, что если США не участвуют в Конвенции 1982 года, то конвенционные требования не создают для них *обязанностей* без их на то согласия (статья 34 Венской Конвенции о праве международных договоров); США официально (в документе Сената) констатировали, что нормы о Районе – «общем наследии человечества» не являются частью общего международного права; и США, соответственно, не будут отграничивать свой континентальный шельф от Района по статье 76, поскольку не считают, что к северу от Аляски должен быть Район со статусом «общего наследия человечества». Означает ли это, что у США нет прав на арктический

шельф за 200-мильным пределом? Вполне закономерен и такой вопрос – усомнится ли кто-нибудь в продолжении за 200-мильным пределом арктического шельфа США, не собирающихся выполнять процедуры по статье 76 Конвенции 1982 года? Осмелится ли кто-либо начать бурение на шельфе США за пределами 200 миль от побережья Аляски без их на то согласия?

В свете этого вывода попытка инициировать в отношении России процедуру «отграничения» арктического шельфа в Комиссии, может трактоваться как ничем не обоснованный риск пространственной уступки, которой может воспользоваться в своих интересах любое из соседних прибрежных государств. Как уступку уже можно рассматривать сам факт состоявшегося в 2001 году российского представления, в котором изъятие в границах полярного сектора в пользу Района «общего наследия человечества» составило весьма значительный участок морского дна, в то время как другие арктические государства подобных изъятий в своих полярных секторах не делали. Дания в своем представлении 2015 года не только не допустила каких-либо уступок в пользу международного района морского дна в собственном условном полярном секторе, но и распространила притязания на вполне реальный российский сектор, непосредственно затронув и ту его часть, которая в российском представлении 2001 года была безосновательно уступлена в пользу «общего наследия человечества».

Но если ни одно из приарктических государств не собирается за счет собственного шельфа, в собственном полярном секторе, образованном секторальными линиями конвенций 1825 и 1867 годов, создавать в Арктике Район «общего наследия человечества», то почему наши оппоненты пытаются убедить всех в наличии у России обязательства уступать часть собственного сектора в пользу такого Района? Причем – «исключительно» через Комиссию, через процедуру отграничения собственного шельфа.

¹¹ Представление Российской Федерации в Комиссию по границам континентального шельфа 2001 г. Официальный Интернет-сайт ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/rus01/RUS_CLCS_01_2001_LOS_2.jpg.

Думается, что рассуждения наших оппонентов о ключевой роли Комиссии в процессе спорного разграничения шельфа – не случайны.

При таком предложенном ими теоретическом построении Комиссия, возлагая сама на себя правовые функции, подменяя собой и Международный Суд, и государства, будет делать выводы, основываясь исключительно на собственных оценках представленных ей весьма спорных гипотез геологического происхождения элементов океанического дна, в рамках которых площадь континентального шельфа России, любого иного приарктического государства, кроме США, не участвующих в Конвенции 1982 года, *изначально автоматически сокращена до так называемого «юридического» шельфа, то есть до его 200-мильного предела (!)*. Несомненно, что такое теоретическое построение **не отвечает национальным интересам России, других приарктических государств** – участников Конвенции 1982 года. Как несомненно и то, что интернационализация хотя бы части дна Северного Ледовитого океана, создание в Арктике Района «общего наследия человечества» не отвечает национальным интересам, в том числе и природоохранным, приарктических государств. Но объективно – отвечает национальным интересам США.

При таких условиях всякого рода попытки убедить в наличии у сугубо технического органа – Комиссии полномочий по разрешению спорной ситуации, связанной с разграничением арктического шельфа, разрешение которой в интересах России требует учета множества факторов, характеризующих полярный район и имеющих правовое значение (например, такого фактора как исторически сложившееся разгра-

ничение полярных владений по секторам), допускают *безусловное лишение России возможности рассчитывать на учет этих её естественных конкурентных преимуществ*, ставит вопрос разграничения арктического шельфа в жесткую зависимость от весьма спорных геологических и геоморфологических критериев. В данном случае необоснованное придание техническому органу – Комиссии – правовых надгосударственных функций может рассматриваться как *создание невыгодных для самого крупного арктического государства – России – условий* в решении весьма значимого для него международно-правового вопроса. Такой путь чреват риском пространственных уступок.

И напротив – четкое разделение понятий «отграничение» и «разграничение», предопределяемое различиями в субъектном составе и в содержании соответствующих правоотношений, позволяет адекватно, в строгом соответствии с конвенционными нормами, оценить функции Комиссии как сугубо технического органа, и конвенционные полномочия которого не предполагают передачу на его рассмотрение каких-либо международно-правовых вопросов, связанных с «разграничением» континентального шельфа; позволяет понять, что «разграничение» континентального шельфа, в отличие от «отграничения», – является **правом** государств, которое они могут реализовать *без обращения в Комиссию*, и что положения статьи 76 Конвенции 1982 года – не являются каким-либо препятствием для реализации данного права, в том числе для России – государства, имеющего самое протяженное побережье в Северном Ледовитом океане.

Литература

1. Барсегов Ю.Г. Мировой океан: право, политика, дипломатия. М. – Международные отношения. – 1983. – с. 169–170.
2. Вылегжанин А.Н. Решения Международного Суда ООН по спорам о разграничении морских пространств. М. – Юридическая литература. – 2004. – с.96.
3. Вылегжанин А.Н. Правовое положение арктического региона в документах./Арктический регион: проблемы международного сотрудничества. Хрестоматия в трех томах. Том 3. Применимые правовые источники. Глав.редактор И.С.Иванов. М. – 2013. – с. 11-38.

4. Вылегжанин А.Н., Молодцова Е.С., Дудыкина И.П. Зарубежные исследования права, применимого к отграничению (delineation) и разграничению (delimitation) арктического шельфа. / Московский журнал международного права. – 2015 – №3 – с. 5 – 23.
5. Гуреев С.А., Буник И.В. Материалы круглого стола «Морская деятельность Российской Федерации: состояние и проблемы законодательного обеспечения»/Временная комиссия по национальной морской политике. Федеральное Собрание Совета Федерации РФ // Информационный бюллетень. – М. – 2005 – № 1.
6. Жудро И.С. Обычно-правовые нормы как компонент уникального исторически сложившегося статуса Арктики // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки» – 2014 – № 6.
7. Жудро И.С. О модернизации международно-правовой концепции обоснования внешних границ континентального шельфа Российской Федерации в Арктике // Международное публичное и частное право. ИГ «Юрист». – 2015 – № 6 (87).
8. Молодцов С.В. Правовой режим морских вод, М. – «Международные отношения». – 1982 – с.215.
9. Николаев А.Н., Пещуров И.С. Правовые возможности предотвращения потери Россией высокоширотного участка арктического шельфа // Современные производительные силы (СОПС РАН) Фундаментальные исследования пространственного развития. – 2014. – № 1.
10. Пунжин С.М. Континентальный шельф за пределами 200 миль: определение внешних границ и делимитация. – «КонсультантПлюс» – 2015.
11. Рабочая тетрадь. Предложения к дорожной карте развития международно-правовых основ сотрудничества России в Арктике. Рук. авт.коллектива д.ю.н. А.Н.Вылегжанин. Глав.редактор д.и.н., член-корр. РАН И.С.Иванов. Российский совет по международным делам. М. – 2013. – с.29 и сл.
12. Титушкин В.Ю. К вопросу о внешних границах континентального шельфа Российской Федерации в Арктике. Международное морское право. Статьи памяти А.Л. Колодкина. М. – «Статут». – 2014. – с. 240.

Interpretation of International Legal Norms regarding the Commission on the Limits of the Continental Shelf in the Context of National Interests of Russia and other Arctic States

*Ivan S. Zhudro**

Abstract: In some Russian publications, the Commission on the limits of the continental shelf established in accordance with the UN Convention on the law of the sea 1982 (UNCLOS), was authorized to resolve legal issues of delimitation of the continental shelf, for example, in a dispute in the Arctic ocean.

In this article we prove the inferiority of such a conclusion. The Commission on the limits of the continental shelf, consisting of geologists and other experts in the field of natural Sciences, is not entitled to reach conclusions on legal questions relating to the delimitation of the continental shelf. Powers of the Commission our recommendation on compliance with the geological and geomorphological conditions according to the “delimitation” of the continental shelf of the state from the international seabed area. The separation of the concept of “delineation” and “delimitation” contributes to the correct interpretation of norms of the UNCLOS: in accordance with article 76 of the UNCLOS the functions of the Commission on “delineation” are not a prerequisite for the implementation by States of their rights to “delimitation” in accordance with article 83 of the UNCLOS. From the point of view of the dispute on the delimitation of the Arctic shelf, the attempts of some scholars to prove the existence of the legal mandate of the Commission allows for the possibility

* Ivan S. Zhudro – Ph.D. in Law, Honored lawyer of the Russian Federation, Member of the Scientific Expert Council of the Maritime Collegium of the Government of the Russian Federation.

of ignoring beneficial for Russia a special legal circumstances, historically in the polar region. The implementation of these theoretical constructs contain the risk of territorial loss from the Arctic States parties to the UNCLOS. Coastal Arctic States there are no duties on the “delineation” of the continental shelf and international seabed area; they have no legal need to appeal to the Commission. The coastal state may exercise its right to “delimitation” the whole Arctic shelf in agreement with each other – without recourse to the Commission.

Key words: Arctic Ocean; United Nations Convention on the law of the sea 1982; the Commission on the limits of continental shelf; delimitation; delineation.

References

1. Barsegov Ju.G. Mirovoj okean: pravo, politika, diplomatija [The oceans: law, politics, diplomacy] M. – Mezhdunarodnye otnoshenija. – 1983. – s. 169-170.
2. Vylegzhanin A.N. Reshenija Mezhdunarodnogo Suda OON po sporam o razgranichenii morskikh prostranstv [The decision of the ICJ in disputes on Maritime delimitation] M. – Juridicheskaja literatura. – 2004. – s.96.
3. Vylegzhanin A.N. Pravovoe polozhenie arkticheskogo regiona v dokumentah./Arkticheskij region: problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva [The legal status of the Arctic region in the documents./The Arctic region: problems of international cooperation] Hrestomatija v treh tomah. Tom 3. Primenimye pravovye istochniki. Glav. redaktor I.S.Ivanov. M. – 2013. – s. 11-38;
4. Vylegzhanin A.N., Molodcova E.S., Dudykina I.P. Zarubezhnye issledovanija prava, primenimogo k otgranicheniju (delineation) i razgranicheniju (delimitation) arkticheskogo shel'fa [Foreign studies law applicable to the delimitation (delineation) and the separation (delimitation) of the Arctic shelf] / Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. – 2015 – №3 – s. 5-23.
5. Gureev S.A., Bunik I.V. Materialy kruglogo stola «Morskaja dejatel'nost' Rossijskoj Federacii: sostojanie i problemy zakonodatel'nogo obespechenija» [Materials of the round table “Maritime activities of the Russian Federation: condition and problems of legislative maintenance”] /Vremennaja komissija po nacional'noj morskoj politike. Federal'noe Sobranie Soveta Federacii RF // Informacionnyj bjulleten'. – M. – 2005 – № 1.
6. Zhudro.I.S. Obychno-pravovye normy kak komponent unikal'nogo istoricheskogo slozhivshegosja statusa Arktiki [Rules of customary law as a component of the unique historical status of the Arctic] // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Serija «Gumanitarnye i social'nye nauki» – 2014 – № 6.
7. Zhudro I.S. O modernizacii mezhdunarodno-pravovoj koncepcii obosnovanija vneshnih granic kontinental'nogo shel'fa Rossijskoj Federacii v Arktike [On the modernization of the international legal concept of substantiation of the outer limits of the continental shelf of the Russian Federation in the Arctic] // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. IG «Jurist». – 2015 – № 6 (87).
8. Molodcov S.V. Pravovoj rezhim morskikh vod [The legal regime of the sea waters] M. – «Mezhdunarodnye otnoshenija». – 1982 – s.215.
9. Nikolaev A.N., Peshhurov I.S. Pravovye vozmozhnosti predotvrashhenija poteri Rossiej vysokosirotnogo uchastka arkticheskogo shel'fa [Legal possibilities to prevent the loss of Russia's high-latitude area of the Arctic shelf] // Sovremennye proizvoditel'nye sily (SOPS RAN) Fundamental'nye issledovanija prostranstvennogo razvitija. – 2014. – № 1.
10. Punzhin S.M. Kontinental'nyj shel'f za predelami 200 mil': opredelenie vneshnih granic i delimitacija [Continental shelf beyond 200 miles: the establishment of the outer limits and delimitation] – «Konsul'tantPljus» – 2015.
11. Rabochaja tetrad'. Predlozhenija k dorozhnoj karte razvitija mezhdunarodno-pravovyh osnov sotrudnichestva Rossii v Arktike [Workbook. Proposals for the road map for the development of international legal bases of cooperation of Russia in the Arctic] Ruk. avt.kollektiva d.ju.n. A.N.Vylegzhanin. Glav.redaktor d.i.n., chlen-korr. RAN I.S.Ivanov. Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam. M. – 2013. – s.29 i sl.
12. Titushkin V.Ju. K voprosu o vneshnih granicah kontinental'nogo shel'fa Rossijskoj Federacii v Arktike [To the question of the outer limits of the continental shelf of the Russian Federation in the Arctic] Mezhdunarodnoe morskoe pravo. Stat'i pamjati A.L.Kolodkina. M. – «Statut». – 2014. – s. 240.

МЕЖДУНАРОДНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО

КОНЦЕПЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВ

В.Ф. Антипенко*

Аннотация: На базе оценки международного права развития, причин его слабой действенности в статье представлены международно-правовые аргументы в пользу развиваемой в рамках научной школы «Международная криминология» концепции уголовной ответственности государства.

Ключевые слова: международное право развития; уголовная ответственность государства; обязательность норм; глобальная криминогенность.

Возрастающая в мире конфликтность, сопровождающаяся неправомерным поведением субъектов международных правоотношений, актуализирует вопрос международной уголовной ответственности ключевого участника этих отношений – государства.

Обоснование концепции уголовной ответственности государства в рамках научной школы, осуществляемое с использованием возможностей разных отраслей международного права, аккумулирует все большее число доводов в пользу этой концепции. Достаточно убедительными представляются аргументы такого рода, сформулированные на базе международного права развития, которое хотя и не получило признания

в качестве отдельной отрасли, но заслуживает рассмотрения в качестве перспективного юридического комплекса. Возможности и перспективы международного права развития помогают осознать недавно увидевшая свет монография представительницы одесской школы международного права Наталии Якубовской «Помощь развитию. Международное право развития: идеи, нормы, реализация», которую с полным основанием можно оценить как успех молодого ученого. Работа дает представление об изъясных и скрытых механизмах «торможения» в международном праве, препятствующих его продвижению к вершинам своего регулятивного предназначения, то есть в направлении максимального сближения фактиче-

* Антипенко Владимир Федорович – доктор юрид. наук, профессор, Республика Украина.

ского и юридического равенства субъектов международного права. Это уместно коррелирует с нашим пониманием концепции уголовной ответственности государства поскольку, как нам представляется, гармония этих важных составляющих системы международного права может наполнить последнее качествами полноценной юридической преграды на пути угрожающе растущей лавины глобальной конфликтности и сопряженной с этим международной преступности.

Наше видение концепции международной уголовной ответственности государства в значительной мере проявилось через совокупность доводов, направленных на опровержение позиции ее противников. В качестве основных аргументов оппонентами приводится то, что государство не обладает психофизиологическими свойствами, воплощающими в механизме криминального поведения в целом субъективную сторону состава, что должно находить выражение в таких категориях как психическое отношение к содеянному, виновный умысел, мотивы, цель и т.д.

Находя эти аргументы не лишены оснований лишь в первом приближении, следует все же указать на присутствие «живого» психического начала в преступном механизме поведения государства, например, фашистской Германии. Это начало состоит в симбиозе частной (корпоративистской) воли влиятельных (обладающих реальной властью) лиц и предрасположенного к реализации такой воли, выпестованного конкретно-историческим развитием государственного аппарата. Производить международную криминальность государства указанные составляющие симбиоза – каждая самостоятельно – не могут.

Точнее говоря, это будет либо международная криминальность физических лиц, либо международное правонарушение государства, либо сочетание того и другого, что вполне охватывается существующим в международном праве институтом ответственности, оставляющим таким образом за пределами воздействия главную международную криминальность, властные частноволевые истоки которой растворены в

деятельность государственного механизма, призванного представлять интересы общества и действующего от имени последнего. Следует обратить внимание, что автором не разделяется идея паритетности общей воли (народа), лежащая в основе концепции уголовной ответственности государства, предложенной ее основоположником Веспасианом Пеллой еще в первой половине XX столетия.

Новые доводы и аргументы, обусловленные анализом международного права развития, подтверждают актуальность проблемы уголовной ответственности государства в международном праве: укрепляется мнение, что попытки устранить неравенство и социально-экономическую поляризованность в международных отношениях как главного источника глобальной конфликтности и международной криминальности без задействования указанного института, представляются сомнительными. С другой стороны, не является секретом бессилие международного права развития, которое по существу представляет собой своеобразную, окрашенную юридизмом игру в справедливость и гуманность, где остается незыблемым главный запрет – запрет на реальную юридическую обязательность декларируемых намерений и «порывов» развитого мира к справедливости, равенству и господству права. Демонстрируемая видимость международно-правовой озабоченности во многом обусловлена безудержным накоплением капитала, погоней за повышением нормы прибыли, то есть факторами, отражающими интересы и логику поведения частных лиц и соответствующих корпоративных групп. Эта энергия частной воли, трансформируясь в видимость объективных нормотворческих инициатив государств, оставляет международное право рассматриваемой сферы по существу там, где оно было во времена колониального освоения территорий – за пределами границ христианско-европейской цивилизации. Это, безусловно, актуализирует институт уголовной ответственности государства, реалия криминальности которого и квалификационная конструкция субъективной стороны его преступных действий предпо-

лагается в юридическом обнаружении «одушевленности» механизмов неправомерного поведения государства.

Способно ли международное право развития имеющимися (не жесткими) юридическими средствами внести изменения в международные экономические отношения? На этот счет есть серьезные сомнения, которые предстоит аргументировать. Что же касается места и роли международного права развития в системе международного права, то, на наш взгляд, для гармонизации соотношения следует основополагающие нормы первого трансформировать в «привычные» нормы второго, не превращая это в какие-то преференции, а тем более – в правовые снисхождения. Материальной основой такой трансформации представляется логическое построение мирового хозяйства с экономически обоснованными ценами на сырье и ресурсы, под чем разумеются равные экономические возможности в получении кредитов, импорте готовой продукции и т.п. Это позволит избежать главного – безылазной долговой кабалы бедных и очень бедных стран (а таковых сейчас более 90), порождающей конфликтоносную поляризацию мира [Якубовская, 2015, с. 40-41]. В целом результаты полемики в этой сфере можно свести к точке зрения, которую позиционировал проф. Энтин М.Л., по мнению которого международное право развития не отрицает общее международное право, а вытекает из него; оно содействует утверждению социальной справедливости в межгосударственных отношениях, узаконивает борьбу народов за реальное равенство против экономического диктата империалистических держав и транснациональных корпораций [Энтин, 1985, с. 140].

Вместе с тем, с принятыми толерантными и даже благодетельными характеристиками международного права развития, особенно в части его влияния на общее международное право, можно было бы согласиться, но с существенной оговоркой. Международное экономическое право (на которое пытается оказать, в частности, влияние

международное право развития) регулирует международные экономические отношения, стержень которых составляют торговые, финансовые и инвестиционные связи государств [Вылегжанин, 2012, с. 23]. Но нацелены эти связи, прежде всего, на накопление капитала, что значительной частью лежит в сфере корпоративных либо частных интересов 1% населения, который владеет большим планетарным продуктом, нежели остальные 99%, а следовательно, обладает реальной властью¹. Государство как субъект международного права, будучи тесно обусловлено в осуществлении реальных властных функций интересами финансово-промышленных элит, может позволить только видимость усилий по гуманизации международного права. Отсюда идея международного права развития, не содержащая в себе инструментов жесткого (хотя и опосредованного) уголовного воздействия на частную волю, с самого начала обречена на неудачу.

Искомую обязательность в резолюциях и других актах мягкого права, каковым по сути является международное право развития, обнаружить трудно по той простой причине, что ее там нет и быть не должно. Ведь нельзя не видеть как притягательны положения Хартии экономических прав и обязанностей государств, Декларации и программы действий по установлению нового экономического порядка, различного рода секторальных схем и программ Генеральной Ассамблеи ООН, ЮНКТАД, как заманчиво они увлекают к романтическим берегам равенства всех народов и государств. Но вряд ли кто всерьез задумался об их воплощении, особенно, когда в середине 70-х годов в ряде стран Латинской Америки, Азии и Африки стали претворяться экономические установки «чикагской школы» Милтона Фридмана, насаждающие дерегуляцию, максимальную приватизацию и устранение всякого протекционизма государства в области социальной политики. Такое развитие событий в международной экономике побуждает к двум ключевым

¹ Oxfam America, Wealth: Having it all and wanting more. Brief, January 18, 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.oxfamamerica.org/static/files/Wealth_Having_it_all_and_wanting_more.pdf.

выводам: а) оно является воплощением интересов преимущественно частных лиц и корпоративных групп; б) оно указывает на реальную тенденцию, противоположную смыслу и содержанию международного права развития, то есть его заведомую фетишизацию. Следовательно, ни о каком реальном международном праве развития речи быть не может, точнее как реальность оно никогда не задумывалось и не позволялось. Но не менее важно и следующее. Эта самая нереальность международного права развития предполагает реальность скрытого экономического грабежа слаборазвитых стран и реальность производства таким образом угроз международному миру и безопасности. Однако эти две последние реальности не находят реального воплощения в международном праве развития.

Почетный профессор международного права Женевского института международных исследований Аби Сааб не без сарказма отмечает, что эта впечатляющая нормативная структура (*международное право развития – А.В.*), однако, имела характер мягкого права, если не *lex ferenda*. Соглашаясь фигурировать в некоторых схемах и программах, промышленно развитые страны всегда настаивали на сугубо добровольном характере своего участия в них и отрицали всякий намек на обязательность провозглашаемых в резолюции принципов [Abi-Saab, 1998, p. 263].

Международное право развития после окончания холодной войны так и не стало *lex fata*, находя свое выражение лишь в нормах мягкого права. Развитые государства при этом сохраняют респектабельность и демократический вид, лишь демонстрируя волю к равенству в международных отношениях, которые неуклонно «развиваются» в сторону ущербности и бедности «развивающихся» стран. Такое противовекторное «развитие», сопровождаемое дерегуляцией, абсолютной приватизацией и сокращением социальных выплат, обуславливает накопление капитала и рост нормы прибыли в частном секторе, в том числе и в компрадорском его сегменте. Особенно это стало ощутимо с распространением возможностей информационно-коммуникационных

технологий в условиях виртуальной экономики, перетекающей в характеристики финансового капитала.

Неизменным же спутником такой экономической поляризации являются радикализация глобальных конфликтных процессов, сущность которых проявляется через войны, терроризм, миграционные перемещения больших людских масс, торговлю людьми, наркотрафик, контрабанду оружием. В этом зловещем плавильном котле «антиразвития» широкое применение находят стилизованные под гуманность глобальные политические манипуляции, подвергаящие опасности хрупкий мир и трудно вмещающиеся в представления о международной правомерности.

Столь масштабная основа международной криминогенности стала возможной вследствие отсутствия международно-правового контроля над движущей энергией международной криминальности – частными (корпоративными) интересами, той мощной частной волей, которой удается виртуозно укрываться под сенью многомудрости современного демократического государства, создающего через мимикрию социализации видимость олицетворения воли народа.

Юридическое обнаружение этого зловещего механизма в рамках института уголовной ответственности государства и его пресечения составляет важный предмет научного поиска, в котором весьма полезным представляется анализ международного права развития.

Уход с мировой арены «прямого» колониализма ничего, по сути, не изменил: эксплуататорская система в виде неоколониализма приняла более изощренные формы.

В стремлении приобретать технологии, создавать транспортную и коммуникационную инфраструктуру развивающиеся страны неизменно должны привлекать западных инвесторов и заимствовать у Запада капитал. Вследствие этого в основном «сырьевая» местная продукция сориентирована на экспорт, а не на местное потребление. «Третий мир» остается с недиверсифицированными производственными базами, уязвимыми для торговых барьеров,

создаваемых развитыми государствами для защиты своих производителей, а также зависимыми от общего состояния западных экономик.

Но что же международное право? Как оно реагирует на угрозы всеобщему миру, исходящие от межцивилизационного неравенства? Справедливости ради следует констатировать, что данная проблема находит отражение в международно-правовом процессе. Как уже было сказано, в международном праве образовалась совокупность норм, предварительно определяемая как международное право развития.

Задуманное как система норм, призванных обеспечить постколониальным народам компенсацию в развитии путем устранения дискриминаций и предоставления различного рода преференций, международное право развития с самого начала обречено на бесплотность и бесперспективность. Ведь сама идея компенсаторности ущербна в силу невозможности критерия сопоставимости уровней развития разных цивилизационных культур.

В свое время в XV веке христианско-европейская цивилизация нарушила естественный ход истории через взлом иных цивилизаций и вовлечение их в стандарты чуждой им жизни на том субъективном основании, что последние пребывают на более низком уровне цивилизационного развития. Это – трагическая базовая ошибка, приведшая планету к предкатастрофическому состоянию. Неравенство культур невозможно, ибо каждая культура как система ценностей и надбиологических программ человеческой деятельности и поведения, выступающих условием развития социальной жизни, самобытна и представляет самооценку как плод естественного хода истории. Присвоив же себе право определить верховенство своей культуры и проигнорировав фактор общепланетарного равновесия как долговременную основу, в том числе, собственного благополучия, Запад тем самым обрек мир на антиразвитие. Обогатившись природными ресурсами и рабочей силой Нового Света, он осуществил небывалый технический рывок. С точки же зрения благополучия земного общества как

международно-криминологической категории на самом деле – это рывок в направлении тупика.

Благополучие и процветание так называемого «золотого миллиарда» – это по историческим критериям и меркам лишь иллюзия цивилизационного превосходства, которое все явственнее превращается в зависимость от глобальных процессов. В действительности же во весь рост встали и являются очевидными трагические для всех последствия такого «процветания»: разрушение среды обитания человека, деинтеллектуализация населения, всеохватывающая насильственная конфликтность, асимметрическое содержание которой наполняется невиданной жестокостью – вот неполный перечень основных результатов «развития». Его Запад пытается перепроцировать на слабо развитый сектор планеты, используя, в том числе, и фикцию международного права развития.

Вывод о бесплотности международного права развития основывается, прежде всего, на том простом обстоятельстве, что практически функционирует с 60-х годов XX столетия: его нормы и положения не просто не дали положительных сдвигов в устранении социально-экономического разрыва – не между двумя мирами, «Севером» и «Югом», а скорее, богатейшей элиты планеты (порядка 1 процента жителей) и бедняцкой или уже находящейся в черте бедности остальной части населения. Напротив, международное право развития можно назвать контрпродуктивным, поскольку разрыв между этими частями населения увеличивается. Более того, появляется группа народов, которую охватывает социальное отчаяние, вызванное крушением надежд занимать даже нижайшую ступеньку в нынешней цивилизационной системе (угроза ухода в небытие).

Движимые частными интересами влиятельного меньшинства, развитые государства на самом деле даже не допускают мысли о равноправном распределении технологий и благ, не желают расставаться с доминирующим положением, поскольку это угрожает «знакомому миру» [Валлерстайн, 2003, с.2], разрушает основы при-

емлемого для них способа существования. Поэтому следует согласиться с мнением судьи Международного суда ООН Мохаммеда Бенуи, который характеризует международное право развития как исходящее из предпосылки о том, что богатые осознали свою вину перед бедными и вследствие этого быстро показавшее свою ограниченность, как только речь зашла о всестороннем преобразовании существующей международной системы [Bennouna, 1983].

На бесплотность международного права развития указывает и то, что оно лишь демонстрирует реагирование на слабразвитость, но не устраняет ее причины – отношения господства и эксплуатации между развитыми и слабразвитыми странами.

Трудно себе представить – саркастически отмечает профессор африканского права Университета Лондона Антони Аллот – как развивающаяся страна (или группа развивающихся стран) может потребовать и получить компенсацию (и если да, то в каком размере) за невыполнение другими странами обязательств, предусмотренных международным правом развития (если за ним не стоит уголовная ответственность государства) [Allot, 1987, p. 82].

Профессоры Университета Париж Гаи Фаер и Ерве Кассан также по этому поводу достаточно откровенны. Будучи интервенционистским, указывают они, международное право развития встречает сопротивление со стороны западных промышленно развитых стран, приверженцев либеральной экономики. Этот антагонизм особенно явно проявляется в отношении к принципам, которые провозглашаются с помощью резолюций международных организаций. Международное право развития служит доказательством властных отношений, которые преобладают в международном сообществе, и всей сложности перехода к согласованной правовой системе [Fener, Cassan, 1991, p.112].

Остается лишь вернуться к содержанию «властных отношений» блестяще препарированных известным французским социологом Бертраном де Жувенелем, в которых определяющую роль играют конкретные влиятельные индивиды либо кор-

поративистские группы таких индивидов, слившиеся с исторически выпестованным под эту влиятельность государственным аппаратом [Жувенель, 2011, с. 20, 39, 150]. Следует также напомнить, что реальность предлагаемой концепции уголовной ответственности государства как раз и базируется на том, что преступный механизм в деяниях государства основывается на феномене «частной воли».

Международное право развития не должно сводиться к примитивной компенсации. Предметом его регулирования представляется общее благо международного сообщества. Именно исходя из этой геостратегической цели, оно призвано выстраивать нормы и положения для целей обеспечения неприкосновенности «своего» понимания развития каждой культурой, каждым народом. Международное право развития призвано способствовать возвращению человечества в ритм его многотысячелетней истории, обеспечивая стремление к самостоятельности развития всего многообразия человеческих культур на основе их собственного представления о номинальных материальных и социо-культурных условиях для этого.

Нет сомнений, что лежащая в основе современной западной культуры идеология потребления менее всего подходит для такой миссии международного права развития.

Учитывая, что в основе образовавшейся диспропорции лежал и лежит банальный экономический грабёж, ловко закамуфлированный юридической и политической казуистикой, обязывающим компонентом международного права развития должна быть криминализация соответствующего поведения субъектов колониальных и постколониальных правоотношений, увенчанная криминализацией их ответственности по международному праву.

Под таким углом зрения, открывающим высокое конечное предназначение международного права развития, следует согласиться в принципе с многими оценками его содержания, предлагаемыми авторитетными юристами-международниками в доктрине. Так упоминаемый выше профессор Мохаммед Беджауи определяет между-

народное право развития как современное международное право, пребывающее в процессе трансформации под влиянием процесса деколонизации. Его основу составляют терпимость к освободительным войнам, осуждение колониализма и расизма, создание норм права на основе равноправных отношений, связь между деколонизацией и поддержанием мира и безопасности, право на развитие и, наконец, требование об установлении международного экономического порядка [Bedjaoni, 1979, p. 62].

По мнению профессора Жана Тускоза, право развития объединяет все нормы, направленные на международное содействие развитию. Две группы норм должны учитываться как нормы непосредственно международного права развития. Они развились вокруг возникших недавно юридических концепций, а именно дуализма норм (т.е. разной адресованности развитым и развивающимся странам – автор) и общего достояния человечества [Тускоз, 1998, с.274-278].

Профессор права Университета Нотр-Дам Патер Слинн отмечает, что в предмет международного права развития входит: новый международный экономический порядок, защита инвестиций, суверенитет над природными ресурсами, деятельность ГАТТ и других международных экономических организаций и т.п. [Slinn, 1987, p. 35].

Принято считать, что сложность вскрытия и искоренения причин ущербных международных отношений связана с отсутствием в них иерархии, затрудняющей определение места и роли в мире разных акторов. Соответственно, международное право является системой права, характерной для такого неструктурированного общества, в котором формально отсутствует центральная власть, способная принудить к исполнению положений и норм.

На самом же деле, то обстоятельство, что международное право образуется путем соглашения суверенных государств, над которыми не существует надгосударственной власти, никоим образом не является препятствием для его эффективности. Построенная на принципе добровольного согласования воли своих субъектов система

международного права по своему потенциалу правоисполнения несколько не уступает, а возможно превосходит внутреннее право, где доминирует прямое и скрытое принуждение, исходящее от вертикали власти. В целом идеалом является саморегулируемое, самоуправляемое общество, как отмечено не одним автором.

К тому же есть основания полагать, что условное мировое правительство – это все-таки реальность, хотя и не институализированная. Иерархия в нем игроков как государств, так и частных лиц существует и определяется такими известными критериями как военно-экономический потенциал, объём капитала, геополитическое влияние и т.п. Государства и другие субъекты международных правоотношений связаны своими международно-правовыми обязательствами, но также признается и их право самим толковать их. Реальная мировая власть обеспечивается правом санкций, которое предоставлено самим сторонам международных взаимодействий. Основным средством принуждения к исполнению международного являются репрессалии. Накладываясь на не теряющую актуальности базу принципа взаимности (т.е. осознание возможности получить сопоставимые ответные действия и меры), репрессалии являются мощным инструментом властвования тех акторов, которые занимают верхние ступеньки в мировой иерархии.

По сути, на мировом уровне мы имеем дело с не менее жесткой, не менее функциональной, но более разветвленной, более способной к самосохранению системой власти, нежели власть внутригосударственная. Самое удивительное, что в правовом отношении устойчивость мировой власти обеспечивается за счет «неустойчивости» международного права, проявлений его неэффективности, удобно объясняемых властной необеспеченностью и создающих вне рамок взаимности условия для безнаказанности.

Хотя заметим, что естественный ход исторического развития упрямо расширяет эти рамки взаимности, пробуждая к жизни все новые силы, асимметрическая действенность которых побуждает к бо-

лее уважительному отношению к нормам международного права и институту ответственности в нем. Столь произвольная, на первый взгляд, система международного регулирования указывает на то, что необязательность норм международного права вообще и международного права развития, в частности, нужна, прежде всего, развитым государствам и их правящим элитам, поскольку международное регулирование является их безраздельной прерогативой.

Как уже было сказано, генерирующим началом в механизме поведения государства через которое (как ключевой субъект международного права) осуществляется управление мировыми процессами, является частная воля физических лиц (солидаризовавшихся групп лиц), обладающих реальной властью. Учитывая, что такое регулирование происходит вне четких властных и правовых институтов, оно (регулирование) с высокой степенью вероятности обречено на криминальность либо криминаленность по международному праву. На наш взгляд, второй сегмент – сегмент потенциальной неправомерности более значителен, поскольку осязаемая часть деяний государств, влекомых частной волей, некриминализована по международному праву, хотя и составляет угрозу международному миру и безопасности.

При этом следует также учитывать отмеченное выше немаловажное для института ответственности обстоятельство, которое состоит в осознании теми самыми носителями частной воли, которые подвигают государственный механизм к преступному поведению, своей абсолютной безнаказанности. Ведь принуждение к исполнению норм международного права, если оно претендует на действенность, должно опираться не только на суды, чьи решения уважались бы, и на четко работающие институты и органы поддержания международного правопорядка, которые обеспечивали бы соблюдение процессуальных норм по привлечению виновных к суду, но и на четкое осознание содержания международной противозаконности тех правонарушений, которые приведут их на скамью подсудимых. Однако легитимация камуфлирован-

ности реальной власти настолько высока, что порядок ее функционирования объективно препятствует не только вскрытию присутствия частной воли в неправомерных действиях государства, но и осознанию ее носителями криминальности возбуждаемых ими международных построений.

Для нужд привлечения к ответственности физических лиц, частной волей которых определяются неправомерные действия государства, выделить в качестве субъекта правонарушения и определить степень их участия и содержание противозаконности по международному праву их поведения в отдельном порядке практически невозможно.

Во-первых, потому что рассматриваемый здесь вид международной неправомерности возможен в рамках системы госаппарата, где интересы и обусловленная ими воля частных лиц являются лишь ее элементами. Вне системы частные лица оказываются в положении той самой аристотелевской руки, оторгнутой от тела. Во-вторых, потому что, как уже было сказано, такое поведение достаточно прочно легитимировано в общественном сознании как исполняемое во имя интересов своего народа. Оно (поведение), определяемое большей частью интересами, стремлениями, намерениями представителей финансово-промышленных элит, слабо проявляется в материальном виде и настолько «органично» вписывается в декларируемые демократические ценности, под прикрытием которых государство нередко совершает действия, создающие опасность для мирового сообщества, что распознать его можно лишь в рамках распознавания вины государства, то есть в системе мер уголовной ответственности государства.

Во-третьих, значительная часть действий частных лиц, влекущих международную опасность, не криминализованы по международному уголовному праву, поскольку ассоциируются с экономической целесообразностью, волей народа и не связываются с признаками конкретных составов международных преступлений. В «лучшем» случае их либо относят к нарушениям международных норм морали, либо уводят

в сферу детерминизма как причины, предпосылки и условия международных преступлений. В таком же качестве они в подавляющем большинстве случаев становятся предметом внимания норм морали и политической дискуссии.

В-четвертых, международное уголовное право, на наш взгляд, еще не совсем готово для целей определения составов международных преступлений, их элементов, а также к тому, чтобы в интересах определения различного рода масштабных международных преступных механизмов, оперировать глобальными категориями. Для таких целей международное уголовное право должно обрести способность выделять глобальные признаки составов, распознавать глобальные причинно-следственные связи, а следовательно, определять виновных (в виде государств во всем комплексе механизмов и лиц, их составляющих) в таких, например, серьёзных рукотворных угрозах международной безопасности (то есть возможных международных преступлениях) как конфликты на Балканах, в Северной Африке, на Большом Ближнем Востоке, в Центральной Азии и др.

Из этого следует, что оценка содержания совершенных частными лицами правонарушений должна базироваться на определении их частных интересов в двигательных мотивах преступных действий государства и соответствующих поведенческих признаков, указывающих на наличие таких интересов и попыток их воплощения. При этом важно, что такие интересы, сливаясь в гармонии готовности их реализации с госаппаратом, одновременно определяют и виновный умысел государства, что составляет субъективную основу института уголовной ответственности последнего.

Отточенный веками и подготовленный безукоризненно демонстрировать волю народа, даже когда таковая отсутствует, а то и вовсе противоположна, государственный механизм способен настолько надежно укрывать интересы, а тем более, волю частных лиц, что они оперируют в международном пространстве, теряя представление о критериях различия между правомочностью и криминальностью. Эффективность

симбиоза усиливается тем, что частная воля в ответ прилагает значительные усилия по имиджевой поддержке государства как демократического института современности, способного осуществлять регулирование мировых процессов. И эта «плодотворная» взаимность вполне успешно действует и развивается практически вне института ответственности.

Итак, введение института уголовной ответственности государства могло бы благоприятно сказаться на достижении целей, стоящих перед международным правом развития. Вместе с тем, и само это право требует серьезных содержательных изменений. Как мы установили, положительные сдвиги в этом вопросе следует связывать с обязательностью норм и положений международного права развития, а также с введением такого уровня ответственности по международному праву, который бы обеспечивал распределение ее бремени на весь глобальный механизм продуцирования мировой кризисности, глубокого разрыва в экономическом развитии и глобальной насильственной конфликтности.

Проблема обязательности норм международного права развития не нова. Многие ученые высказывают обеспокоенность перенасыщенностью этого направления в международном праве «мягкими источниками». Уравнивание в праве развития договорных и обычных норм с ненормативными резолюциями считается ими неприемлемым.

Актуальность проблемы необязательности международного права развития для нужд обоснования концепции уголовной ответственности государства требует отдельного рассмотрения. Здесь также стоит отдать должное системной работе Н. Якубовской, которой удалось выстроить впечатляющий фактический материал. Примечательна, в этом плане, позиция профессора Моника Шамийе-Жандро, который, считает, что право развития регулирует иллюзии и является поэтому идеологией [Якубовская, 2015].

В создавшейся мировой обстановке решать вопросы международной уголовной ответственности за причинение бед и страданий миллиардам людей по принципам

Нюрнбергского и Токийского международных трибуналов вряд ли возможно, учитывая разную правовую природу происходящего.

Во-первых, персоналии виновных в трагедии Второй мировой войны были достаточно очевидны и юридический процесс, выстраиваемый на принципе уголовной по международному праву ответственности физических лиц со всей очевидностью представляется эффективным. Эти доводы, как мы убедились, невозможно привести в отношении нынешней ситуации. Во-вторых, в эпицентре бойни Второй мировой войны естественно оказался так называемый цивилизованный мир. Большая часть разрушений и жертв пришлась на европейскую часть планеты и Японию, также претендовавшую на одно из ключевых мест в цивилизованном континууме. Жуткие же реалии сегодняшнего дня не смущают (и не пугают) мировую власть предержащих: им удастся сбалансировать мировые процессы таким образом, что войны, голод, страдания и жертвы перенесены на территории, в основном населяемые народами, отношение к которым, иначе как к расходному биоматериалу не назовешь. Причем удивительным является то, что международно-правовое регулирование, «обеспечивающее» устойчивость этого процесса, происходит на фоне видимости стремления к императивизации основных норм и положений международного права, демонстрации приверженности к фундаментальной его ценности: *aequum et bonum, est lex legume*.

Главный парадокс в решении задачи обязательности норм международного права развития, предполагающих упреждение конфликтности, а значит, и преступности в международном сообществе, состоит в противоречии понимания проблемы с практикой по ее решению.

И в доктрине, и в практике правоотношений не существует сомнений относительно того, что воплощению права на равенство должна корреспондировать юридическая

обязанность развитых государств предоставлять помощь развитию отстающих.

Проведя анализ реального положения дел по двум направлениям – в сфере договорного и обычного права, Н. Якубовская приходит к неутешительным выводам. Прежде всего, сомнения в твердости обязанности предоставлять помощь развитию вызывает главный источник, из которого такая обязанность должна вытекать – это статей 55 (а) и 56 Устава ООН, которыми определяется цель создания условий стабильности и благополучия в мировом сообществе. Является очевидным, что четкой юридической обязанности предоставлять помощь развитию Устав ООН не содержит. Не выливаются в такую обязанность попытки в сочетании с четвертым принципом международного права Декларации 1970 года [Hoof, 1983, р. 324]. В доктрине подобная оценка следует на весьма высоком уровне, например, у профессора Г. Кельзена [Kelsen, 1950, р. 99-100], профессора В. Верви [Verwey, 1981, р. 21] и др.

Попытка придать нормативный характер обязанности предоставлять помощь развитию усматривается и в статье 2 (1) Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 года, которая предусматривает, что каждое государство обязуется в индивидуальном порядке международной помощи и сотрудничества принять в максимальных пределах имеющихся ресурсов меры к тому, чтобы обеспечить постепенно полное осуществление признаваемых в Пакте прав.

Между тем юридически нечетко сформулированное обязательство дало возможность «мировому сообществу» отрицать таковое и не включить в текст Факультативного протокола к указанному Международному пакту положений, которые бы предписывали государствам юридическую обязанность к предоставлению помощи (не признали такую обязанность при обсуждении представители Великобритании, Канады, Франции, Чехии, Португалии)².

² Факультативный протокол к Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах, принят резолюцией 63/117 ГА от 10 декабря 2008 года. С.22 Электронный ресурс – Режим доступа: http://www.un.org.ru/documents/decl_conv/conventions/optprotocol/iceser.shtml.

На основании такого анализа широкого спектра норм и доктринальных мнений Н. Якубовская обоснованно приходит к выводу о том, что договорное международное право не содержит норм, из которых может быть выведена обязанность предоставлять развивающимся странам помощь [Якубовская, 2015, с.105-106].

Еще более красноречивой по своей парадоксальности выйдет картина в сфере обычного права. Оценка содержания резолюций и других официальных документов, посвященных вопросам предоставления помощи для развития, которые могут быть использованы для подтверждения наличия *opinio juris* в отношении обязанности, по мнению автора, указывает лишь на демонстрацию намерений [Якубовская, 2015].

Повышенное внимание к вопросу о фактическом отрицании в праве обязанности представлять развивающимся странам помощи объясняется отнюдь не потребностями поупражняться в терминологической казуистике. В действительности, это глобально значимый вопрос, определяющий существующее мироустройство. Именно создаваемая видимость стремления поиска путей мирового сообщества к равенству через фикцию обязательности правовых норм, призванных обеспечивать равные условия развития, указывают на: а) оберегаемость состояния экономического процветания и доминирования группы избранных государств и их элит; б) неблагоприятную роль, отводимую международному праву, как инструменту, обеспечивающему эту видимость, удерживающую мир в конфликтном неравенстве.

Попытки развивающихся стран вырваться из железных объятий доминирующего мирового капитала, движимого частной волей его ключевых игроков, успехом не увенчались. Так, для защиты своего суверенитета от диктата крупного международного капитала развивающимися странами в середине 60-х годов была предпринята попытка принятия Кодекса поведения транснациональных корпораций, которая закончилась ничем. Лишь благими намерениями остались в истории международного права развития предложения развивающихся

стран принять Международный кодекс поведения в области передачи технологий, а также их требования о предоставлении льготной помощи на цели развития [Системная история, 2000].

Несколько большую по правдоподобности видимость воплощения обрели инициативы развивающихся стран по перестройке мировой торговой и финансовой системы в рамках концепции упоминаемого выше нового международного экономического порядка, который провозглашен резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 3201 (S-VII) от 1 мая 1974 года, принятой на ее Специальной сессии. Там же резолюцией 3202 (S-VII) была принята также Программа действий по установлению нового экономического порядка, содержащая конкретные меры по осуществлению Декларации об установлении нового международного экономического порядка. Еще одним обстоятельным документом, могущим претендовать на *opinio juris* в сфере регулирования развития, явилась Хартия экономических прав и обязанностей государств, принятая резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 3281 от 12 декабря 1974 года, которой досталась роль всего лишь красивой игрушки. Такая же участь юридической бесплотности постигла принятую в 1986 году Декларацию о праве на развитие.

В целом же исследование проблемы так называемого международного права развития, являющейся международно-криминологической по своей сущности, оказалось чрезвычайно полезным для понимания актуальности концепции уголовной ответственности государства, значительно укрепило аргументы в пользу этой концепции.

Возникшая (в своем современном виде) под впечатлением ужасов Второй мировой войны и осознания апокалиптических «способностей» человеческого общества по самоуничтожению, идея единства планеты нашла свое воплощение в национально-освободительном движении 60-х годов. С известной долей политического романтизма эта идея стала интенсивно наполняться международно-правовым содержанием, что и выразилось в формировании норм и поло-

жений, которые объединились под общим (возможно, условным) названием международного права развития.

Однако на пути развития «для всех» встал составляющий сущность неограниченно свободного рынка (и возобладавший над государством) принцип безоглядного накопления капитала, отражающий корпоративные интересы (рост прибыли) представителей вчерашних метрополий. Укрывая свой частный интерес в сложной системе демократии государства, и умело манипулируя его юридическим статусом ключевого субъекта международного права, глобальный частный капитал выхолостил (и продолжает это делать сейчас) производительную сущность норм и положений международного права, призванных нести равенство в условия для самодостаточного развития стран и народов независимо от их экономического состояния и культурно-цивилизационной природы. Созданная таким образом фикция с ее юридической бесплотностью получила название международного права развития. Стоящая за этой фикцией частная воля продолжает двигать ее в конфликтообразующем и разрушительном для мира и его безопасности направлении путем так называемой дифференциации и фрагментации сообщества развивающихся стран, разрушения возможностей его международно-правового сопротивления этому, основанного на консолидированном правотворчестве в Генеральной Ассамблее ООН.

Основа этого в мировой экономике выражается в замене девелопменталистской идеи кейнсианства (по Менарду Кейнсу) на

отвечающую экспансионистской сущности частного капитала экономическую модель от «чикагской школы», которую принято связывать с именем Милтона Фридмана. Характеризуемая дерегуляцией, максимальной приватизацией и предельным сокращением социальных компенсаций, эта модель как раз и коррелирует с юридической фикцией международного права развития, призванной способствовать экономической фикции видимости объективного рыночного обустройства мира, и таким образом нивелировать в нем нарастающий протестантизм и радикализм.

В научно-теоретическом аспекте препарирование сущности международного права развития, обнажив проблему необязательности норм, призванных осуществлять регулирование на линии водораздела глобального социального конфликта, материализует тем самым юридическую конструкцию института уголовной ответственности государства по двум основным направлениям: а) устранение необязательности норм как условие, без выполнения которого всякая юридическая ответственность, а тем более, уголовная ответственность государства немыслима; б) подтверждение под (международно-криминологическим) углом зрения оценки взаимоотношений развитых и развивающихся стран важного элемента субъективной стороны криминального поведения государства в лице «одушевленного» психического фактора, каковым является частная воля индивидуумов, встраиваемая в мотивы государства в виде интерпретации воли народа.

Литература

1. Жувенель Б. де Власть: Естественная история ее возрастания. – М.: ИРИСЭН. Мысль, 2011. – С.20, 39, 150.
2. Иммануэль Валлерстайн. Конец знакомого мира: Социология XXI века. – М.: Логос, 2003. – 368 с.
3. Вылегжанин А.Н. Международное экономическое право / А.Н. Вылегжанин, Д.К. Лабин, В.М. Шумилов. – М.: Кнорус. 2012. – 272 с.
4. Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918-200/отв. ред. А.Д.Богатуров. – М.: Московский рабочий, 2000. – Т-3.
5. Тускоз Ж. Міжнародне право: підручник: пер. з фр./ Ж.Тускоз. – К.: Артес, 1998. – с.274-278.
6. Энтин М.Л. Международное право развития: проблемы формирования и реализации/ М.Л. Энтин// Советское государство и право. – 1985. – N2.

7. Якубовская Н.А. Помощь развитию// Международное право развития: идеи, нормы, реализация/ Н.А. Якубовская. – К.: Юринком Интер, 2015.
8. Abi-Saab G. Whither the international community?/ Georges Abi-Saab//European Journal of International law. – 1998. – N9(2). – P.263.
9. Allot A. The law of Development and the Development of Law// International law of Development: comparative perspectives/ Snyder Fand, Slinn P.(eds). – Abindon: Professional Books, 1987. – P.82.
10. Bedjaoni M. Towards a new international economic order/ Mohammed Bedjaoni. – New York: Holmes Meir, 1979. – P.62.
11. Bennouna M. Droit international du development: tiers monde et interpellation des droit international/Mohammed Bannouna. Paris: Berder-Zevrault, 1983. – 335 p.
12. Fener G. Droit international du development (2e ud). / G.Fener, H. Cassan. – Paris Dallloz, 1991. – P.1.
13. Hoof G.Y.H. Rethinking the sources of international law/ G.Y.H. van Hoof. – Deventer: Kluwe Publishing, 1983. – P.324.
14. Kelsen H. The law of the United Nations: A Critical Analyses of Fundamental Problems/ Hans Kelsen. – London: London Institute of worlds Affairs, 1950. – p.99-100.
15. Slinn P. Differing Approaches to the Relations Between International Law and Development// International Law of development: comparative perspectives/Snyder F. And Slinn P. (eds.). Abingdon: Professional Books, 1987. – P.35.
16. Verwey W. The Establishment of a new international economic order and the realization of the right to development and Welfare – a legal survey/ Wil Verwey // Indian journal of international law. – 1981. V.21. – p.21.

To the Question of Criminal Responsibility of States

*Vladimir F. Antipenko**

Annotation: The concept of criminal responsibility of a state is addressed on the basis of the international development law through the analysis of its low applicability. The author presents international legal arguments in favour of the concept of international criminal responsibility of states in the framework of the research school in international criminology.

Keywords: international development law; criminal responsibility of states; binding norms; global criminality.

References

1. Zhuvanel' B. De. Vlast': Estesvennaja istorija ee vozrastanija [Power: the original history if its development]. – M.: IRISJeN. Mysl', 2011. – S.20, 39, 150.
2. Immanujel' Vallerstajn. Konec znakomogo mira: Sociologija XXI veka [The End of the World we Know: the Sociology of the 21st Century]. – M.: Logos, 2003. – 368 s.
3. Vylegzhanin A.N. Mezhdunarodnoe jekonomicheskoe pravo [International Economic Law] / A.N. Vylegzhanin, D.K. Labin, V.M. Shumilov. – M.: Knorus. 2012. – 272 s.
4. Sistemnaja istorija mezhdunarodnyh otnoshenij v chetyreh tomah. Sobytiya i dokumenty. 1918-2000 /otv. red. A.D.Bogaturov [The Systemic History of International Relations in 4 Volumes. Events and documents. 1918-2000 / edited by A.D. Bogaturov]. – M.: Moskovskij rabochij, 2000. – T-3.
5. Tuskoz Zh. Mizhnarodne pravo: pidruchnik: per. z fr./ Zh.Tuskoz [International law: the Handbook: translated from French / Tuskoz Zh.].– K.: Artek, 1998. – s.274-278.
6. Entin M.L. Mezhdunarodnoe pravo razvitija: problemy formirovanija i realizacii/ M.L. Entin// Sovetskoe gosudarstvo i pravo [International development law: the problems of formationa and realization // M. L. Entin// The Soviet State and Law]. – 1985. – N2.

* Vladimir F. Antipenko – Doctors of Laws, professor, The Republic of Ukraine.

7. Jakubovskaja N.A. Pomoshh' razvitiju// Mezhdunarodnoe pravo razvitija: idei, normy, realizacija / N.A. Jakubovskaja [Assistance to Developent: Ideas, Norms, Realization / N.A. Jakubovskaja]. – K.: Jurinkom Inter, 2015.
8. Abi-Saab G. Whither the international community? / Georges Abi-Saab//European Journal of International law. – 1998. – N9 (2). – P. 263.
9. Allot A. The law of Development and the Development of Law// International law of Development: comparative perspectives/ Snyder Fand, Slinn P. (eds). – Abindon: Professional Books, 1987. – P. 82.
10. Bedjaoni M. Towards a new international economic order/ Mohammed Bedjaoni. – New York: Holmes Meir, 1979. – P. 62.
11. Bennouna M.Droit international du development: tiers monde et interpellation des droit international/Mohammed Bennouna. Paris: Berder-Zevrault, 1983. – 335 p.
12. Fener G.Droit international du development (2e ud)./ G.Fener, H. Cassan. – Paris Dallloz, 1991. – P.1.
13. Hoof G.Y.H. Rethinking the sources of international law/ G.Y.H. van Hoof. – Deventer: Kluwe Publishing, 1983. – P. 324.
14. Kelsen H. The law of the United Nations: A Critical Analyses of Fundamental Problems/ Hans Kelsen. – London: London Institute of worlds Affairs, 1950. – p. 99-100.
15. Slinn P. Differing Approaches to the Relations Between International Law and Development// International Law of development: comparative perspectives/Snyder F. And Slinn P. (eds.). Abingdon: Professional Books, 1987. – P. 35.
16. Verwey W. The Establishment of a new international economic order and the realization of the right to development and Welfare – a legal survey/ Wil Verwey // Indian journal of international law. – 1981. V.21. – p. 21.

ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПО БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ

И.И. Синякин*

Аннотация. В настоящее время механизм антитеррористического сотрудничества развился в разветвленную многоуровневую систему, предусматривающую возможность скоординированного и оперативного ответа на любые виды террористических вызовов и угроз. Это обусловлено множеством факторов. Однако рост числа указанных преступлений и их частота все чаще ставят вопрос о содержании, превентивном характере, эффективности и перспективах существующего международного сотрудничества по борьбе терроризмом, неспособности государств разработать на основе международного права действенный механизм противодействия новым, современным вызовам и угрозам. Следует частично признать правоту подобных утверждений: в силу своей специфики международно-правовое сотрудничество государств представляет собой ограниченный механизм противодействия терроризму. В этой связи необходимой задачей становится определение границ международно-правового регулирования рассматриваемой сферы. В статье приводится анализ современных теоретических и практических аспектов международно-правового сотрудничества государств по борьбе с терроризмом, рассматриваются перспективы их дальнейшего развития в свете новых вызовов и угроз.

Ключевые слова: акты международного терроризма; международное право; международный мир и безопасность.

Современная специфика международного антитеррористического сотрудничества (как явления, так и его состояния на настоящем этапе развития) обусловлена рядом факторов.

Как и всякий предмет исследования, международно-правовое сотрудничество государств в данной сфере может быть рассмотрено с двух точек зрения: теоретической и практической. Однако в отличие от многих институтов и даже отраслей международного права, где указанные области фактически полностью совпадают либо значительно пересекаются (право между-

народных договоров, дипломатическое право, международное гуманитарное право), теоретическая и практическая стороны антитеррористического сотрудничества соприкасаются весьма поверхностно. Эта особенность сложилась в силу определенных обстоятельств.

1. *Наличие разных задач, стоящих перед теорией международного права и существующей практикой по противодействию терроризму.* В этом плане для исследователей представляют, в частности, следующие задачи: 1) определение критериев квалификации преступления терроризма и отнесе-

* Синякин Иван Игоревич – к.ю.н., доцент кафедры международного права МГИМО МИД России. ilc48@mail.ru.

ния его к международным преступлениям или преступлениям международного характера; 2) разработка универсальной дефиниции терроризма и заключение на ее основе универсального международного договора; 3) определение правомерности обращения к практике совершения преступлений терроризма национально-освободительными движениями; 4) целесообразность учреждения специальных международных судебных органов по преступлениям терроризма; 5) необходимость распространения на преступления терроризма универсальной юрисдикции и др.

С точки зрения практики, государства преследуют конкретные цели, заключающиеся в необходимости разработки такого международно-правового механизма сотрудничества, который позволял бы: 1) унифицировать национальные законодательства по установлению уголовной ответственности за определенные составы преступления терроризма; 2) оперативно обмениваться информацией для предупреждения, пресечения или расследования актов терроризма; 3) устанавливать правовые основы оказания правовой помощи; 4) исключать ситуации ухода от ответственности вследствие отсутствия в законодательстве государств соответствующего правового регулирования; 5) определять основы для установления юрисдикции государств в отношении актов терроризма, в том числе определять, какое государство или государства правомочны осуществлять расследование; 6) устанавливать содержание, порядок и рамки проведения оперативных мероприятий в связи предупреждением, пресечением или расследованием актов терроризма; 7) координировать усилия по устранению последствий актов терроризма.

Безусловно, вышеперечисленное вовсе не исключает возможности практического решения отдельных теоретических задач (например, включение Комиссией международного права преступления международного терроризма в проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1991 г.). Более того, современные механизмы противодействия терроризму являются результатом, в том

числе, и теоретических обобщений. Также следует отметить, что практическая реализация некоторых идей, как, например, учреждение специальных международных судебных органов или распространение на преступления терроризма универсальной юрисдикции, имеет большой практический потенциал. Однако в повседневном межгосударственном общении при решении конкретных задач существующие договорные механизмы полностью удовлетворяют «потребности» международного сообщества.

2. *Нежелание или неспособность субъектов международного права достичь единой согласованной воли по принципиальным международно-правовым аспектам антитеррористического сотрудничества.* Невероятно высокая политизированность проблемы, ее значимость для соблюдения национальных интересов и обеспечения внутригосударственной безопасности (требующая большую степень свободы и самостоятельности в предпринимаемых мерах), непредсказуемость последствий отдельных решений государств и ответственность за их принятие (например, признание международных террористических организаций национально - освободительными движениями, их материальная и финансовая поддержка) вынуждают государства с большой осторожностью подходить к определению и международно-правовому регулированию такой сферы взаимодействия, где будет возможно не только избежать спорных вопросов, но и достичь единой правовой позиции, по которой отказ со стороны будущих участников международного договора является маловероятным. Это приводит к тому, что в рамках самого международно-правового аспекта антитеррористического сотрудничества юридическую регламентацию получают лишь те вопросы, которые в силу своего содержания редко вызывают возражения (необходимость обмена информацией, криминализация конкретных составов преступлений, содействие в расследовании преступлений и т.д.).

Весьма показательным в этом вопросе является не включение в Римский статут Международного уголовного суда 1998 г. статьи о преступлении терроризма вслед-

ствие невозможности достичь согласия по определению понятия «терроризм». Основным камнем преткновения в работе определения данного понятия всегда была и остается проблема квалификации действий национально-освободительных движений. По мнению А. Кассезе, самым главным препятствием консенсусу был вопрос: признавать действия таких движений террористическими или нет? Проблема могла быть разрешена внесением соответствующего положения в определение «терроризма», однако против этого выступили западные страны. В этой связи А. Кассезе делает вывод, что государствам не удалось достичь соглашения по вопросу о включении данного положения, а не по вопросу об определении «терроризма» [Cassese, 2003. pp. 120–121]. В доктрине, а также позициях отдельных государств, эта мысль, в целом, поддерживается. При этом указывается на необходимость разработки такой дефиниции, которая отграничит борьбу народов за самоопределение от преступлений терроризма, признавая ее в качестве правомерных актов насилия [Латыпов, 1988, с. 137; Федянин, 1998, с. 16-20; Lavalley, 2007, p. 94].

Другим показательным примером, иллюстрирующим как нежелание или неспособность государств достичь единой согласованной воли по принципиальным вопросам антитеррористического сотрудничества, так и существующую дистанцию между теоретической и практической сторонами указанного сотрудничества, является характер и содержание принимаемых государствами документов.

Если юридически обязательные международные договоры имеют в большой степени одинаковую структуру и (в силу вышеназванных причин) схожее ограниченное содержание, то рекомендательные акты государств не только охватывают практи-

чески все вопросы антитеррористического сотрудничества (в том числе и за пределами современного договорного регулирования), но и содержат позиции по таким вопросам, которые в силу своей значимости а priori исключаются при любой разработке текста международного договора по борьбе с терроризмом (поиск причин терроризма и их искоренение, понятие преступления государственного терроризма, попытки отделения от преступления терроризма актов правомерного насилия и т.д.)¹.

В некоторых аспектах государствам все же удается достичь отграничения актов терроризма от других преступлений, однако это отрицательно сказывается на предметной универсальности сотрудничества. Например, одной из общих позиций государств, закрепленных в антитеррористических конвенциях, является выведение из-под охвата данных международных договоров действий вооруженных сил во время вооруженного конфликта. И как следствие – ядерного материала, используемого или сохраняемого для военных целей, а также ядерных установок, содержащих такой материал². Иными словами, преступления, совершенные с помощью такого материала или против таких установок, не будут считаться актами терроризма.

3. Комплексный характер терроризма как явления международной жизни. Терроризм как явление характеризуется множеством измерений, среди которых присутствует как правовое измерение, так и политическое [Ляхов, 1987, с. 20], психологическое, историческое, технологическое [Змеевский, Тарабрин, 1996, с. 14], социальное, этимологическое [Латыпов, 1988, с. 135; Федянин, 1998, с. 15], психологическое [Golder, 2004, с. 272], криминологическое [Lavalley, 2007, с. 95] и др. Подобная многоаспектность обуславливает и соответствующий характер сотрудничества. Совершенно очевидно,

¹ Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1954 г.; Доклад Специального комитета по международному терроризму. Дополнение № 37 (A/34/37) // ООН, 1979; Резолюция ГА ООН 39/159 1984 г. «О недопустимости политики государственного терроризма и любых действий государств, направленных на подрыв общественно-политического строя в других суверенных государствах»; Резолюция ГА ООН 49/60 1994 г. «Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма».

² Например: пп. b) п. 4 и п. 5 ст. 2 Конвенции о физической защите ядерного материала и ядерных установок 1980 г.; преамбула и п. 2 ст. 4 Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма 2005 г.

что указанные проблемы не могут, да и не должны решаться исключительно при помощи международно-правовых механизмов (не говоря о том, что ряд проблем имеет к международному праву весьма отдаленное отношение). Более того, далеко не все отношения, возникающие в этой связи, могут стать предметом международного договора. Это, в свою очередь, приводит к ограничению предметной сферы международно-правовой регламентации, т.е. на практике международные договоры охватывают более узкие вопросы, чем могут стоять у государств на повестке дня.

4. Помимо предметной ограниченности следует отметить и ограниченность международно-правового инструментария.

Одной из задач, которая стоит перед международным правом, является создание упорядоченной, последовательной, отвечающей общим интересам, а главное, эффективной и действенной системы регламентации международных отношений.

В то же самое время международное право как регулятор указанных отношений не безгранично по своему охвату: оно не может предоставлять юридическую квалификацию абсолютно любому явлению международной жизни, особенно когда речь заходит о таких комплексных категориях, как терроризм. При этом не следует говорить о несовершенстве международно-правового инструментария или неспособности государств на формирование единой политической воли. Проблема заключается в самом понятии: вследствие многогранности явления терроризм не может быть ликвидирован исключительно международно-правовыми механизмами или иными схожими, а значит, любые механизмы противодействия терроризму обречены быть неполными. Однако это не означает, что международное сотрудничество в таком случае становится фрагментарным – противостоять терроризму вообще как явлению невозможно, на практике же государства способны бороться лишь с его конкретными проявлениями, в чем отмечается значительный успех, в том числе и на международно-правовом уровне.

Обозначенная ограниченность международно-правового регулирования практической сферы антитеррористического сотрудничества вовсе не означает наличие низкой эффективности. Концентрация усилий на определенном аспекте сотрудничества (противодействие захвату заложников, бомбовому терроризму, актам, направленным против безопасности гражданской авиации или морского судоходства) позволяет государствам не только своевременно и результативно реагировать на наиболее актуальные вызовы и угрозы современности, но и создавать новые формы и механизмы оперативной борьбы с конкретными преступлениями.

Более того, не все теоретические аспекты вопроса борьбы с международным терроризмом могут быть переведены в практическую плоскость или вовсе иметь научно-исследовательскую ценность для международного права (вопрос целесообразности дефиниции преступления терроризма, исследование его причин, классификации терроризма).

Вышеперечисленные факторы позволяют обозначить некоторые тенденции и перспективы дальнейшего развития теоретической и практической составляющих вопроса антитеррористического сотрудничества.

Теоретические аспекты. Несмотря на наличие дискуссий по ряду спорных теоретических вопросов, как в доктринальных исследованиях, так и на уровне государств³ (классификация преступления терроризма как международного преступления; создание специального международного судебного учреждения по преступлениям терроризма или отнесение данного преступления к компетенции существующих международных трибуналов; преступление терроризма и национально-освободительные движения и др.), следует отметить, что данные дискуссии идут уже более полувека без видимого результата, который зачастую зависит от изменения не столько правовых позиций государств, сколько от политических.

³ Доклад Специального комитета по международному терроризму. Дополнение № 37 (A/34/37) // ООН, 1979.

Что же касается новых теоретических проблем, то их появление уже маловероятно, поскольку акты терроризма уже многократно и детально проанализированных в доктрине, что сводит на - нет практически любую возможность появления научной новизны в исследуемой области. Например, современные исследователи преступления геноцида, несмотря на частое обращение к рассматриваемой тематике, не добавляют к международно-правовой квалификации данного преступления новые аспекты. Аналогичная ситуация в сотрудничестве государств по борьбе с терроризмом. Растущее количество доктринальных исследований по этому вопросу не приводят к качественному изменению теоретических подходов к квалификации данного преступления.

Практические аспекты. Практическая плоскость антитеррористического сотрудничества выглядит наиболее перспективной. Здесь отмечается как поступательное движение по всеохватывающей юридической регламентации сложившихся в результате многолетней практики областей противодействия терроризму, так и образование новых механизмов, характеризующихся гибким подходом к выбору форм и методов сотрудничества. В рассматриваемой области можно отметить, как минимум, четыре направления.

Во-первых, диверсификация существующих направлений борьбы, что на практике выражается в заключении: 1) международных договоров, закрепляющих более широкую правовую регламентацию существующих составов преступлений⁴; 2) международных договоров, обобщающих все вероятные составы преступления терроризма в определенной области, а также методики противодействия им⁵; 3) международных договоров, предусматривающих меры по предупреждению актов терроризма, в отношении которых в настоящий момент существует международно-правовая регламентация⁶; 4) дополнительных протоколов к действующим антитеррористическим конвенциям⁷.

Во-вторых, международно-правовая регламентация сотрудничества государств в других областях противодействия преступности, имеющих прямое или косвенное отношение к контртеррористическому сотрудничеству⁸.

В-третьих, разработка общеобязательных механизмов сотрудничества в различных смежных областях, в первую очередь, обеспечение уважения и защиты прав человека. В данной сфере межгосударственного взаимодействия следует выделить такие направления как: 1) разработка стандартов по защите прав жертв террористических актов,

⁴ В 2016 г. Россия выступила с инициативой разработки Международной конвенции о борьбе с актами химического терроризма, расширяющей существующую регламентацию, закрепленную в Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 г. Высказывалась точка зрения о необходимости распространения данного договора и на акты биологического терроризма.

⁵ Конвенция о борьбе с незаконными актами в отношении международной гражданской авиации 2010 г. (в силу не вступила), объединившая положения Конвенции о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов 1963 г., Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации 1971 г., Протокола о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию, дополняющий Конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации 1988 г., а также Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 г. и Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма 2005 г.

⁶ Конвенция о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения 1991 г.; Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 г.; Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г. (ответственность за публичное подстрекательство, вербовка, подготовка лиц к совершению актов терроризма); Дополнительный протокол к Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма 2015 г. (ответственность за умышленное участие в организации или группе в целях совершения актов терроризма, получение знаний и навыков в целях совершения актов терроризма, выезд за границу в целях терроризма и др.).

⁷ Протокол 2005 г. к Конвенции о физической защите ядерного материала 1980 г.; Протокол 2005 г. к Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства 1988 г.

⁸ Европейская конвенция о выдаче 1957 г.; Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г.; Конвенция Совета Европы о киберпреступности 2001 г.; Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма 2005 г.; Конвенция о взаимной правовой помощи и выдаче в целях борьбы с терроризмом 2008 г.

включающих в себя обязанность принятия превентивных мер для защиты индивида, чья жизнь находится под угрозой, от террористических актов [Борьба с терроризмом и защита прав человека, 2009, с. 30; Руководящие принципы в области прав человека и борьбы с терроризмом, 2003, с. 8], а также средств судебной защиты, в том числе эффективное расследование и судебное преследование предполагаемых преступников, защита свидетелей преступлений [Борьба с терроризмом и защита прав человека, 2009, с. 31], обеспечение возмещения ущерба пострадавшим [Руководящие принципы в области прав человека и борьбы с терроризмом, 2003, с. 9]; 2) разработка стандартов соблюдения прав человека при проведении контртеррористических мероприятий, в частности нормативное закрепление всех ограничений прав человека при проведении таких мероприятий, их необходимость и пропорциональность преследуемой цели, запрет дискриминационного или расистского отношения [Руководящие принципы в области прав человека и борьбы с терроризмом, 2003, с. 8-9], защита жизни лиц, оказавшихся в зоне проведения анти-террористических мероприятий [Борьба с терроризмом и защита прав человека, 2009, с. 128]; 3) разработка стандартов по обеспечению прав лиц, подозреваемых в совершении актов терроризма, в частности запрет пыток [Руководящие принципы в области прав человека и борьбы с терроризмом, 2003, с. 9], внесудебных казней [Борьба с терроризмом и защита прав человека, 2009, с. 123] и насильственных исчезновений⁹, предоставление компенсации жертвам незаконного ареста [Борьба с терроризмом и защита прав человека, 2009, с. 32].

В-четвертых, разработка и принятие мер по решению конкретных военных, техниче-

ских, оперативных и др. задач антитеррористического сотрудничества¹⁰.

Следует также отметить и параллельный процесс: усиление роли и вовлеченности в борьбу с терроризмом неправовых форм сотрудничества. Принимая во внимание тот факт, что согласование позиций и заключение соответствующего международного договора представляет собой длительный процесс, неподходящий для принятия неотложных мер реагирования, государства предпочитают упрощенные процедуры выработки решений. Таким образом, практические аспекты сотрудничества вместо международно-правовой регламентации все чаще находят отражение в рамках многосторонних¹¹ и двусторонних¹² договоренностей.

Как представляется, именно практические аспекты противодействия актам терроризма составят предмет будущих международно-правовых исследований и межгосударственных переговоров. При этом в силу складывавшейся десятилетиями практики решение новых практических задач, как правило, находится в плоскости вышеуказанных четырех направлений или их комбинаций. Безусловно, это не исключает возможности разработки конвенций по борьбе с преступлениями, не отраженными в международном праве (например, кибертерроризм). Однако и в этом случае, за исключением нового состава преступления, основа механизма противодействия будет строиться на уже закрепленных в антитеррористических конвенциях мерах, многократно подтвердивших свою эффективность.

Одной из тенденций, возникшей в результате усиления защитных мер от вероятных высокотехнологичных форм террористической деятельности (акты терроризма с при-

⁹ Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений 2006 г.

¹⁰ Соглашение между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой о размещении авиационной группы Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Сирийской Арабской Республики 2015 г.; Соглашение между Министерством обороны Российской Федерации и Министерством обороны Исламской Республики Пакистан о военном сотрудничестве 2014 г.

¹¹ Инициатива по безопасности в области распространения – механизм по предупреждению распространения оружия массового уничтожения, средств его доставки и соответствующих материалов; Глобальное партнерство против распространения оружия и материалов массового уничтожения и т.д.

¹² Российско-американские договоренности по урегулированию конфликта в Сирии, 15 июля и 9 сентября 2016 г.

менением оружия и материалов массового уничтожения, средств их доставки, нападения на АЭС и т.д.) стало обращение террористических организаций к наиболее примитивным, но при этом массовым методам запугивания. Речь идет об использовании «смертников», огнестрельного и холодного оружия, а также совершении преступлений без оружия как такового.

Одним из первых государств, пожелавших закрепить меры по борьбе с «террористами-смертниками» на международно-правовом уровне, был Израиль, заявивший в 2002 г. о намерении разработать соответствующий проект конвенции¹³. В настоящее время вопрос противодействия всем формам бомбового терроризма урегулирован в нескольких международных договорах¹⁴. Осознавая отсутствие необходимости дублировать положения существующих международных договоров, а также то, что противодействие «террористам-смертникам» представляет собой вопрос более организационно-технического характера, следует признать небольшие перспективы заключения такого международного договора.

Иная ситуация складывается в отношении таких резонансных преступлений как: нападение на редакцию газеты «Шарли Эбдо» 7 января 2015 г., нападение с холодным оружием на пассажиров поезда на юге Германии 18 июля 2016 г., нападение с холодным оружием на католическую церковь во Франции 26 июля 2016 г., использование грузовых машин в Ницце и Берлине 14 июля и 19 декабря 2016 г. Заметим, что противодействие подобным преступлениям, жертвами которых становятся граждане многих государств, не находит сегодня отражения в международном праве. Безусловно, сотрудничество по расследованию указанных актов терроризма идет на двустороннем и многостороннем уровнях на основе взаимности или общих договоров о сотрудничестве. В то же время отсутствие единого общеобязательного универсаль-

ного механизма по борьбе с данными преступлениями не приведет к качественному улучшению состояния международной безопасности.

Возникает вопрос о возможности разработки такого международного договора (как нового, так и дополняющего существующие), который смог бы объединить меры противодействия обозначенным актам. Основной проблемой, как видится, является общеуголовный характер преступлений. Причисление их к актам международного терроризма может создать негативную практику распространения данной квалификации на неограниченный круг противоправных деяний, в том числе и тех, что не являются актами терроризма. По такому пути пошли разработчики проекта Всеобщей конвенции по международному терроризму, предусмотревшие, что любое лицо совершает преступление, если оно незаконно и умышленно любыми средствами совершает деяние с целью причинить смерть или тяжкое телесное повреждение любому лицу; или серьезный ущерб государственному или правительственному объекту, системе общественного транспорта, коммуникационной системе или объекту инфраструктуры с намерением произвести значительное разрушение таких мест, объекта или системы, или когда такое разрушение влечет или может повлечь причинение крупного экономического ущерба, когда цель такого деяния в силу характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения. Высокая степень обобщения данного подхода имеет негативную сторону: например, причинение смерти или тяжкого телесного повреждения любому лицу с целью запугивания населения необязательно, по своей сути, представляет акт терроризма (убийство лицом граждан определенного иностранного государства

¹³ Израиль разработал конвенцию по борьбе с камикадзе. [Электронный ресурс]. // Режим доступа: <http://kommersant.ru/doc/369586>. Дата обращения: 09.03.2017.

¹⁴ Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 года, Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма 2005 г., а также разработанные на их основе международные договоры.

с целью запугать население может квалифицироваться как убийства, направленные возбуждение вражды по признакам национальности; под это определение подпадают и преступления серийных убийц).

По мнению автора, более прагматичным подходом будет выделение иного обобщающего критерия, свойственного всем актам терроризма последних лет: принадлежность причастных лиц к террористическим организациям. В связи с этим в качестве преступления должна рассматриваться принадлежность лиц к организации, признанной преступной (по аналогии с положениями ст. ст. 9-11 Устава Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси 1945 г.). Безусловно, сопутствующими вопросами станут и порядок признания организации преступной, и разные оценки деятельности отдельных организаций (например, Организация освобождения Палестины, Рабочая партия Курдистана, деятельность которых неодинаково квалифицируется государствами). Тем не менее, сегодня в отношении большинства террористических организаций и их действий государства имеют единое мнение.

Некоторые общие шаги в данном направлении были сделаны в ряде международных договоров. Так, преступлением считается совершение акта терроризма группой лиц, действующих с общей целью; организация других лиц или руководство ими с целью совершения акта терроризма; деятельность групп и организаций, поощряющих, подстрекающих, организующих, финансирующих или участвующих в совершении актов терроризма¹⁵; вербовка террористов¹⁶. Дальше всех в этом вопросе пошли разработчики Дополнительного протокола к Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма 2015 г., закрепившие в качестве преступления участие в организации или группе с целью терроризма: участие в дея-

тельности организации или группы в целях совершения или содействия совершению одного или более террористических преступлений (ст. 2). Однако универсальный подход к пониманию и решению проблемы в настоящий момент отсутствует.

Сегодня международно-правовые механизмы сотрудничества государств по борьбе с терроризмом не следует рассматривать исключительно с позиций очередного, промежуточного этапа становления универсальной системы антитеррористических мер. Сложившаяся система международных договоров и сформировавшаяся, отработанная десятилетиями практика взаимодействия, с одной стороны, а также политические позиции государств и первоочередной учет национальных интересов в вопросе обеспечения международного мира и безопасности – с другой, позволяют говорить о достижении на современном этапе качественных пределов антитеррористического сотрудничества. Вполне вероятно, что международное сообщество обозначило максимально возможные границы международно-правового регулирования борьбы с терроризмом. Дальнейшее сотрудничество, как уже было отмечено выше, возможно лишь в рамках количественного изменения: вариации и комбинации действующих межгосударственных механизмов.

Вышеуказанная природа комплексного явления терроризма и подходов к его противодействию не может не учитываться при определении сущности и общего направления международно-правовой регламентации антитеррористического сотрудничества. Данные аспекты устанавливают пределы как практического развития, так и (с точки зрения международного права) границы научного исследования. Будучи не единственным средством регулирования отношений по борьбе с терроризмом, международное право способно предло-

¹⁵ Ст. 7 Конвенции о физической защите ядерного материала и ядерных установок 1980 г.; ст. 2, ст. 15 Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 г.; ст. 2, ст. 18 Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма 1999 г.; ст. 2, ст. 7 Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма 2005 г.; ст. 1 Конвенции о борьбе с незаконными актами в отношении международной гражданской авиации 2010 г.; ст. 2 Протокола, дополняющего Конвенцию о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 2010 г.

¹⁶ Ст. 6 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г.

жить пусть и не всеобъемлющую, но в то же время многоаспектную систему мер. Разработанные на основе международного права механизмы – это составная, юридическая, наиболее организованная и упорядоченная часть международного сотрудни-

чества, главное преимущество которой (в отличие от политических, экономических, религиозных и иных механизмов) – гарантия эффективности, обусловленная согласованной волей государств и обязательным характером нормативных предписаний.

Литература

1. Борьба с терроризмом и защита прав человека. Руководство. ОБСЕ, 2009. 312 с.
2. Змеевский А.В., Тарабрин В.Е. Терроризм. Нужны скоординированные усилия мирового сообщества // Международная жизнь. – 1996. – №4 – С. 14-17.
3. Латыпов У.Р. К вопросу об определении международного терроризма // Советский ежегодник международного права. – 1988.
4. Ляхов Е.Г. Политика терроризма – политика насилия и агрессии. М.: Междунар. отношения, 1987. 181 с.
5. Руководящие принципы в области прав человека и борьбы с терроризмом. Комитет Министров Совета Европы. 2003. 48 с.
6. Федянин В.Ю. Проблемы выработки универсального определения терроризма // Московский журнал международного права. – 1998. – № 1. – С. 12-28.
7. Cassese A. International criminal law. Oxford, 2003. 472 p.
8. Golder B., Williams G. "What is «terrorism»? : problems of legal definition", University of New South Wales Law Journal, vol. 27, 2004, pp. 270-295.
9. Lavalle R. "A politicized and poorly conceived notion crying out for clarification: the alleged need for a universally agreed definition of Terrorism", Zeitschrift fur auslandisches offentliches Recht und Volkerrecht, vol. 67, 2007, pp. 89-117.

Prospects for the International Legal Cooperation in the Struggle against Terrorism

*Ivan I. Sinyakin**

Abstract. At the present moment the international community has developed a multilevel system of coordinated and immediate counteractions, capable of eliminating any terrorist threats and challenges. However, spate and high rate of terrorist activities raise the question of the essence, possibility of preventive measures, effectiveness and prospects of current international cooperation on suppression of acts of terrorism. There is a wide-spread opinion that the international community is incapable of establishing mechanism on the basis of international law for suppression of modern acts of terrorism. The research of the specificity of states cooperation partially proves this opinion: modern system of counterterrorism cooperation is a limited mechanism. The article contains analysis of modern theoretical and practical aspects of international legal counterterrorism cooperation, and prospects for further development in the context of new threats and challenges.

Keywords: acts of international terrorism; international law; international peace and security.

.....
* Ivan I. Sinyakin – Ph.D in law, Associate professor of the Chair of International law MGIMO-University MFA Russia. ilc48@mail.ru.

References

1. Bor'ba s terrorizmom i zashhita prav cheloveka. Rukovodstvo [Counterterrorism efforts and human rights protection. Guidance] OBSE. 2009. 312 s.
2. Zmeevskij A.V., Tarabrin V.E. Terrorizm. Nuzhny skoordinirovannye usilija mirovogo soobshhestva [Terrorism. Need for orchestrated efforts of world community] // *Mezhdunarodnaja zhizn'*. – 1996. – №4 – S. 14-17.
3. Latypov U.R. K voprosu ob opredelenii mezhdunarodnogo terrorizma [Revisiting the definition of terrorism] // *Sovetskij ezhegodnik mezhdunarodnogo prava*. – 1988.
4. Liahov E.G. Politika terrorizma – politika nasilia i agressii. M.: Mejunarodnye otnoshenia, 1987. 181 p.
5. Rukovodjashhie principy v oblasti prav cheloveka i bor'by s terrorizmom. [Guidelines for the human rights and counterterrorism] Komitet Ministrov Soveta Evropy. 2003. 48 s.
6. Fedjanin V.Ju. Problemy vyrabotki universal'nogo opredelenija terrorizma [Formulation problems of the universal definition of terrorism] // *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava*. – 1998. – № 1. – S. 12-28.
7. Cassese A. International criminal law. Oxford, 2003. 472 p.
8. Golder B., Williams G. "What is «terrorism»?": problems of legal definition", *University of New South Wales Law Journal*, vol. 27, 2004, pp. 270-295.
9. Lavalle R. "A politicized and poorly conceived notion crying out for clarification: the alleged need for a universally agreed definition of Terrorism", *Zeitschrift fur auslandisches offentliches Recht und Volkerrecht*, vol. 67, 2007, pp. 89-117.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЯДЕРНОЕ ПРАВО

АРКТИКА: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ЯДЕРНОЙ СФЕРЕ

М.Н. Лысенко, Е.В. Киенко**, Н.С. Курова-Чернавина****

Аннотация. Россия сегодня является единственным государством, располагающим гражданским атомным флотом и эксплуатирующим его на Северном морском пути (СМП). Актуальна задача дальнейшего развития правовой базы обеспечения работы российских атомных ледоколов на СМП. В ближайшие годы на Чукотке планируется разместить первую плавучую АЭС. Назрел вопрос о принятии в России закона о финансовом обеспечении гражданской ответственности за ядерный ущерб и присоединении к Венской Конвенции в редакции 1997. Предстоит продолжить решение ядерно-экологических задачи в связи с ликвидацией «ядерного наследия» времен «холодной войны», в том числе определиться с затопленными в арктических морях радиоактивными объектами и отходами. В статье сделан вывод о том, что для решения арктических ядерно-экологических проблем действующая правовая база в целом достаточна. Требуются дальнейшие целенаправленные усилия заинтересованных арктических партнёров по ее имплементации и развитию. Важно также, чтобы нормы российского национального законодательства шли в ногу или опережали соответствующие тенденции в развитии международного права, применимого к региону.

Ключевые слова: Арктика; ядерно-экологические проблемы; атомные ледоколы; аварийное реагирование; плавучая атомная электростанция; «ядерное наследие».

.....
* Лысенко Михаил Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры Международного права МГИМО МИД России. mikelys@mail.ru.

** Киенко Елена Викторовна – соискатель кафедры Международного права МГИМО МИД России. miss.kienko@yandex.ru.

*** Курова-Чернавина Надежда Сергеевна – главный специалист Госкорпорации «Росатом». NSKurova-Chernavina@rosatom.ru.

Растущая интенсивность освоения Арктического региона Россией и другими заинтересованными странами упирается в ряд масштабных геополитических, экономических, природоохранных и иных проблем в контексте применимого международного права [Вылегжанин, 2013, с. 11-44]. Природная хрупкость региона требует особо бережного отношения к его экологии.

Одна из крупных проблем вызвана тем, что Арктика – это зона повышенной ядерно-экологической «нагрузки». Здесь расположены многочисленные ядерные объекты. В их числе атомные электростанции (АЭС): в России – 4 энергоблока Кольской АЭС и 4 энергоблока Билибинской АЭС (Чукотка)¹; в Швеции – 10 энергоблоков на трех действующих АЭС («Оскаршамн», «Рингхальс» и «Форсмарк»), а также остановленная АЭС «Барсбек»²; в Финляндии – 2 энергоблока АЭС Ловиииса, 2 энергоблока АЭС Олкилуото, идет подготовка к строительству Россией АЭС Ханхикиви с одним энергоблоком, имеется исследовательский реактор в Отаниеми³; в Норвегии – 2 исследовательских ядерных реактора⁴. В регионе расположены также военно-морские ядерные базы России и США, порты и маршруты российских атомных ледоколов, пункты хранения ядерного топлива и радиоактивных отходов, затопленные ядерные объекты и пр.

Понятно, что столь масштабная ядерная инфраструктура вкупе с общими региональными проблемами тесно «завязана» на международно-правовое регулирование.

Как отмечается в Концепции внешней политики Российской Федерации, «Российская Федерация исходит из достаточности

имеющейся международной договорно-правовой базы для успешного урегулирования путем переговоров всех возникающих в регионе вопросов... Россия проводит линию, направленную на сохранение мира, стабильности и конструктивного международного сотрудничества в Арктике»⁵.

Курс именно на конструктивное сотрудничество, в том числе на укрепление международно-правовых основ ядерной и экологической безопасности в регионе, остается весьма востребованным. Конкретно, речь идет о следующем.

1. Создание регионального механизма реагирования на ядерные аварии. В развитие Конвенции 1986 года об оперативном оповещении о ядерной аварии Россия заключила двусторонние соглашения с Данией, Норвегией, Финляндией, Швецией, рядом других стран по данному вопросу. Сейчас идет процесс углубления сотрудничества на основе этих договоров.

К примеру, в 2014 году был подписан Протокол о реализации практических мер по выполнению обязательств, предусмотренных Соглашением между Правительствами России и Норвегии об оперативном оповещении о ядерной аварии и об обмене информацией о ядерных установках. В Протоколе прописаны новые процедуры обмена информацией по различным аспектам ядерной и радиационной безопасности, охватывающие Кольскую и Ленинградскую АЭС, судовые реакторы, хранилища свежего и отработавшего топлива, исследовательские реакторы и прочие ядерные установки, находящиеся на всей территории Норвегии, а также в 300-километровой приграничной зоне в Российской Федерации⁶.

¹ Годовой отчет за 2015 год АО «Концерн Росэнергоатом». Режим доступа: http://www.rosenergoatom.ru/resources/cd4d37004d4cab5ca0faa16b99a98da8/Rea_2015_Report_RUS.pdf. Дата обращения: 27.03.2017.

² Бизнес-портал «Российское атомное сообщество». Режим доступа: <http://www.atomic-energy.ru/news/2013/12/05/45460>. Дата обращения: 27.03.2017.

³ В Норвегии произошла утечка на ядерном реакторе. 26 октября 2016 года. Режим доступа: <http://www.atomic-energy.ru/articles/2010/02/04/8672>. Дата обращения: 27.03.2017.

⁴ Бизнес-портал «Российское атомное сообщество». Режим доступа: <https://www.gismeteo.ru/news/proisshestiya/21370-v-norvegii-proizoshla-utechka-na-yadernom-reaktore>. Дата обращения: 27.03.2017.

⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации 30 ноября 2016 года. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/2542248. Дата обращения: 27.03.2017.

⁶ Официальный сайт Госкорпорации «Росатом». Режим доступа: <http://www.atomic-energy.ru/articles/2010/02/04/8672>. Дата обращения: 27.03.2017.

В 2016 году аналогичный документ подписан с Финляндией – Протокол о реализации практических мер по выполнению обязательств, предусмотренных Соглашением между Правительствами России и Финляндии об оперативном оповещении о ядерной аварии и об обмене информацией о ядерных установках⁷. Готовится такой документ со Швецией.

Опираясь на накопленный двусторонний опыт взаимодействия, было бы полезным создать многосторонний механизм регионального аварийного реагирования, заключив соответствующий договор о координации сотрудничества в развитие упомянутой Конвенции об оперативном оповещении, а также другой Конвенции – о помощи в случае ядерной аварии или радиационной аварийной ситуации⁸.

При подготовке договора можно опираться на имеющиеся аналогии из ряда документов, заключенных в рамках Арктического Совета. В их числе Соглашение 2013 года между Данией, Исландией, Канадой, Норвегией, Россией, США, Финляндией и Швецией о сотрудничестве в сфере готовности и реагирования на загрязнение моря нефтью в Арктике. Предусмотрено, в частности, создание «механизма или договоренности о координации реагирования на инцидент, вызывающий загрязнение нефтью, с возможностью,

если необходимо, мобилизации необходимых ресурсов»⁹.

Полезные аналоги можно найти и в заключенном между этими же странами Соглашении 2011 года о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике, согласно которому его участники обязуются содействовать «созданию, эксплуатации и поддержанию адекватного и эффективного поисково-спасательного потенциала»¹⁰.

2. Атомное судоходство. Россия сегодня является единственным государством в мире, располагающим и эксплуатирующим гражданский атомный флот на Северном морском пути (СМП)¹¹.

Освоению Арктического региона и СМП российское руководство придает повышенное значение. В ходе заседания Совета Безопасности Российской Федерации «О реализации государственной политики Российской Федерации в Арктике в интересах национальной безопасности» в 2014 году Президент В.В. Путин подчеркнул: «Регион этот традиционно был и остаётся в сфере наших особых интересов. Здесь сконцентрированы практически все аспекты национальной безопасности: военно-политический, экономический, технологический, экологический и ресурсный». Президент поставил задачу «не только в полной мере восстановить, но и качествен-

⁷ Россия и Финляндия подписали Протокол о реализации практических мер к действующему межправительственному Соглашению об оповещении о ядерных авариях и установках. 27 сентября 2016 года. Режим доступа: http://www.rosatom.ru/journalist/news/rossiya-i-finlyandiya-podpisali-protokol-o-realizatsii-prakticheskikh-mer-k-deystvuyushchemu-mezhptra/?sphrase_id=70552. Дата обращения: 27.03.2017.

⁸ Конвенция о помощи в случае ядерной аварии или радиационной аварийной ситуации от 1986 года // Международный режим ядерной и физической безопасности. Сборник основных документов / Госкорпорация «Росатом». М.: 2012. С. 67-78.

⁹ Соглашение о сотрудничестве в сфере готовности и реагирования на загрязнение моря нефтью в Арктике. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/49906518>. Дата обращения: 27.03.2017.

¹⁰ Соглашение о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании. Режим доступа: https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/531/EDOCs-1912-v1-CMMDK07_Nuuk_2011_Arctic_SAR_Agreement_unsigned_RU.PDF?sequence=6&isAllowed=y. Дата обращения: 27.03.2017.

¹¹ В составе такого флота, входящего во «ФГУП «Атомфлот» Госкорпорации «Росатом», шесть атомных судов: 2 атомных ледокола с двух-реакторной ядерной энергетической установкой мощностью 75 тыс. л.с. — «Ямал» и «50 лет Победы»; 2 атомных ледокола с малой осадкой с однореакторной установкой мощностью 50 тыс. л.с. — «Таймыр» и «Вайгач»; атомный ледокол «Советский Союз» - в эксплуатационном резерве, без ядерного топлива; атомный лихтеровоз-контейнеровоз «Севморпуть» с реакторной установкой мощностью 40 тыс. л.с. Строятся два универсальных атомных ледокола «Арктика» и «Сибирь», способных как плавать по морю, так и заходить в северные реки. Ведется проектирование супер-ледокола «Лидер». - Росатом. Корпорация знаний. Корпорация будущего. Публичный годовой отчет. Итоги деятельности Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» за 2015 год. // Основные результаты. 3.9 Атомный ледокольный флот. С. 113-114.

но усилить наши позиции» в Арктике, в том числе «ускорить строительство судов ледового класса, новых атомных и дизельных ледоколов»¹².

Согласно «Стратегии развития судостроительной промышленности до 2020 года и на дальнейшую перспективу», для выполнения прогнозируемых объемов работ на период до 2030 г. по транспортировке углеводородов континентального шельфа «необходимо будет построить 10 – 12 новых ледоколов (в совокупности с ледоколами различных типов, которые будут обеспечивать транспортные морские перевозки, их потребуется более 40 единиц)»¹³. Таким образом, очевидно, что программа развития атомного ледокольного судоходства в России имеет хорошие долгосрочные перспективы.

С точки зрения международного права, в вопросах навигации российского ледокольного флота какие-либо коллизии или неурегулированные вопросы не возникали и не предполагаются.

Наши атомные ледоколы работают только в пределах СМП – национальной транспортной артерии России. «Атомфлот» строго соблюдает международные правила. Они предусмотрены, в частности, в Главе VIII «Ядерные суда» Международной конвенции по охране человеческой жизни на море 1974 года, где регулируются вопросы радиационной безопасности при нахождении ядерных судов в море или портах, предоставления информации о ядерной безопасности, действий на случай аварии¹⁴.

Соблюдаются также положения Конвенции 1972 года по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов, согласно которой ее участники обязуются «способствовать принятию мер,

направленных на защиту морской среды от загрязнения, вызываемого радиоактивными загрязняющими веществами от всяких источников, включая суда»¹⁵.

Применяются нормы безопасности МАГАТЭ, известные как Правила безопасной перевозки радиоактивных материалов и другие документы.

Принятия каких-либо новых международных норм и договоров, регулирующих работу атомных ледоколов, в настоящее время *in casu* не требуется.

Одновременно напомним, что кроме России другие страны гражданского атомного флота не имеют и не строят. (Три ранее действовавших коммерческих атомных судна из эксплуатации выведены: американское грузопассажирское судно «Саванна», германский нефтяной танкер «Отто Ганн» и японское грузовое судно «Муцу».)

В то же время, целесообразно и далее развивать законодательную базу, закрепляющую юрисдикцию России над СМП, исходя из ее национальных интересов в Арктике.

На этом направлении ранее был принят ряд нормативно-правовых документов. В их числе Федеральный закон от 28.07.2012 №132-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственного регулирования торгового мореплавания в акватории Северного морского пути». Важным нововведением в Законе стало определение границы «акватории Северного морского пути», которая включает, помимо внутренних вод и территориального моря, прилежащую зону и исключительную экономическую зону Российской Федерации. В Законе закреплены важные правила эксплуатации СМП:

¹² Заседание Совета Безопасности по вопросу реализации государственной политики в Арктике. 22 апреля 2014 года. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/copy/20845>. Дата обращения: 27.03.2017.

¹³ «Стратегия развития судостроительной промышленности до 2020 года и на дальнейшую перспективу», утвержденной приказом №354 Минпромторга от 6 сентября 2007 года. Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/92194/#ixzz4Wr6z4GjA>. Дата обращения: 27.03.2017.

¹⁴ Международная конвенция по охране человеческой жизни на море 1974 года текст, измененный Протоколом 1988 года к ней, с поправками (СОЛАС-74) (с изменениями на 1 января 2016 года) (редакция, действующая с 1 января 2017 года). Глава VIII. Ядерные суда. Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-546886.html?page=36>. Дата обращения: 27.03.2017.

¹⁵ Конвенция по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dumping.shtml. Дата обращения: 27.03.2017.

1. «Организация плавания судов в акватории СМП осуществляется Администрацией Северного морского пути, созданной в форме федерального казенного учреждения».

2. «Выдача разрешений на плавание судов в акватории СМП осуществляется при условии выполнения судном требований, касающихся безопасности мореплавания и защиты морской среды от загрязнения с судов...и предоставления документов, удостоверяющих наличие... страхования или иного финансового обеспечения гражданской ответственности за ущерб от загрязнения либо другой причиненный судном ущерб».

3. «Оплата ледокольной проводки судна, ледовой лоцманской проводки судна в акватории СМП осуществляется исходя из объема фактически оказанных услуг»¹⁶.

На основании Закона приняты подзаконные документы, уточняющие статус, права и обязанности Администрации СМП, систему взимания платежей на содержание атомного ледокольного флота и пр.

Вместе с тем, эксперты указывают на то, что в России до сих пор не принят базовый федеральный закон в сфере регулирования СМП, который позволил бы «определить цели и задачи, инструменты государственной поддержки СМП, полномочия и ответственность органов власти всех уровней в этой сфере» [Наумкин, Шульгина, 2015, с. 17].

3. Развертывание плавучей атомной электростанции (ПАТЭС). В арктическом регионе имеются объективные сложности с энергообеспечением труднодоступных местностей, особенно дальневосточных

районов. В 2018-2021 годах подлежит выводу из эксплуатации действующая на Чукотке Билибинская АЭС с четырьмя энергоблоками¹⁷.

Для облегчения энергетического бремени Россия встала на путь строительства плавучих АЭС малой мощности. Первая в мире несамоходная ПАТЭС «Академик Ломоносов» сооружается на Балтийском заводе в Санкт-Петербурге. Станция будет оснащена двумя реакторными установками КЛТ-40С, разрабатываемыми «ОКБМ Африкантов», мощностью до 70 МВт электроэнергии и 50 Гкал/ч тепловой энергии. Этого достаточно для поддержания жизнедеятельности города с населением 100 тыс. человек. Плавучая станция может использоваться не только для получения электрической и тепловой энергии, но и для опреснения морской воды. ПАТЭС будет отбуксирована по СМП в г. Певек на Чукотке, где сооружается береговая инфраструктура, и пущена в эксплуатацию в 2019 году. К 2021 году ПАТЭС выйдет на полную мощность, окончательно заместив Билибинскую АЭС¹⁸.

Возможное приобретение ПАТЭС заинтересовало ряд государств. Проводились консультации с Китаем на предмет создания СП по совместному производству плавучих блоков¹⁹.

Тем не менее, в настоящее время речи об экспортных поставках или передачах ПАТЭС иностранным государствам не идет. Все инженерные, инфраструктурные, правовые и пр. вопросы эксплуатации первой ПАТЭС будут отрабатываться в пределах российской территории. Ко всем стадиям жизненного цикла ПАТЭС от транспортировки до пуска и вывода из эксплуатации

¹⁶ Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственного регулирования торгового мореплавания в акватории Северного морского пути». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133277. Дата обращения: 28.03.2017.

¹⁷ Официальный сайт Госкорпорации «Росатом». Режим доступа: <http://www.rosatom.ru/journalist/smi-about-industry/zagruzka-topliva-i-fizpusk-pates-zaplanirovany-v-i-polugodii-2017-goda>. Дата обращения: 27.03.2017.

¹⁸ Официальный сайт АО «ОКБМ Африкантов». Режим доступа: <http://www.okbm.nnov.ru/russian/lomonosov> Дата обращения: 27.03.2017.

¹⁹ Китаю нужны ПАТЭС. 8 декабря 2011 года. Российская сторона, отметив высокую степень готовности проекта головной ПАТЭС, сооружаемой в настоящее время в России, и наличие в своем распоряжении полного пакета проектной документации для создания референтной ПАТЭС в Китае, обозначила целесообразность подписания межправительственного соглашения для перехода к практическим шагам по реализации намерений двустороннего сотрудничества. Режим доступа: http://www.i-mash.ru/news/nov_otrasl/18628-kitaju-nuzhny-patjes.html. Дата обращения: 27.03.2017.

будут применимы действующие «стандартные» обязательства России по международному ядерному праву. Разработчики энергоблока заявляют, что он отвечает всем международным требованиям по надежности и безопасности, в том числе рекомендациям по ядерной и радиационной безопасности МАГАТЭ²⁰.

Таким образом, применительно к первой ПАТЭС не просматривается необходимости инициирования каких-либо новаций в нормах международного права. В случае же экспорта/передачи ПАТЭС другим государствам, очевидно, понадобится создание специального международно-правового инструментария. Некоторые рекомендации по практическим и международно-правовым аспектам эксплуатации ПАТЭС и их экспорта были выработаны в 2013 году в докладе МАГАТЭ «О правовых и институциональных вопросах обеспечения транспортабельных атомных станций»²¹. По мнению авторов доклада, необходимы будут двусторонние межправительственные соглашения, устанавливающие обязательства сторон – поставщика и получателя – по вопросам ядерной и радиационной безопасности, ядерного нераспространения, физической защиты и недопущения актов терроризма, ответственности за ядерный ущерб и пр.

4. Законодательное обеспечение гражданской ответственности за ядерный ущерб. Потенциально возможные аварийные риски на российских ядерных установках в Арктике (АЭС, ледоколы, технологические базы и пр.) с трансграничным радиоактивным загрязнением соседних стран подтверждают актуальность создания в России законодательно обеспеченного механизма компенсаций в случае ядерного ущерба.

В 2005 году Россия ратифицировала Венскую конвенцию 1963 года о гражданской ответственности за ядерный ущерб. Однако закона о реализации Конвенции и создании компенсационного финансового механизма у нас нет. Соответствующий проект федерального закона «О гражданской ответственности за причинение ядерного вреда и ее финансовом обеспечении» был принят в первом чтении в 1998 году. Но дальше дело не пошло²². Как результат, у нас сейчас не ограничена сумма компенсации за последствия ядерной аварии, что создает проблемы для ядерного страхования и осуществления проектов в области атомной энергетики в целом.

Между тем, жизнь идет вперед. В 1997 году был принят Протокол, которым в Венскую Конвенцию 1963 года внесен ряд принципиально важных поправок, корректирующих ее положения при сохранении неизменными самих принципов гражданской ответственности за ядерный ущерб²³.

Соответственно, назрел вопрос о принятии в России закона о финансовом обеспечении гражданской ответственности за ядерный ущерб и присоединении к Венской Конвенции в редакции 1997 года.

5. Ядерно-экологические задачи в связи с ликвидацией «ядерного наследия» времен «холодной войны». После распада Советского Союза наша страна приступила к демонтажу избыточных ядерных арсеналов. Из эксплуатации было выведено более 200 атомных подводных лодок (АПЛ), часть из них в аварийном состоянии. Однако для их утилизации не было создано необходимой инфраструктуры, в том числе системы хранения и утилизации отработавшего ядерного топлива и радиоактивных отходов. До 1998 года российские предприятия были

²⁰ Официальный сайт АО «ОКБМ Африкантов». Режим доступа: <http://www.okbm.nnov.ru/russian/lomonosov> Дата обращения: 27.03.2017.

²¹ Legal and Institutional Issues of Transportable Nuclear Power Plants: a Preliminary Study // International Atomic Energy Agency. Vienna, 2013. Режим доступа: http://www-pub.iaea.org/MTCD/Publications/PDF/Pub1624_web.pdf. Дата обращения: 27.03.2017.

²² «О гражданской ответственности за причинение ядерного вреда и ее финансовом обеспечении» // Информационно-аналитические материалы Государственной Думы. Режим доступа: <http://www.iam.duma.gov.ru/node/8/4724/16966>. Дата обращения: 27.03.2017.

²³ Венская конвенция о гражданской ответственности за ядерный ущерб 1997 года. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conv_nuclear.shtml. Дата обращения: 27.03.2017.

способны утилизировать не более 3-4 АПЛ в год²⁴. В условиях отсутствия бюджетного финансирования эти проблемы приобрели особо острый характер.

Россия была вынуждена принять содействие западных доноров. В рамках механизма Глобального партнерства «Группы восьми», многосторонних и двусторонних межправительственных соглашений Россия получила донорскую финансовую и техническую помощь. С этой помощью и частичного российского финансирования к началу 2016 года в общей сложности была проведена безопасная утилизация 198 из 201 списанных атомных подводных лодок²⁵. Осуществлена ядерно-экологическая реабилитация бывших береговых технических баз военно-морского флота в губе Андреева, поселке Гремиха и губе Сайда. Создана инфраструктура, обеспечивающая экологически безопасное и долговременное хранение реакторных отсеков утилизированных АПЛ. В частности, по словам губернатора Мурманской области М.В. Ковтун на встрече с Президентом России в январе 2017 года, на объекте «Сайда-Губа» при содействии Германии создана инфраструктура для «разделки» атомных подводных лодок, формирования реакторных отсеков обращения с ядерными отходами. Объект способен принять на хранение 155 реакторных отсеков АПЛ²⁶. В планах – вывоз до 2024 года с Кольского полуострова складированного отработавшего ядерного топлива (более 22 тыс. отработавших топливных сборок) и

радиоактивных отходов на переработку на ФГУП «ПО «Маяк», г. Озерск Челябинской области²⁷.

К настоящему времени большинство двусторонних соглашений и контрактов, заключенных в 1990-е годы под реализацию программы Глобального партнерства, истекло, либо находится на этапе завершения. Тем не менее, международное сотрудничество будет и далее востребовано, в частности, в деле аварийной готовности и реагирования, мониторинга окружающей среды, обращения с радиоактивными отходами и отработавшим ядерным топливом, вывода из эксплуатации ядерных объектов, а также по линии регулирующих органов.

Формально, договорно-правовая основа для такого сотрудничества на многосторонней основе остается. Это бессрочное (автоматически продлевается на последующие пятилетние периоды) Рамочное соглашение 2003 года о многосторонней ядерно-экологической программе в Российской Федерации (участники: Бельгия, Великобритания, Германия, Дания, Нидерланды, Норвегия, США, Россия, Финляндия, Франция, Швеция, Евросоюз, Европейское сообщество по атомной энергии)²⁸. Однако оно выстроено в ныне устаревшей правовой и политической конструкции: «стороны, оказывающие содействие» – в лице зарубежных доноров, и «получатель» помощи – в лице России. Очевидно, что такой формат Соглашения уже не жизнеспособен. При сохранении прописанных в Соглашении

²⁴ Аналитическая справка Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Режим доступа: <http://council.gov.ru/media/files/41d58bd72efd2e881a12.pdf>. Дата обращения: 27.03.2017.

²⁵ Приморье и Камчатка полностью освобождены от отработанного ядерного топлива подводных лодок // Официальный сайт Госкорпорации «Росатом». Режим доступа: http://www.rosatom.ru/journalist/smi-about-industry/glava-rosatoma-zayavil-chto-na-kamchatke-i-v-primore-bolshe-net-otrabotannogo-topliva-atomnykh-submarin-268/?sphrase_id=68202. Дата обращения: 27.03.2017.

²⁶ Рабочая встреча с губернатором Мурманской области Мариной Ковтун 12 января 2017 года. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/news/copy/53728www.rosatom.ru/journalist/smi-about-industry/rosatom-vypolnyayet-gosoboronzakaz-na-100-protseptov-i-tochno-v-srok-dolozhil-kirienko-putinu-183/?sphrase_id=65328. Дата обращения: 27.03.2017.

²⁷ На Ленинградской АЭС 13 сентября 2016 года завершилось 19-ое заседание Российско-норвежской комиссии по ядерной и радиационной безопасности // Официальный сайт Госкорпорации «Росатом». Режим доступа: http://www.rosatom.ru/journalist/news/na-leningradskoy-aes-proshlo-zasedanie-rossiysko-norvezhskoy-komissii-po-yadernoy-i-radiatsionnoy-be/?sphrase_id=67410. Дата обращения: 27.03.2017.

²⁸ Рамочное соглашение о многосторонней ядерно-экологической программе в Российской Федерации от 21 мая 2003 года // Перечень многосторонних международных договоров Российской Федерации // Официальный сайт МИД России. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/multilateral_contract/-/storage-viewer/multilateral/page-1/50497. Дата обращения: 27.03.2017.

весьма актуальных направлений сотрудничества – безопасность обращения с отработавшим ядерным топливом и радиоактивными отходами, ядерная и радиационная безопасность – дальнейшее сотрудничество необходимо выстраивать на основе иных принципов – равноправия и обоюдного долевого финансирования.

6. «Отложенные» ядерно-экологические задачи, в т.ч. решение проблемы затопленных радиоактивных объектов и отходов. Во второй половине XX века широко практиковалось захоронение в водах Мирового океана отработавшего ядерного топлива и радиоактивных отходов. В Советском Союзе затопления радиоактивных веществ и объектов в акваториях Арктики и Тихого океана начались с момента создания атомного флота в 1959 году и продолжались до 1993 года. США в свою очередь затопили в Мексиканском заливе десятки тысяч контейнеров с радиоактивными отходами.

К настоящему времени, в основном, объем данных по затопленным российским объектам в Арктике следующий: 17 тысяч контейнеров с твердыми радиоактивными отходами; 16 ядерных реакторов подлодок и ледоколов; аварийные атомные подводные лодки с невыгруженными реакторами (К-278 «Комсомолец» в 1989 году в Норвежском море и К-159 в 2003 году в Баренцевом море)²⁹.

В ряде официальных российских документов, в частности, в Морской доктрине Российской Федерации, поставлена задача осуществлять «контроль радиационной обстановки в местах захоронения радиоактивных отходов и атомных реакторов атомных

подводных лодок и атомных ледоколов в акватории архипелага Новая Земля»³⁰. Радиационную обстановку в Арктике регулярно отслеживают экспедиции МЧС и РАН. По данным экспертов, затопленные твердые радиоактивные отходы в настоящее время угрозы для природной среды не представляют, но требуют постоянного контроля³¹. В то же время специалисты полагают, что в перспективе в результате деградации защитных барьеров возможен выход долгоживущих радионуклидов в морскую воду. Будет крайне сложно поднять такие объекты или проводить работы по реабилитации акваторий [Антипов, Биляченко, Высоцкий и др., 2012, С. 120-121]. Таким образом, нет гарантий того, что рано или поздно эта ядерно-экологическая проблема не проявит себя. Её решение нельзя постоянно откладывать. Назрел вопрос об объединении международных усилий для совместной оценки приоритетов, рисков, методик и вариантов подъема или же окончательной консервации затопленных радиоактивных объектов в Арктике и других регионах. Каких-либо новых международно-правовых норм для проведения таких оценок не потребуется. Подводя итог, отметим, что для решения арктических ядерно-экологических проблем действующая международно-договорная база сейчас *ipso facto* в целом достаточна. Что требуется – это дальнейшие целенаправленные усилия совместно с заинтересованными арктическими партнёрами по ее имплементации и развитию. Важно также, чтобы нормы российского законодательства шли в ногу или опережали соответствующие тренды международного права.

²⁹ Независимая газета, 2001, 27 апреля; Хранилище радиоактивных отходов на Новой Земле разместят на глубине 100 м, безопасность обеспечена. 26 ноября 2015 год // Официальный сайт Госкорпорации «Росатом». Режим доступа: <http://www.rosatom.ru/journalist/radio>. Дата обращения: 27.03.2017.

³⁰ Морская доктрина Российской Федерации на период до 2030 г. от 26 июля 2015 года. Режим доступа: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/uAFi5nvux2twaqjftSSyrIZUVtJan77L.pdf>. Дата обращения: 27.03.2017.

³¹ Хранилище радиоактивных отходов на Новой Земле разместят на глубине 100 м, безопасность обеспечена. 26 ноября 2015 год // Официальный сайт Госкорпорации «Росатом». Режим доступа: <http://www.rosatom.ru/journalist/radio>. Дата обращения: 27.03.2017.

Литература

1. Антипов С.В., Билащенко В.П., Высоцкий В.Л., Сотников В.А., Хохлов И.Н. Оценка и прогноз состояния защитных барьеров объектов, затопленных в Арктике // Безопасность ядерных технологий и окружающей среды. – 2012. – №4. – с. 120-121.
2. Вылегжанин А.Н. Правовое положение Арктического региона в документах // Арктический регион: проблемы международного сотрудничества. Хрестоматия в 3 томах. Том 3. Применимые правовые источники. Гл. ред. И.С. Иванов. – М.: 2013. – с. 11-44.
3. Международное право. В 2 ч. Ч. 1: учебник для академического бакалавриата / под ред. А.Н. Вылегжанина. – 3-е изд. перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2016. – 312 с. – Серия: Бакалавр // Академический курс. – Глава 8. Правовой режим Арктики. С. 109.
4. Наумкин А.П., Шульгина Н.А. Государственное регулирование развития Северного морского пути (вопросы нормативно-правового обеспечения) // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации «Проблемы законодательного регулирования в сфере развития Северного морского пути и Арктической зоны Российской Федерации». – 2015. – № 6 (559). – С. 17.
5. Радиоактивная угроза исходит с морского дна // Независимая газета, 2001. 27 апреля.

Experience and Prospects for the International Legal Cooperation in the Nuclear Area in the Arctic Region

Mikhail N. Lysenko, Elena V. Kienko**, Nadejda S. Kurova-Chernavina****

Abstract. The article contains analysis of nuclear environmental problems of the Arctic region under the International Law. It seems important to further develop cooperation to strengthen the international legal framework for nuclear and environmental security in the region, and to improve the Russian national legislation. Such cooperation should be aimed, inter alia, at creating a regional treaty mechanism for responding to potential nuclear accidents by concluding an appropriate intergovernmental agreement on coordination of cooperation under the Conventions on Early Warning Notification and on Assistance in the Case of a Nuclear Accident or Radiological Emergency. Russia is the only state in the world that owns and operates a civilian nuclear icebreaker's fleet on the Northern Sea Route. In the coming years the first floating nuclear power plant will start operating in the Chukotka Peninsula. In case of its export abroad, it will be required to create additional international legal instruments. Russia has ratified the 1963 Vienna Convention on Civil Liability for Nuclear Damage but has not yet adopted legislation on its financial implementation. It is required to adopt such a law as well as to accede to the revised 1997 Vienna Convention. Nuclear-ecological problems in connection with the elimination of the "nuclear legacy" of the Cold War are still on top of the agenda. That includes the fate of the radioactive stuffs and waste flooded in the Arctic seas. The main conclusion of the article is that the existing international legal base is ipso facto sufficient for the continued solution of Arctic nuclear ecological problems. Additional focused efforts of all interested Arctic partners are required.

Keywords: Arctic; nuclear and environmental problems; icebreakers; nuclear emergency response; nuclear legacy; nuclear liability.

* Mikhail N. Lysenko – Ph.D. in Law, Associate Professor of the Chair of International Law MGIMO-University MFA Russia. mikelys@mail.ru.

** Elena V. Kienko – Post-graduate student of the Chair of International Law MGIMO-University MFA Russia. miss.kienko@yandex.ru.

*** Nadejda S. Kurova-Chernavina – Chief specialist of the State Atomic Energy Corporation Rosatom. NSKurova-Chernavina@rosatom.ru.

References

1. Antipov S.V., Bilashhenko V.P., Vysockij V.L., Sotnikov V.A., Hohlov I.N. Ocenka i prognoz sostojanija zashhitnyh bar'eroev ob'ektov, zatoplennyh v Arktike [The estimate and forecast of protective barriers of objects flooded in the Arctic Ocean] // Bezopasnost' jadernyh tehnologij i okruzhajushhej sredy // 2012. № 4, S. 120-121.
2. Vylegzhanin A.N. Pravovoe polozhenie Arkticheskogo regiona v dokumentah [Legal Status of the Arctic Region in Documents] // Arkticheskij region: problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva. Hrestomatija v 3 tomah. Tom 3. Primenimye pravovye istochniki. Gl. red. I.S. Ivanov. – M.: 2013. – s. 11-44.
3. Mezhdunarodnoe pravo [The International Law]. V 2 ch. Ch. 1: uchebnik dlja akademicheskogo bakalavriata / pod red. A.N. Vylegzhanina. – 3-e izd. pererab. i dop. – M.: Izdatel'stvo Jurajt, 2016. – 312 s. – Serija: Bakalavr // Akademicheskij kurs. – Glava 8. Pravovoj rezhim Arktiki. S. 109.
4. Naumkin A.P., Shul'gina N.A. Gosudarstvennoe regulirovanie razvitija Severnogo morskogo puti (voprosy normativno-pravovogo obespechenija) [The government control over the Northern Sea Route] // Analiticheskij vestnik Soveta Federacii Federal'nogo Sobranija Rossijskoj Federacii «Problemy zakonodatel'nogo regulirovanija v sfere razvitija Severnogo morskogo puti i Arkticheskoy zony Rossijskoj Federacii». № 6 (559). 2015. S. 17.
5. Radioaktivnaja ugroza ishodit s morskogo dna [The radiation hazard comes from the sea bed] // Nezavisimaja gazeta, 2001. 27 aprelja.

МЕЖДУНАРОДНОЕ И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ БОЕВИКАМ-ТЕРРОРИСТАМ И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО

*А.Г. Волеводз**

Аннотация: Проблема борьбы с иностранными боевиками-террористами (людьми, уезжающими за границу с целью принять участие в актах насилия в рамках мятежа или в составе негосударственной вооруженной группы, не связанных с их собственной страной) - относительно новое явление в международной системе противодействия терроризму. Кроме непосредственного участия в террористической деятельности на территориях зарубежных государств, возвращение из них иностранных боевиков-террористов является серьезным дестабилизирующим фактором для многих стран. Экстремисты, получившие боевой опыт в Сирии и Ираке, присоединяются к местным радикальным группировкам либо с нуля создают собственные законспирированные ячейки международных террористических групп, активно участвуя в подготовке терактов, сборе средств для финансирования терроризма, распространении радикальных настроений и вербовке новых последователей. Практика свидетельствует, что успешное противодействие иностранным боевикам-террористам невозможно без активного международного сотрудничества, которое нуждается в надлежащем правовом обеспечении, которое позволит создать согласованную между заинтересованными государствами систему противодействия выезду за рубеж лиц с террористическими целями, обеспечить их привлечение к ответственности за участие в террористической деятельности вне государств постоянного места жительства. В статье исследуются международно-правовые основы противодействия деятельности иностранных боевиков-террористов, начало формированию которых положено Резолюцией Совета Безопасности ООН 2178(2014) «Угрозы для международного мира и безопасности, создаваемые террористическими актами» и открытым для подписания 22 октября 2015 г. в Риге Дополнительным протоколом к Конвенции о предупреждении терроризма СЕ. Показано, что необходимость противодействия деятельности иностранных боевиков-террористов повлекла во многих странах мира формирование внутригосударственного законодательства об их уголов-

.....
* Волеводз Александр Григорьевич – доктор юридических наук, профессор МГИМО МИД России.
a.volevodz@inno.mgimo.ru.

ной ответственности. Аргументирован вывод о необходимости установления в российском законодательстве уголовной ответственности за выезд за границу в целях терроризма и другие деяния иностранных боевиков-террористов и их пособников.

Ключевые слова: иностранные боевики-террористы; международное сотрудничество; международно-правовые основы противодействия деятельности иностранных боевиков-террористов; криминализация; ООН; ОБСЕ; Совет Европы; Европейский союз.

Терроризм представляет собой уникальное и непрерывно меняющееся явление, а международное сотрудничество по установлению преступности и наказуемости террористических преступлений, уголовное преследование на основе гармонизированного в соответствии с международными договорами законодательства считаются ключевыми компонентами общего подхода государств и международного сообщества к эффективному предупреждению и пресечению терроризма [Волеводз, 2014, с. 70-93].

Именно этим во многом объясняется развитая международно-правовая база, включающая ныне широкий круг антитеррористических конвенций глобального и регионального уровня, а также дополняющие их двусторонние договоры.

Однако развитие террористической активности влечет за собой появление таких деяний, которые хотя и преследуют в конечном счете террористические цели, внешне не всегда похожи на террористические акты, отчего потенциалу их общественной опасности изначально не придается сколь-нибудь серьезного внимания. И лишь тогда, когда совокупность таких деяний преодолевает определенную «критическую массу», перед обществом и правоохранителями встают задачи по надлежащему реагированию на такие явления. Порой постановка

таких задач носит запоздалый характер, а предлагаемые решения не всегда оперативно внедряются в практику.

Именно такая ситуация сложилась с проблемой уголовно-правового противодействия деятельности *иностраных боевиков-террористов*, которые по данным ООН «ныне являются выходцами из более чем половины стран мира. В составе связанных с «Аль-Каидой» групп во всем мире, в том числе «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ или ДАИШ)¹, в настоящее время насчитывается более 25 000 иностранных боевиков-террористов, происходящих из более чем 100 государств-членов. Активность потоков сегодня выше, чем когда бы то ни было, и обеспечивается она в основном за счет лиц, прибывающих в Сирийскую Арабскую Республику и Ирак, все более очевидной становится и проблема в Ливии. Эти лица и их сети создают непосредственную и долгосрочную угрозу. Те из них, кто возвращается или впоследствии вернется в свои государства происхождения или в третьи страны, могут представлять постоянную угрозу для национальной и международной безопасности... Некоторые уже продолжают организовывать новые террористические акты, а другие займутся этим в будущем»². Их деятельность характеризуется высокой степенью общественной опасности не только на международной

¹ Деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации Решением Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. № АКПИ14-1424С.

² Анализ и рекомендации, касающиеся глобальной угрозы со стороны иностранных боевиков-террористов // Документ ООН S/2015/358, 19 May 2015.

арене, но и в регионах ранее «спокойных» в террористическом отношении: достаточно напомнить, что террористические акты последнего времени во Франции, Бельгии, Турции совершены именно возвратившимися в места постоянного проживания иностранными боевиками-террористами. Только за один год (с 2014 по 2015 г.) число преступлений, совершенных бывшими боевиками, выросло на 200%³.

Совещанием руководителей спецслужб, органов безопасности и правоохранительных органов, которое на постоянной основе ведет работу по актуализации коллективных оценок существующих угроз, связанных с терроризмом, и прогнозированию новых террористических угроз, в аналитическом материале «Согласованная оценка будущих террористических угроз» обращается внимание на общее увеличение масштаба связанных с терроризмом угроз, обусловленное возвращением иностранных боевиков-террористов в страны происхождения. В материале отмечается: «Возвращение «иностраных боевиков-террористов» является серьезным дестабилизирующим фактором для многих стран. Экстремисты, получившие боевой опыт в Сирии и Ираке, присоединяются к местным радикальным группировкам либо с нуля создают собственные законспирированные ячейки международных террористических групп, активно участвуя в

подготовке терактов, сборе средств для финансирования терроризма, распространении радикальных настроений и вербовке новых последователей»⁴. Помимо совершения террористических актов, иностранные боевики-террористы осуществляют другие виды деятельности. Они вербуют сторонников, мобилизуют ресурсы, способствуют распространению радикальных взглядов среди молодежи, обучают новые кадры, работают в сфере материально-технического обеспечения деятельности террористов, служат курьерами [Новикова, 2016, с. 83].

К сожалению, не осталась в этом процессе в стороне и Российская Федерация. Угроза безопасности РФ, исходящая от ИБТ, которые покидают свою родину и отправляются за границу для прохождения военизированной подготовки (зачастую называемой «подготовкой террористов») или для участия в вооруженных конфликтах, хорошо известна правоприменителям⁵, но, к сожалению, фактически остается вне пристального внимания отечественных исследователей, о чем свидетельствует весьма ограниченный круг научных публикаций, посвященных проблеме ИБТ [Арефьев, 2014, с. 4-10; Арефьев и Романенко, 2016, с. 169-178; Керимов и Красинский, 2016, с. 49-56; Яушева, 2016, с. 37-40].

Явление людей, уезжающих за границу для того, чтобы сражаться в составе вооруженных групп, не связанных с их

³ Letter Dated 13 May 2015 from the Chair of the Security Council Committee Established Pursuant to Resolution 1373 (2001) Concerning Counter-Terrorism Addressed to the President of the Security Council // Документ ООН S/2015/338, 14 May 2015.

⁴ Приложение к письму Постоянного представителя Российской Федерации при Организации Объединенных Наций от 30 декабря 2016 года на имя Генерального секретаря: Совещание руководителей спецслужб, органов государственной безопасности и правоохранительных органов: согласованная оценка будущих террористических угроз // Документ ООН A/71/738-S/2016/1139, 6 January 2017.

⁵ 16 октября 2015 г. президент России В. В. Путин в ходе заседания Совета глав государств – участников СНГ заявил: «По разным оценкам, на стороне ИГИЛ уже воюют от 5 до 7 тыс. выходцев из России и других стран СНГ. И мы, конечно, не можем допустить, чтобы они полученный сегодня в Сирии опыт позднее применяли бы у нас дома» // Заседание Совета глав государств СНГ. 16 октября 2015. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50515> (Дата обращения 10.12.2016). На коллегии Генеральной прокуратуры РФ 23 марта 2016 г. указывалось, что «по фактам участия наших граждан в боевых действиях в составе террористических группировок на территории Сирии и Ирака на сегодня расследуется более тысячи уголовных дел» // Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Ю.Я. Чайки на расширенном заседании коллегии, посвященном итогам работы в 2015 г. и задачам по укреплению законности и правопорядка в 2016 г. // URL: <http://www.genproc.gov.ru/smi/news/events/news-1067532/> (Дата обращения 10.12.2016). 29 января 2016 г. на заседании Национального антитеррористического комитета была озвучена еще более тревожная информация: «На сегодняшний день установлены более 2900 россиян, подозреваемых в причастности к деятельности международных террористических организаций в Сирии и Ираке» // URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2877907> (Дата обращения 10.12.2016).

собственной страной, можно описать с использованием различных терминов, в том числе таких, как иностранные добровольцы, транснациональные повстанцы, муджахеды (в отношении иностранных боевиков-мусульман) и иностранные боевики. Хотя иностранные боевики минимально связаны императивными нормами международного права, в том числе запретами произвольного лишения жизни, геноцида, рабства, расовой дискриминации, пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения, захвата заложников, коллективных наказаний и произвольного лишения свободы, с большой вероятностью можно утверждать, что они обязаны соблюдать применимые нормы международного гуманитарного права в ходе вооруженных конфликтов⁶. В вооруженных конфликтах немеждународного характера негосударственные вооруженные группировки, включая иностранных боевиков, не пользуются защитой, предоставляемой комбатантам в условиях международного вооруженного конфликта согласно Женевским конвенциям и Первому Дополнительному протоколу к ним, и могут преследоваться согласно национальному законодательству просто за участие в боевых действиях.

Под термином «иностранные боевики», как правило, понимаются лица, которые покидают страну своего происхождения или обычного проживания и которые в со-

ставе повстанческих или негосударственных вооруженных группировок принимают участие в насильственных актах в ходе вооруженных конфликтов⁷. Иностранные боевики мотивируются целым рядом факторов, в частности идеологических⁸. Опыт, накопленный с течением времени, показывает, что мобилизация иностранных боевиков оказывает существенное воздействие на будущие конфликты. Некоторые иностранные боевики перемещаются в другие зоны конфликтов, принося с собой свой опыт, навыки, ресурсы и сети.

На фоне притока иностранных боевиков в Сирийскую Арабскую Республику и Ирак сложилась более широкая трактовка термина «иностраный боевик» – «иностраный боевик-террорист». С точки зрения его современного использования, этот термин охватывает не только отдельных лиц, совершающих поездки с целью принять участие в актах насилия в рамках мятежа или в составе негосударственной вооруженной группы, но и другие формы содействия, поддержки или связи с негосударственными вооруженными группами.

Опасность деятельности иностранных боевиков-террористов и их пособников, а также возникающие в предупреждении и пресечении их деятельности трудности, особенно на уровне межгосударственного сотрудничества, во многом предопределили озабоченность проблемой и поиск возмож-

⁶ Во время вооруженных конфликтов иностранные боевики обязаны — равно как и все другие члены государственных вооруженных сил или негосударственных вооруженных групп, являющихся сторонами в конфликте, — соблюдать применимые нормы международного гуманитарного права, в частности минимальные стандарты, записанные в статье 3, общей для четырех Женевских конвенций 1949 года, и касающиеся обращения с гражданскими лицами и другими лицами, не принимающими или переставшими принимать активное участие в военных действиях и их защиты. Это включает запрещение убийства, пыток и взятия заложников. Обычное международное гуманитарное право требует от всех сторон в конфликте уважать принцип различия и пропорциональности в их военных операциях и запрещает нападения, главная цель которых заключается в терроризировании. Серьезные нарушения гуманитарного права, включая акты терроризма, могут приравниваться к военным преступлениям и могут влечь персональную уголовную ответственность.

⁷ Geneva Academy of International Humanitarian Law and Human Rights, Foreign Fighters under International Law, Academy Briefing No. 7, October 2014.

⁸ Не существует никакого типичного профиля иностранных боевиков. Люди могут руководствоваться различными причинами для совершения поездок, и мотивы, побуждающие к тому, чтобы стать иностранным боевиком, также могут меняться с течением времени. Мотивирующие факторы можно сгруппировать в причины, увязываемые с: самосознанием; поиском большего смысла в жизни; желанием принадлежать к группе или добиться признания со стороны людей, равных по положению; скукой; отчуждением; приверженностью идеологии, такой как религия; родством, национализмом или патриотизмом; и гуманитарными причинами, а именно защитой местного населения. Финансовая или материальная выгода представляется одним из факторов, среди многих других, которыми могут мотивироваться иностранные боевики.

ных правовых механизмов, которые будут способствовать борьбе с ИБТ путем объединения усилий заинтересованных государств.

В этой связи международное сотрудничество в борьбе с иностранными боевиками-террористами могло бы быть усилено посредством разработки надлежащих правовых рамок и принятия эффективных мер административного регулирования в целях ужесточения контроля за боевиками, направляющимися в зоны конфликта и возвращающимися в свои соответствующие страны происхождения.

Формирование международно-правовых основ противодействия ИБТ

Данные обстоятельства во многом преопределили то, что 24 сентября 2014 года Совет Безопасности ООН, выразив озабоченность по поводу создания террористами и террористическими организациями международных сетей, в которые вовлечены государства происхождения, транзита и назначения и с помощью которых иностранные боевики-террористы и средства их поддержки переправляются из страны в страну, принял *Резолюцию 2178(2014) «Угрозы для международного мира и безопасности, создаваемые террористическими актами»*. В ней СБ ООН, в частности:

- призвал все государства к тому, чтобы они, действуя сообразно своим обязательствам по международному праву, сотрудничали в усилиях по борьбе с угрозой, которую представляют ИБТ, в том числе путем недопущения радикализации до уровня, порождающего терроризм, и вербовки ИБТ, включая детей, недопущения пересечения ИБТ национальных границ, предотвращения и пресечения оказания финансовой помощи ИБТ и разработки и осуществления стратегий привлечения к ответственности, реабилитации и реинтеграции возвращающихся ИБТ;

- постановил, что государства-члены должны в соответствии с международны-

ми стандартами в области прав человека и нормами международного миграционного права и международного гуманитарного права предотвращать и пресекать вербовку, организацию, перевозку и экипировку лиц, направляющихся в государство, которое не является государством их проживания или гражданства, для целей совершения, планирования, подготовки или участия в совершении террористических актов или для подготовки террористов или прохождения такой подготовки, а также финансирование их поездок и их деятельности;

- постановил, что все государства должны обеспечить, чтобы в их внутригосударственных законах и нормативных положениях такие действия квалифицировались как достаточно серьезные уголовные правонарушения, позволяющие осуществлять преследование и наказание в объеме, надлежащим образом отражающем серьезность этого правонарушения, в отношении их граждан, которые совершают или пытаются совершить поездку в государство, которое не является их государством проживания или гражданства, и других лиц, которые совершают или пытаются совершить поездку с их территорий в государство, которое не является их государством проживания или гражданства, для целей совершения, планирования, подготовки или участия в совершении террористических актов или для подготовки террористов или прохождения такой подготовки⁹.

Требования Резолюции 2178 (2014) в отношении криминализации предусматривают необходимость:

а) обеспечить, чтобы в национальном законодательстве была предусмотрена уголовная ответственность за все связанные с иностранными боевиками-террористами преступления, упомянутые в резолюции 2178 (2014), и за все соответствующие преступления, упомянутые в резолюции 1373 (2001);

б) обеспечить, чтобы все подготовительные действия и преступления с усе-

⁹ Резолюция 2178 (2014) «Угрозы для международного мира и безопасности, создаваемые террористическими актами», принятая Советом Безопасности на его 7272 м заседании 24 сентября 2014 года // Документ ООН S/RES/2178 (2014), 24 September 2014.

ченным составом, о которых идет речь в резолюциях Совета Безопасности и международных документах о противодействии терроризму, были квалифицированы в национальном законодательстве как серьезные уголовные преступления и чтобы любое соответствующее определение террористического преступления было ясным и четким, обеспечивая тем самым соблюдение принципа законности;

В рамках реализации Резолюции 2178(2014) Глобальным контртеррористическим форумом был разработан и 19 сентября 2014 г. принят *Гаагско-Марракешский меморандум о более эффективной борьбе с феноменом иностранных боевиков-террористов*¹⁰, содержащий рекомендации, призванные служить подспорьем при разработке стратегий, программ и подходов, направленных на борьбу с ИБТ, включающие:

- предупреждение, выявление и пресечение вербовки и пособничества (Рекомендации 1-4),
- обнаружение и предупреждение отъезда ИБТ и их участия в военных действиях (Рекомендации 5-9),
- выявление ИБТ после их возвращения и принятие к ним соответствующих мер (Рекомендации 10-14),
- выявление насильственного экстремизма (Рекомендации 15-18).

Согласно Рекомендации 6 *Гаагско-Марракешского меморандума* заинтересованным «государствам необходимо разработать и реализовать соответствующие правовые меры и административные процедуры для эффективного привлечения преступников к уголовной ответственности и снижения опасности, представляемой ИБТ. Государства должны оценить пробелы в системе противодействия ИБТ по широкому спектру возможных недостатков, попытаться смягчить угрозу с помощью общегосударственного взаимодействия и по возможности ввести всеобъемлющие контртеррористиче-

ские правовые меры, предусматривающие уголовную ответственность за подготовку террористических преступлений. Особенно важно установление уголовной ответственности за поездку на территорию иностранного государства с целью вовлечения в конфликт или создание альтернативного правового механизма для привлечения ИБТ к уголовной ответственности, например, за оказание террористической организации материальной поддержки (включая финансирование и предоставление персонала). Если такие административные процедуры, как отказ в предоставлении социальных льгот или выдаче паспортов обоснованы с правовой точки зрения, то государства могут рассмотреть различные варианты. Для обеспечения комплексного подхода все механизмы должны координироваться различными правительственными структурами, вместе с иностранными партнерами и совместно с гражданским обществом или другими неправительственными партнерами».

Требования ООН по формированию системы мер противодействия деятельности ИБТ поддержаны Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе, Совет Министров которой 5 декабря 2014 г. принял *Декларацию о роли ОБСЕ в противодействии феномену иностранных боевиков-террористов в контексте выполнения Резолюций 2170 (2014) и 2178 (2014) Совета Безопасности ООН*. В ее пункте 1 содержится призыв к государствам-членам «в полной мере сотрудничать для того, чтобы находить, отказывать в убежище и передавать в руки правосудия на основании принципа «выдать или предать суду» иностранных боевиков-террористов в соответствии со своими международно-правовыми обязательствами и обязательствами в рамках ОБСЕ, касающимися осуществления положений международно-правовых рамок борьбы с терроризмом»¹¹.

Возможный вариант преодоления возникающих в этой деятельности юриди-

¹⁰ The Hague–Marrakech Memorandum on Good Practices for a More Effective Response to the FTF Phenomenon [Electronic resource]. “Foreign Terrorist Fighters” (FTF) Initiative. Electronic data (1 file). URL: http://www.thegctf.org/documents/10162/140201/14Sept19_The+Hague-Marrakech+FTF+Memorandum.pdf (01.11.2016).

¹¹ Документ ОБСЕ MC.DOC/5/14/Corr.1, 5 December 2014.

технических сложностей предложен Советом Европы (СЕ). В ноябре 2014 г. Комитет экспертов по борьбе с терроризмом (CODEXTER), являющийся руководящим комитетом СЕ, ответственным за разработку контртеррористической политики, рассмотрел вопрос об иностранных боевиках-террористах. 22 января 2015 г. Комитет Министров СЕ принял Круг ведения Комитета по вопросам иностранных боевиков-террористов и смежным вопросам (COD-СТЕ), которому было поручено подготовить Дополнительный протокол к Конвенции о предупреждении терроризма (CETS № 196) и рассмотреть проблему введения уголовной ответственности иностранных боевиков-террористов (во исполнение Резолюции 2178(2014) СБ ООН).

По результатам подготовительной работы 22 октября 2015 г. в Риге был открыт для подписания Дополнительный протокол к Конвенции о предупреждении терроризма (далее – Дополнительный протокол или Протокол)¹².

Согласно его Преамбуле *иностранными боевиками-террористами признаются лица, направляющиеся за границу с целью совершения, содействия или участия в совершении террористических преступлений или для подготовки террористов или прохождения такой подготовки на территории другого государства*.

В статьях 2-6 содержатся основные положения Протокола, которые обязывают Стороны признать в качестве уголовно-наказуемых следующие деяния с тем, чтобы иметь возможность преследовать виновных в совершении деяний, охватываемых положениями Протокола:

- участие в объединении или группе в целях терроризма (статья 2),
- прохождение подготовки террористов (статья 3),
- поездка за границу в целях терроризма (статья 4),
- финансирование выезда за границу в целях терроризма (статья 5),
- организация или облегчение каким-либо иным способом выезда за границу в целях терроризма (статья 6).

Согласно Протоколу поездкой за границу в целях терроризма является «поездка лица в государство, которое не является государством его проживания или гражданства, с целью совершения, содействия или участия в террористическом преступлении, или для подготовки террористов или прохождения такой подготовки» (ст. 4).

К настоящему времени Протокол подписан 34 государствами – членами СЕ и Европейским союзом. Российская Федерация, являющаяся участником Конвенции о предупреждении терроризма от 16 мая 2005 года, пока Протокол не подписала.

В Евросоюзе, уделяющем в последние годы пристальное внимание феномену иностранных боевиков-террористов, ныне завершается обсуждение проекта новой *Директивы Европейского Парламента и Европейского Совета о борьбе с терроризмом*¹³ (7 марта т.г. Совет ЕС единогласно принял проект Директивы в первом чтении¹⁴). В ней предусмотрено установление государствами-членами уголовной ответственности за выезд за границу в целях терроризма (статья 9), финансирование выезда за границу в целях терроризма (статья 10) и организацию или облегчение каким-либо иным способом выезда за границу в

¹² Additional Protocol^[1] to the Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism. [Electronic resource]. Council of Europe Treaty Series – №. 217. Electronic data (1 file). URL: <http://www.coe.int/tu/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/217> (Дата обращения: 09.03.2017).

¹³ DIRECTIVE OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL on combating terrorism and replacing Council Framework Decision 2002/475/JHA and amending Council Decision 2005/671/JHA // URL: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CONSIL:PE_53_2016_INIT&qid=1489185800451&from=EN (Дата обращения: 09.03.2017).

¹⁴ Voting result Directive of the European Parliament and of the Council on combating terrorism and replacing Council Framework Decision 2002/475/JHA and amending Council Decision 2005/671/JHA (First reading) Adoption of the legislative act 3526th meeting of the COUNCIL OF THE EUROPEAN UNION (General Affairs) 7 March 2017, Brussels // URL: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CONSIL:ST_7068_2017_INIT&rid=5 (Дата обращения: 09.03.2017).

целях терроризма (статья 11), пособничество, подстрекательство и покушение на такие преступления (статья 14), а предлагаемые формулировки этих нормативных предписаний аналогичны содержащимся в Дополнительном протоколе. Кроме того директивой предусмотрено возложение на государства – члены ЕС обязательства по установлению ответственности юридических лиц, если указанные выше преступления совершены с использованием их возможностей.

Осознание потребностей противодействия именно деятельности иностранных боевиков-террористов и их пособников повлекло за собой то, что отдельные государства приступили к формированию законодательства об уголовной ответственности ИБТ не дожидаясь результатов международных усилий по выработке общепризнанного определения этого явления. Данный шаг вполне объясним, если учесть, что подготовка и согласование международных договоров, в особенности глобального уровня, занимают длительное время. А эффективным способом осуществления Резолюции 2178(2014) и предупреждения формирования подразделений иностранных боевиков-террористов является недопущение выезда из стран происхождения и/или проживания тех лиц, которые пытаются влиться в ряды ИБТ, и их зарубежных поездок в зоны конфликтов.

Зарубежный опыт

К настоящему времени уголовная ответственность за деятельность ИБТ и их пособников установлена по крайней мере 30 государствами, которые приняли законы или политику с целью пресечь вступление их граждан в вооруженные экстремистские группы в иностранных государствах¹⁵. Их опыт весьма поучителен: законодатели сформулировали конкретные составы

преступлений исходя из особенностей уголовно-правовой доктрины и потребностей национальной уголовной политики. Рассмотрим некоторые примеры.

В ст. 1 Закона *Французской Республики* № 2014-1353 от 13 ноября 2014 г. об усилении мер по борьбе с терроризмом сформулированы следующие положения (включенные в Кодекс о внутренней безопасности, являющийся одним из источников уголовного права):

“Любому гражданину Франции может быть запрещено покидать территорию, если существуют серьезные причины полагать, что он планирует:

1) выехать за границу с целью участия в террористической деятельности;

2) или выехать на территории, в пределах которых действуют террористические группировки, если он по возвращении во Францию может посягнуть на общественную безопасность.

Решение о наложении на лицо запрета покидать территорию принимается министром внутренних дел на срок, не превышающий шести месяцев с момента уведомления заинтересованного лица...

С целью обеспечения исполнения запрета, с момента принятия решения о его наложении паспорт и внутренний документ, удостоверяющий личность заинтересованного лица, аннулируются. Выдача таких документов не допускается...

Лицо, покинувшее государственную территорию либо совершившее попытку покинуть ее в нарушение запрета, наказывается лишением свободы сроком на 3 года и штрафом в размере 45 000 евро.

Лицо, не сдавшее паспорт и внутренний документ, удостоверяющий личность, после получения уведомления о принятии в отношении него решения о запрете покидать территорию наказывается лишением свободы сроком на 2 года и штрафом в размере 4 500 евро»¹⁶.

¹⁵ Доклад Рабочей группы по вопросу об использовании наемников как средстве нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение. Документ ООН A/70/330, 19 August 2015. Пункт 53.

¹⁶ LOI n° 2014-1353 du 13 novembre 2014 renforçant les dispositions relatives à la lutte contre le terrorisme [Электронный ресурс] // URL: <http://legifrance.org/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000029754374&fastPos=1&fastReqId=1953780988&categorieLien=cid&oldAction=rechTexte> (Дата обращения: 14.11.2016).

Меры, связанные с возможным запретом покидать территорию государства, в обеспечение чего попавшее под запрет лицо обязано сдать на хранение в компетентный государственный орган свой паспорт и удостоверение личности, предусмотрены и законодательством *Великого Герцогства Люксембург*. Одновременно в УК Люксембурга 18 декабря 2015 г. включены нормы об уголовной ответственности:

- за подготовку к выезду за границу или выезд за границу для совершения террористических преступлений (ст. 135-15);

- за подготовку к выезду за границу или выезд за границу после официального запрета о таком выезде и уклонение от сдачи паспорта и (или) удостоверения личности (ст. 135-16).

За данные преступления предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от одного года до восьми лет и штраф в размере 2500-12500 евро. Для граждан Люксембурга предусмотрено дополнительное наказание – запрет на поездки за пределы территория государства на максимальный срок в один год¹⁷.

Пунктом 8 статьи 89с УК *Федеративной Республики Германии*, вступившим в действие 20 июня 2015 г., криминализован так называемый «террористический туризм» (*Terror-Tourismus*). В нем указано: «*Тот,*

кто готовит тяжкое насильственное преступление против государства и (или) с целью совершения такого преступления готовит (обучает) другое лицо или обучается для изготовления или для того, чтобы уметь обращаться с огнестрельным оружием, взрывчатыми веществами, взрывными устройствами, ядерными и иными радиоактивными веществами, веществами, содержащими яд или другими веществами, способными нанести вред жизни и здоровью людей, и для этого выезжает за пределы ФРГ, чтобы получить необходимые инструкции наказывается лишением свободы на срок от 6 месяцев до 10 лет»¹⁸.

Уголовное законодательство об ответственности ИБТ разработано и принято в Швейцарской Конфедерации¹⁹, Австралии²⁰, Итальянской Республике²¹, Испании²², Болгарии²³, Боснии и Герцеговине²⁴, Македонии²⁵ и ряде других государств [Волеводз, 2016, с. 101-111].

Выводы для России

В законодательстве Российской Федерации термин «иностранные боевики-террористы» пока не используется, а их деяния не получили криминализации в УК РФ ни как самостоятельный состав преступления, ни как одно из обстоятельств, отягчаю-

¹⁷ CODE PENAL 10 juillet 2016. Ministère de la Justice du Grand-Duché de Luxembourg.

¹⁸ Entwurf eines Gesetzes zur Änderung der Verfolgung der Vorbereitung von schweren staatsgefährdenden Gewalttaten (GVVG-Änderungsgesetz-GVVG-ÄndG) vom 05.05.15. [Электронный ресурс] // URL: http://www.bundesrat.de/SharedDocs/drucksachen/2015/0001-0100/36-15.pdf?__blob=publicationFile&v=1 (Дата обращения: 10.11.2016).

¹⁹ Ordonnance interdisant le groupe «Etat islamique» et les organisations apparentées (Ordonnance) art. 1 (Oct. 8, 2014). [Электронный ресурс] // URL: <http://www.admin.ch/bundesrecht/aop/00724/index.html?lang=fr> (Дата обращения: 14.11.2016).

²⁰ Australia, Counter-Terrorism Legislation Amendment (Foreign Fighter) Act 2014, No. 116 // URL: www.aph.gov.au/Parliamentary_Business/Bills_LEGislation/Bills_Search_Results/Result?bId=s976. (Дата обращения: 10.02.2016).

²¹ DECRETO-LEGGE 18 febbraio 2015. (15G00019) (GU n.41 del 19-2-2015). note: Entrata in vigore del provvedimento: 20/02/2015, ad eccezione dell'art. 15, commi 6-bis e 6-ter che entra in vigore il 1/06/2015. Decreto-Legge convertito con modificazioni dalla L. 17 aprile 2015, n. 43 (in G.U. 20/04/2015, n. 91) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:decreto.legge:2015-02-18;7!vig=> (Дата обращения: 01.09.2016).

²² Código Penal (Ley Orgánica N° 10/1995, de 23 de Noviembre de 1995, modificada por la Ley Orgánica N° 1/2015 de 30 de marzo de 2015) [Электронный ресурс] // URL: http://www.wipo.int/wipolex/en/text.jsp?file_id=379477 (Дата обращения: 30.08.2016).

²³ Наказателен кодекс на Република България [Электронный ресурс] // URL: http://www.vks.bg/vks_p04_04.htm#Раздел/IV (Дата обращения: 02.09.2016).

²⁴ Привлечение террористов к судебной ответственности: проблемы, связанные с судебным преследованием иностранных боевиков-террористов // Документ ООН S/2015/123, 23 February 2015. Пункт 18.

²⁵ Закон Бр. 07-3342/1 от 3 септември 2014 година за изменување на Кривичниот законик // Службен весник на Република Македонија. 5 септември 2014. Стр. 12-13. - Бр. 132.

щих ответственность террористов. Именно этим объясняется пока еще невысокая результативность расследования таких дел, а предупредительный потенциал существующего уголовно-правового запрета вряд ли может быть признан оптимальным. С такими же сложностями, обусловленными не соответствием уголовного законодательства практическим потребностям борьбы с иностранными боевиками-террористами, сталкиваются правоохранительные органы и суды других стран²⁶.

Принимая во внимание вовлеченность в террористическую деятельность на территории нашей страны именно ИБТ, а также аналогичную роль наших соотечественников за рубежом, изложенное позволяет однозначно высказаться за необходимость подписания Российской Федерацией Дополнительного протокола к Конвенции о предупреждении терроризма (Рига, 22.10.2015 года).

В рамках подготовки данного Протокола к ратификации следует инициировать дополнение УК РФ нормами об уголовной ответственности за предусмотренные Протоколом деяния. Оптимальным вариантом реализации обязательств, вытекающих из Протокола, может стать дополнение УК РФ, как минимум, новой статьей об уголовной ответственности за совершение поездки за границу с террористическими целями, в соответствии с которой такое деяние квалифицировалось бы в качестве оконченного преступления.

Подписание и ратификация Российской Федерацией Дополнительного протокола к Конвенции о предупреждении терроризма (Рига, 22.10.2015 года), введение в УК РФ норм об уголовной ответственности иностранных боевиков-террористов при надлежащей информационной поддержке этого процесса позволит:

во-первых, на уровне ООН и Совета Европы продемонстрировать высокий уровень правового обеспечения в РФ борьбы с новыми проявлениями терроризма;

во-вторых, стать примером для совершенствования внутригосударственного

уголовного законодательства стран – членов СНГ;

во-третьих, создать надлежащие условия для осуществления уголовного судопроизводства по делам в отношении таких лиц, ибо: облегчит собирание доказательств преступлений, связанных с деятельностью ИБТ и содействующих им лиц; позволит устранить уголовно-правовые препятствия международному сотрудничеству в сфере уголовного судопроизводства по делам о таких преступлениях, поскольку обеспечит соблюдение правила т.н. «двойной криминальности» (установления уголовной ответственности за преступления, являющиеся предметом конкретного сотрудничества, в уголовном праве как запрашиваемого, так и запрашивающего государства); будет способствовать преодолению юрисдикционных проблем, возникающих при привлечении собственных граждан к уголовной ответственности за совершенные за границей преступления;

в-четвертых, повысить уровень превентивного воздействия на лиц, которые только задумываются над такими поездками.

Международный (и прежде всего европейский) опыт показывает, что в каждой конкретной ситуации необходимо вырабатывать дифференцированный подход к возвращающимся боевикам, учитывая уникальные местные обстоятельства. Непримиримых надо подвергать уголовному преследованию или ставить под контроль спецслужб, раскаявшихся – интегрировать в общество и перевоспитывать [Казанцев, 2016, с. 29]. Следует согласиться с тем, что в настоящее время требуется реализовать целый комплекс мер по противодействию проникновению на территорию страны ИБТ и вовлечению российских граждан в террористическую деятельность за рубежом [Керимов, Халипова и Красинский, 2016, с. 178-186].

Представляется, что России надлежит определить и занять свое место в деятельности по формированию единого правового поля противодействия деятельности иностранных боевиков-террористов и их по-

²⁶ Документ ООН S/2015/123, 23 February 2015.

собников уголовно-правовыми средствами, приступив к активному участию в имеющихся международно-правовых докумен-

тах и практическому закреплению в действующем законодательстве вытекающих из этого обязательств РФ.

Литература

1. Арефьев А.М. Иностранные боевики-террористы: реалии и проблемы // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века – Counter-terrorism. 2014. № 4. С. 4-10.
2. Арефьев А.М., Романенко И.И. О пропагандистской деятельности в отношении граждан СНГ со стороны террористических и экстремистских организаций // Конфликтология. – 2016. – № 2. – С. 169-178.
3. Волеводз А.Г. Международный терроризм: национальная и международно-правовая криминализация // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2014. – № 1(5). – С. 70-93.
4. Волеводз А.Г. О криминализации деятельности иностранных боевиков-террористов и их пособников // Библиотека уголовного права и криминологии. – 2016. – № 4(16). – С. 101-111.
5. Казанцев А.А. Проблема вербовки и возврата боевиков-террористов: опыт Европы и перспективы России [гл. ред. И. С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: Спецкнига, 2016.
6. Керимов А.Д., Красинский В.В. О нейтрализации угроз безопасности, связанных с проникновением на территорию Российской Федерации членов международных террористических организаций и вовлечением российских граждан в террористическую деятельность за рубежом // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 6. – С. 49-56.
7. Керимов А.Д., Халипова Е.В., Красинский В.В. Обобщегосударственном комплексе мер по противодействию проникновению на территорию Российской Федерации участников международных террористических организаций и вовлечению российских граждан в террористическую деятельность за рубежом // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – № 2(7). – С. 178-186.
8. Новикова О.Н. Иностранные боевики: вызов безопасности Запада // Актуальные проблемы Европы. – 2016. – № 3. – С. 72-92.
9. Яушева А.Р. Феномен «иностранных боевиков» как угроза распространения терроризма в Великобритании // *Juvenis scientia*. – 2016. – №4. – С. 37-40.

International Legal Backgrounds to Regulate Counteractions Against of Foreign Terrorist Fighters and Interstate Law

*Aleksandr G. Volevodz**

Abstract. Combating foreign terrorist fighters (individuals who travel abroad to participate in acts of violence as part of an uprising or of a non-State armed group) is a relatively recent challenge to the global counterterrorism effort. In addition to their direct participating in terrorist activities in the territories of foreign States, their returning is a serious destabilizer for many States. Upon return and after having received training for terrorism in Syria and Iraq, these individuals may either join local groups or set up cells of the international terrorist networks. They actively contribute to the commission of terroristic acts, collection of funds to finance their terroristic activities, spreading of violent extremism and recruiting new members. Practically, an active international cooperation is a prerequisite to a successful combating of foreign terrorist fighters. This cooperation involves developing coordinated preventative measures in respect of travelling abroad for the purpose of terrorism as well as punishing those responsible for participating in terroristic activities in a State, which is not that of their residence.

* Aleksandr G. Volevodz – Doctor of Laws Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics MGIMO-University MFA Russia. a.volevodz@inno.mgimo.ru.

This article examines the international legal basis for combating foreign terrorist fighters. It includes the UN Security Council resolution 2178 (2014) on threats to international peace and security caused by foreign terrorist fighters and the Riga Additional Protocol to the Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism of 22 October 2015, opened for signature. The article further shows how the need to combat foreign terrorist fighters has led to the criminalization of their activities in many States. It concludes that the Russian legislator should also criminalize the fact of travelling abroad for the purpose of terrorism and other actions of the foreign terrorist fighters and their accomplices.

Keywords: foreign terrorist fighters; international cooperation; international legal basis for combating foreign terrorist fighters; criminalization; UN; OSCE; Council of Europe; European Union.

References

1. Aref'ev A.M. Inostrannye boeviki-terroristy: realii i problemy [Foreign terrorist fighters: reality and problems] // Protivodejstvie terrorizmu. Problemy XXI veka – Counter-terrorism - Counter-Terrorism. Challenges of the XXIst Century. – 2014. – № 4. – Pp. 4-10.
2. Aref'ev A.M., Romanenko I.I. O propagandistskoj dejatel'nosti v otnoshenii grazhdan SNG so storony terroristicheskikh i jekstremistskikh organizacij [On outreach activities of terrorism and extremist organizations to address the citizens of the CIS states] // Konfliktologija - Conflictology. – 2016. – № 2. – Pp. 169-178.
3. Volevodz A.G. Mezhdunarodnyj terrorizm: nacional'naja i mezhdunarodno-pravovaja kriminalizacija [International terrorism: national and international legal criminalization] // Biblioteka ugovnogo prava i kriminologii – Library of Criminal Law and Criminology. – 2014. – № 1(5). – Pp. 70-93.
4. Volevodz A.G. O kriminalizacii dejatel'nosti inostrannyh boevikov-terroristov i ih posobnikov [On criminalization of activities of foreign terrorist fighters and their accomplices] // Biblioteka ugovnogo prava i kriminologii – Library of Criminal Law and Criminology. – 2016. – № 4(16). – Pp. 101-111.
5. Kazancev A.A. Problema verbovki i vozvrata boevikov-terroristov: opyt Evropy i perspektivy Rossii [gl. red. I. S. Ivanov]; Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD) [The problem of recruiting and returning terrorist fighters: the experience of Europe and the prospects of Russia [Ch. Ed. IS Ivanov]; The Russian Council for International Affairs (INF)]. – M.: Special book, 2016.
6. Kerimov A.D., Krasinskij V.V. O nejtralizacii ugroz bezopasnosti, svjazannyh s proniknoveniem na territoriju Rossijskoj Federacii chlenov mezhdunarodnyh terroristicheskikh organizacij i vovlecheniem rossijskikh grazhdan v terroristicheskiju dejatel'nost' za rubezhom [On Neutralization of Threats to Safety, Related to Penetration, to the Territory of the Russian Federation, of Members of International Terroristic Organizations and Involvement of Russian Citizens in Terroristic Activity Abroad] // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo – Constitutional and Municipal Law. – 2016. – № 6. – Pp. 49-56.
7. Kerimov A.D., Halipova E.V., Krasinskij V.V. Ob obshhegosudarstvennom komplekse mer po protivodejstviu proniknoveniju na territoriju Rossijskoj Federacii uchastnikov mezhdunarodnyh terroristicheskikh organizacij i vovlecheniju rossijskikh grazhdan v terroristicheskiju dejatel'nost' za rubezhom [On the national package of measures to counter the penetration into the territory of the Russian Federation, members of international terrorist organizations and the involvement of Russian citizens in terrorist activities abroad] // Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij - Russian journal of legal studies. 2016. № 2(7). Pp. 178-186.
8. Novikova O.N. Inostrannye boeviki: vyzov bezopasnosti Zapada [Foreign fighters: Posing security challenges for the West] // Aktual'nye problemy Evropy - Urgent Problems of Europe. 2016. № 3. Pp. 72-92.
9. Jausheva A.R. Fenomen «inostrannyh boevikov» kak ugroza rasprostraneniya terrorizma v Velikobritanii [The phenomenon of «foreign fighters» as a threat of the spread of terrorism in the UK] // Juvenis scientia. 2016. № 4. Pp. 37-40.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИМЕНИМОГО ПРАВА В ДЕЛАХ О НАСЛЕДОВАНИИ ПО ЗАКОНУ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

*Е.В. Вершинина**, *А.Д. Фокина***

Аннотация. Статья посвящена проблемам, связанным с определением применимого права в делах о наследовании по закону в России, и поиску возможных путей их решения на основе опыта зарубежных стран. Целью исследования явился поиск путей дальнейшего совершенствования действующего российского коллизионного регулирования наследования по закону. Для достижения данной цели авторами был проведен сравнительный анализ преимуществ и недостатков российских и зарубежных нормативных актов, содержащих коллизионное регулирование наследования по закону. Во введении рассматриваются причины отсутствия единообразного нормативно-правового регулирования в сфере наследования по закону. В основной части статьи анализируются несовершенства положений Гражданского кодекса Российской Федерации и двусторонних договоров с участием Российской Федерации о праве, применимом в отношениях по наследованию, а именно расщепление коллизионной нормы и привязка к последнему месту жительства, которая не во всех случаях позволяет применить то право, с которым действительно связано наследственное правоотношение. Далее авторами исследуется коллизионное регулирование отношений наследования по закону в Гаагской конвенции о праве, применимом к вопросам наследования имущества умерших, от 1 августа 1989 года и в Регламенте (ЕС) № 650/2012 Европейского Парламента и Совета от 4 июля 2012 года «О юрисдикции, применимом праве, признании и исполнении решений, принятии и исполнении аутентичных актов по вопросам наследования, а также о создании Европейского сертификата о наследовании». На основе выявленных преимуществ коллизионного регулирования наследования по закону, содержащегося в указанных актах, авторы приходят к выводу о том, что действующая редакция статьи 1224 ГК РФ не свободна от несовершенств. В качестве возможных путей решения выявлен-

.....
* Вершинина Елена Валерьевна – доцент кафедры международного частного и гражданского права МГИМО МИД России, член Российской Ассоциации международного права, член Ассоциации юристов России.
elena.v.vershinina@gmail.com

** Фокина Александра Дмитриевна – соискатель кафедры международного частного и гражданского права МГИМО МИД России, член Российской Ассоциации международного права. alexandra-fokina@mail.ru.

ных проблем авторами предлагается установление более гибкого коллизионного регулирования и последовательное проведение принципа единства наследственной массы в делах наследования по закону в праве России.

Ключевые слова: наследование по закону; применимое право; наиболее тесная связь; Регламент ЕС; Гагская конвенция.

Введение

Наследственное право является одной из наиболее консервативных подотраслей гражданского права, поскольку исторически находится под влиянием норм морали, этики, религии, семейных укладов и национальных традиций, которые формируются с начала истории государства и отличаются зачастую не поддающимся изменению своеобразием [Абраменков, 2007, с. 76; Международное частное право, 2004, с. 441]. Данное утверждение справедливо и в отношении коллизионного регулирования наследования, где унификация затрудняется самой природой коллизионных норм, которые, являясь нормами частного права, обладают некоторыми свойствами публично-правовых норм ввиду их направленности на регулирование действий органа власти [Брун, 1915, с. 74-75]. Так, согласно п. 1 ст. 1186 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее – ГК РФ), право, которым регулируются гражданско-правовые отношения, осложненные иностранным элементом, определяется на основании международных договоров Российской Федерации, ГК РФ, а также законов и обычаев, признаваемых в РФ. Из данного закрытого перечня источников международного частного права России следует, что суды в Российской Федерации при определении применимого права не вправе применять нормы иностранного международного частного права.

Поскольку договоры о правовой помощи по гражданским делам, стороной которых является Россия, зачастую не содержат коллизионные нормы о наследовании, то в большинстве случаев именно коллизионное регулирование, содержащееся в ГК РФ, является обязательным для применения судами Российской Федерации.

Вероятно, именно эти особенности наследственного права в целом и коллизионного регулирования данной сферы в частности являются причинами отсутствия единообразного нормативно-правового регулирования международного наследования. Тем не менее создание унифицирующего акта в данной сфере могло бы минимизировать правовую неопределенность, вызванную различиями национального материального и коллизионного регулирования наследования. Попытка принятия такого международного соглашения была предпринята 1 августа 1989 года, когда на XVI сессии Гагской конференции по международному частному праву была подписана Конвенция о праве, применимом к вопросам наследования имущества умерших (далее – Гагская конвенция 1989 года)², в которой впервые был закреплён совершенно новый подход к коллизионному регулированию, предполагающий применение принципа наиболее тесной связи в качестве самостоятельной коллизионной привязки, а также был установлен принцип единства статута наследования. Несмотря на то, что Конвенция так и не вступи-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4552.

² Convention of 1 August 1989 on the Law Applicable to Succession to the Estates of Deceased Persons. Официальный сайт Гагской конференции по международному частному праву. Режим доступа: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=62> (дата обращения: 05.02.2017).

ла в силу, ее положения легли в основу Регламента (ЕС) Европейского Парламента и Совета от 4 июля 2012 года «О юрисдикции, применимом праве, признании и исполнении решений, принятии и исполнении аутентичных актов по вопросам наследования, а также о создании Европейского сертификата о наследовании» (далее – Регламент ЕС № 650/2012)³, который содержит общеевропейское коллизионное регулирование наследования и представляет новые и во многом успешные варианты решения коллизионных проблем, исследование которых представлено в настоящей статье.

Учитывая, что одним из направлений реформы раздела VI ГК РФ «Международное частное право», осуществленной в 2013 году путем принятия Федерального закона «О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации»⁴, стало существенное расширение гибкого коллизионного регулирования (так, принцип наиболее тесной связи не только стал применяться как общая коллизионная норма в силу ст. 1186 ГК РФ, но и был закреплен в качестве самостоятельной привязки в ст. 1188, 1211, 1213, 1216 ГК РФ) [Ходыкин, 2005, с. 84], а также принимая во внимание тот факт, что реформа до настоящего времени не охватила статью, регулируемую применимое право в делах наследования, целесообразно уделить внимание изучению проблем, связанных с действующим в России коллизионным регулированием наследования.

Статья 1224 ГК РФ и положения двусторонних договоров с участием России о праве, применимом в отношениях по наследованию.

Статья 1224 ГК РФ «Право, подлежащее применению к отношениям по наследованию» представляет собой классический пример расщепления коллизионной нормы, предусматривающей возможность одновременного применения в делах международного наследования по закону трех коллизи-

онных привязок. Основной коллизионной привязкой является привязка к праву последнего места жительства наследодателя на момент его смерти. Данная привязка, исходя из смысла нормы, регулирует основную часть наследственных правоотношений, за исключением наследования недвижимого имущества. В свою очередь, наследование недвижимого имущества определяется по праву страны, где оно находится, а наследование недвижимости, внесенной в государственный реестр Российской Федерации, – по праву Российской Федерации.

Важно подчеркнуть, что данная система коллизионных привязок не только не устанавливает их альтернативное применение, но и предполагает одновременность их действия в случаях, когда движимое и недвижимое имущество умершего находится на территории разных государств. В связи с этим возникает вопрос о соответствии действующего коллизионного регулирования наследования по закону одной из составляющих принципа универсальности правопреемства – фундаментального принципа наследования, закрепленного в ГК РФ в 2002 году в самом определении понятия наследования. Согласно ст. 1110 ГК РФ, открывающей главу 61 ГК РФ «Общие положения о наследовании», при наследовании вся совокупность прав и обязанностей наследодателя переходит к наследникам в порядке универсального правопреемства, то есть:

- в неизменном виде;
- как единое целое – *в данном положении сформулирован принцип единства наследственной массы;*
- в один и тот же момент.

Принцип единства наследственной массы выражается в том, что по наследству переходит все наследственное имущество (наследственная масса), то есть невозможно наследование лишь вещей или только отдельных вещей, запрещено принять актив, отказавшись от пассива наследственной массы [Гражданский кодекс Российской

³ Règlement (UE) № 650/2012 du Parlement Européen et du Conseil du 4 juillet 2012 relatif à la compétence, la loi applicable, la reconnaissance et à l'exécution des actes authentiques en matière de successions et à la création d'un certificat successoral européen // Journal officiel de l'Union européenne, 27.7.2012, p. 107-134.

⁴ Федеральный закон «О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» от 30.09.2013 № 260-ФЗ // Российская газета. – № 223. – 04.10.2013.

Федерации. Постатейный комментарий к разделу V: Наследственное право, 2013, с. 16].

В литературе неоднократно поднимался вопрос о противоречии действующей системы коллизионных привязок принципу единства наследственной массы [Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья (постатейный), 2015; Абраменков, 2007, с. 27], поскольку она неизбежно ведет к фактическому разделению наследственной массы на две части – движимое и недвижимое имущество, которые зачастую регулируются нормами различных правовых порядков. Такая раздельная система коллизионного регулирования свойственна странам общего права (США, Австралия, Великобритания), в то время как страны универсальной системы (Австрия, Испания, Германия и другие страны континентальной правовой семьи) отдают предпочтение единой коллизионной привязке, тем самым реализуя принцип единства статуса наследования [Гражданский кодекс Российской Федерации. Международное частное право. Постатейный комментарий к разделу VI, 2014, с. 183]. Несмотря на то, что ст. 1110 ГК РФ не применяется, если коллизионная норма российского права указывает на применение иностранного права, а в п. 1 данной статьи предусмотрена возможность отступления от принципа универсальности правопреемства, если это прямо предусмотрено в ГК РФ (к случаям такого расщепления наследства относятся, в частности, наследование невыплаченных сумм, предоставленных гражданину в качестве средств к существованию, право на определенные п. 1 ст. 1183 ГК РФ денежные суммы, причитающиеся нетрудоспособным иждивенцам наследодателя) [Основы наследственного права России, Франции и Германии, 2015, с. 5-6], противоречие ст. 1224 ГК РФ принципу единства наследственной массы проявится в полной мере, если он окажется закрепленным в качестве основополагающего принципа применимого к наследственным правоотношениям права иностранного го-

сударства. Поскольку коллизионная норма отсылает всегда к материальному праву соответствующей страны в целом (п. 1 ст. 1190 ГК РФ), а не к его отдельным нормам, неизбежно возникновение ситуаций, при которой сам факт урегулирования иностранным применимым правом какой-либо части, а не всей совокупности наследственной массы вступит в противоречие с принципом, лежащим в основе положений применимого иностранного права.

Исследователи в области международного частного права отмечают, что расщепление коллизионной привязки приводит к практическим трудностям, связанным, к примеру, с теми ситуациями, когда у российского гражданина, постоянно проживавшего и умершего за рубежом, имелся банковский вклад в Российской Федерации. Вклад является движимым имуществом, и, исходя из привязки к последнему месту жительства, применимым правом является право иностранного государства, в котором российский гражданин постоянно проживал, однако на практике наследник должен был обратиться к российскому нотариусу для выдачи свидетельства о праве на наследство [Ботанцов, Малкин, 2015, с. 107].

В литературе также отмечается, что одной из распространенных проблем действующего коллизионного регулирования является установление последнего места жительства наследодателя, что связано с неопределенностью понятия «место жительства» [Международное частное право, 2015, с. 522-524]. В силу действия п. 1 ст. 1187 ГК РФ, суд Российской Федерации при определении применимого права должен руководствоваться положениями ст. 20 ГК РФ, согласно которой место жительства – это место, где гражданин постоянно или преимущественно проживает. Более детализированное определение данному понятию находим в ст. 2 Закона РФ «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации»⁵, согласно которой место жи-

⁵ Закон РФ «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» от 25.06.1993 № 5242-1 // Российская газета. – № 152. – 10.08.1993.

тельства – это жилой дом, квартира, комната, жилое помещение специализированного жилищного фонда либо иное жилое помещение, в которых гражданин постоянно или преимущественно проживает в качестве собственника, по договору найма (поднайма), договору найма специализированного жилого помещения либо на иных основаниях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, и в которых он зарегистрирован по месту жительства. В связи с этим возникает проблема установления места жительства в тех государствах, где регистрация по месту жительства не является обязательной. Для определения места жительства в таких ситуациях используется большое количество документов (свидетельства и справки, выдаваемые зарубежными государственными властями, в которых содержится информация о месте жительства конкретного лица, длительности его проживания по тому месту жительства; свидетельства о праве собственности или аренды на недвижимость, о несении расходов по содержанию недвижимости и т.д.) [Настольная книга нотариуса, 2015, с. 154], однако сложившаяся практика не решает проблем правовой неопределенности, к примеру, в случае, если наследодатель сменил свое последнее место жительства незадолго до своей смерти, сохранив официальную регистрацию или жилой дом в собственности в ином государстве. В рассматриваемой ситуации ввиду отсутствия по российскому праву обязательного критерия продолжительности проживания в месте постоянного жительства суд Российской Федерации, скорее всего, признает последним местом жительства государство, в котором умерший был зарегистрирован.

Возможным решением проблем, связанных с привязкой к последнему месту жительства наследодателя, могла бы стать возможность применения права страны, с которой правоотношения наследования наиболее тесно связаны. Однако ст. 1224 ГК РФ, в отличие от иных норм российского международного частного права (например, п. 9 ст. 1211, п. 1 ст. 1213, п. 3 ст. 1219 ГК РФ), не предусматривает в прямо выраженной форме возможность установления

применимого права по принципу наиболее тесной связи. Более того, формулировка п. 1 ст. 1224 ГК РФ фактически исключает возможность определения статута наследования на основании иных норм, содержащихся в разделе VI ГК РФ: согласно п. 1 указанной статьи, отношения по наследованию определяются по праву страны, в которой наследодатель имел свое последнее место жительства на момент смерти, *«если иное не предусмотрено настоящей статьей»*. Привязка к месту жительства, несмотря на ряд недостатков, в большинстве случаев позволяет установить конкретное место, даже если оно не было фактическим последним местом жительства умершего. С учетом этого обстоятельства представляется затруднительным применение п. 2 ст. 1186 ГК РФ об определении применимого права на основании принципа наиболее тесной связи, поскольку основным условием его применения является невозможность определения права на основании источников международного частного права, перечисленных в п. 1 той же статьи (основным источником в отсутствие международного договора является ГК РФ). Исходя из того, что принцип наиболее тесной связи, являясь основой коллизионного регулирования в целом и будучи установленным в качестве привязки, которая может применяться независимо от ее указания в иных коллизионных нормах [Кабатова, 2001, с. 9; Ходыкин, 2002, с. 208-221], тем не менее специально устанавливается в ряде статей раздела VI ГК РФ в качестве самостоятельной коллизионной привязки (см. п. 9 ст. 1211, п. 1 ст. 1213, п. 3 ст. 1219 ГК РФ), его применение при определении применимого права в делах международного наследования на основании ныне действующих российских коллизионных норм может оказаться проблематичным.

Аналогичный подход к коллизионному регулированию наследования по закону используется и в международных договорах с участием Российской Федерации. Так, в ст. 45 Минской конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным де-

лам от 22 января 1993 года⁶ (далее – Минская конвенция) предусматриваются самостоятельные коллизионные привязки для движимого и недвижимого имущества, входящего в наследственную массу. Двусторонние договоры о взаимной правовой помощи также отдают предпочтение раздельному коллизионному регулированию движимых и недвижимых вещей. Разница регулирования заключается лишь в коллизионной привязке, применимой к наследованию движимого имущества: как правило, используется привязка к праву страны последнего места жительства наследодателя, но в некоторых договорах – к праву страны гражданства наследодателя (в договорах о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским и уголовным делам с КНДР, Венгрией, Румынией, Болгарией, Вьетнамом, Кубой). Использование единой коллизионной привязки, равно как применение принципа наиболее тесной связи для установления применимого права в делах о международном наследовании в договорах не установлено.

Коллизионное регулирование наследования в Гагской конвенции 1989 года и в Регламенте ЕС № 650/2012.

Возможность определения применимого права в делах наследования, осложненного иностранным элементом, на основании принципа наиболее тесной связи впервые была сформулирована в Гагской конвенции 1989 года. Несмотря на то, что Конвенция так и не вступила в силу, не набрав необходимого количества участников, интерес и важность ее изучения обусловлены тем, что, во-первых, Российская Федерация является участницей Гагской конференции по международному частному праву, в рамках которой была разработана рассматриваемая Конвенция, а во-вторых, идея о применении принципа наиболее тесной связи в делах международного наследования была относительно недавно реализована, как будет показано далее, в современном европейском праве.

Итак, нестандартное решение коллизионного вопроса в делах международного наследования содержится в ст. 3 указанной Конвенции, в которой отражен поиск баланса между двумя коллизионными привязками – правом государства гражданства и обычного места жительства.

Общая коллизионная привязка, устанавливающая право, применимое в деле международного наследования, указывает на право обычного места жительства (данную привязку разработчики предпочли в качестве более объективного критерия, чем место жительства, подразумевая под ним место действительного, фактического проживания [Медведев, 2007, с. 94]). Однако применение данной привязки обусловлено гражданством наследодателя на день смерти: наследование регулируется правом того государства, где умерший на момент своей смерти имел свое обычное место жительства, если в тот момент он имел гражданство данного государства (п. 1 ст. 3). Право страны обычного места жительства наследодателя применяется и в тех случаях, когда она не совпадает со страной гражданства наследодателя, если умерший проживал в государстве своего обычного места жительства не менее 5 лет, которые непосредственно предшествовали его смерти.

Тем не менее в исключительных случаях, если на момент смерти наследодатель *был очевидно более тесно связан (англ. was manifestly more closely connected)* с государством, гражданином которого он является, применяется право страны гражданства наследодателя (п. 2 ст. 3), то есть независимо от того, является ли оно правом государства его обычного места жительства, а также независимо от периода проживания в данном государстве.

Наконец, в иных случаях наследование регулируется правом государства, гражданином которого являлся наследодатель на момент своей смерти, за исключением случаев, когда на момент смерти умерший был более тесно связан с иным государством;

⁶ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Заключена в г. Минске 22.01.1993) (вступила в силу 19.05.1994, для Российской Федерации 10.12.1994) // Бюллетень международных договоров. – 1995. – № 2.

в таких случаях применяется право этого другого государства (п. 3 ст. 3). Иными словами, в п. 3 ст. 3 Гаагской конвенции 1989 года предусмотрено применение права любого государства, с которым наследодатель был более тесно связан, независимо от гражданства и времени проживания в нем, при одновременном соблюдении следующих условий:

- страна обычного места жительства умершего не совпадает со страной, гражданином которой он являлся на момент смерти;
- наследодатель менее 5 лет до момента своей смерти проживал в государстве, гражданином которого не являлся на момент смерти;
- наследодатель имел более тесную связь с государством, гражданином которого он не являлся, чем с государством своего гражданства.

Такое нестандартное применение принципа наиболее тесной связи в качестве *escape clause* исследователь в области частного права Ив Лекет (*Yves Lequette*) назвал единственным по-настоящему оригинальным инструментом Конвенции [Lequette, 1994, с. 177].

Наряду с принципом наиболее тесной связи Гаагская конвенция 1989 года закрепила и принцип единства наследственной массы, отраженный в материальной области действия статута наследования, охватывающий хотя и строго определенный, но весьма широкий круг вопросов, который может быть расширен в силу прямого указания внутреннего законодательства. Согласно ст. 7 Гаагской конвенции 1989 года, статут наследования регулирует следующий круг вопросов:

- определение круга наследников по закону и по завещанию, взаимные доли данных лиц, обязательства, возложенные на них наследодателем, а также права на наследство в силу смерти, включая суммы, которые взимаются с наследства органами судебной и иной власти в пользу лиц, приближенных к наследодателю;
- лишение наследства и признание наследника недостойным;

– наследственная масса, обязательные доли в наследстве и иные ограничения свободы распоряжения имуществом на случай смерти – именно в этом пункте обеспечивается принцип единства наследственной массы.

Идея о применении принципа наиболее тесной связи в делах международного наследования была успешно реализована на уровне Европейского Союза, в котором унификация коллизионного регулирования в делах международного наследования была ознаменована принятием Регламента ЕС № 650/2012, который вступил в силу 17 августа 2015 года. Регламент ЕС № 650/2012 предусматривает применение права страны, с которой наследодатель наиболее тесно связан, в исключительных случаях и при отсутствии выбора права наследодателем при жизни. Регламент ЕС № 650/2012 является в полной мере унифицирующим актом ЕС, поскольку он в обязательном порядке применяется во всех государствах-членах ЕС, кроме Великобритании, Ирландии и Дании, и со дня вступления в силу (с 17 августа 2015 года) полностью исключает применение национальных коллизионных норм государств-членов ЕС в делах международного наследования.

Следует отметить, что, в сравнении с Гаагской конвенцией 1989 года, Регламент ЕС № 650/2012 предусматривает гораздо более широкое применение принципа наиболее тесной связи в делах международного наследования при отсутствии сложной системы коллизионных привязок. Так, согласно п. 1 ст. 21 Регламента ЕС № 650/2012, если иное не предусмотрено положениями Регламента, правом, применимым ко всей совокупности наследства, является право государства, в котором умерший имел свое обычное место жительства на момент смерти. Понятие «*обычное место жительства*» (*фр. résidence habituelle, англ. habitual residence*) до сих пор не получило нормативного определения, однако с учетом п. 24 разъяснений к Регламенту ЕС № 650/2012 и практики Суда ЕС⁷ под ним понимается по-

⁷ CJCE 17 févr. 1977, Di Paolo, affaire 76/76; CJCE 23 avril 1991, Ryborg, affaire 297/89; CJCE 2 avril 2009, A., affaire 523/07. Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/>

стоянный или обычный центр жизни лица, его социальных и семейных интересов, который должен быть установлен в каждом случае с учетом всех обстоятельств конкретного дела (длительность и регулярность пребывания, намерение умершего установить там свой центр жизни, место получения доходов и т.п.).

Если в исключительных случаях из совокупности обстоятельств дела следует, что на момент своей смерти умерший демонстрирует явно более тесные связи с государством, отличным от государства, право которого подлежит применению в силу п. 1, то право именно этого государства признается применимым к наследованию (п. 2 ст. 21 Регламента ЕС № 650/2012). Европейский законодатель предусмотрел применение данной оговорки в качестве *escape clause* в тех ситуациях, когда все элементы наследования находятся в каком-либо государстве, включая предыдущее место жительства наследодателя, если последнее место жительства было установлено незадолго до смерти наследодателя [Popescu, 2014, p. 45].

Обращает на себя внимание и тот факт, что европейский законодатель не стремится в этой связи стимулировать применение национального права какого-либо государства-члена ЕС, поскольку ст. 20 Регламента ЕС № 650/2012 содержит прямое указание на применение права любого государства, к которому отсылает коллизийная норма Регламента, даже в том случае, если данное применимое право не является правом государства-члена ЕС.

Возвращаясь к вопросу о недостатке коллизийной привязки к праву *последнего* места жительства наследодателя на момент смерти в сравнении с *обычным* местом жительства, следует обратить внимание на еще одно качественное отличие Регламента ЕС № 650/2012 от Гаагской конвенции 1989 года, которое заключается в том, что европейский акт не устанавливает условий о сроке проживания, которые должны быть соблюдены для того, что государство могло было признано *обычным* местом жительства (в Гаагской конвенции 1989 года данный срок составляет 5 лет). Из этого следу-

ет, что применимым правом может являться не только право последнего места жительства, но и любого иного государства, где на момент смерти находился действительный центр жизни наследодателя.

Что касается привязки к праву страны гражданства наследодателя, то она предусмотрена исключительно для случаев, когда наследодатель самостоятельно осуществляет выбор применимого к наследованию права при жизни, причем данный выбор права является безальтернативным (п. 1 ст. 22). В международном наследовании по закону авторы Регламента сделали принципиальный выбор в пользу привязки к последнему обычному месту жительства наследодателя (*фр. la dernière résidence habituelle*) неслучайно. Данный отказ от привязки к стране гражданства наследодателя был обусловлен, во-первых, сложностью определения применимого права в случае наличия у наследодателя нескольких гражданств, а во-вторых, трудностями разрешения тех ситуаций, когда наследодатель учреждает собственность и владеет ею в государстве, отличном от государства гражданства. В последнем случае суды государств-членов ЕС фактически не обладали бы достаточной компетенцией в отношении имущества, находящегося на подсудной им территории, поскольку данное имущество регулировалось бы правом иного государства, которое не является правом суда (и которое, соответственно, менее знакомо суду, чем свое собственное). Авторы Регламента стремились прежде всего обеспечить применение судом своего национального права, что в большей степени достигается посредством привязки к обычному месту жительства. Ряд авторов выделяют также иные преимущества привязки к праву последнего обычного места жительства умершего в сравнении с правом гражданства:

1) применение данной привязки ведет в большинстве случаев к применению закона страны, с которой наследование имеет действительные и существенные связи, поскольку обычное место жительства находится в месте, где наследодатель установил свой «центр жизни» и где находятся его основные личные и имущественные

интересы, и именно в этой стране зачастую живут близкие наследодателя, которые являются потенциальными наследниками, и сконцентрировано наследственное имущество;

2) отсылка основной коллизионной нормы ведет к применению права места открытия наследства;

3) применение закона последнего обычного места жительства позволяет подчинить одним и тем же правилам наследования всех лиц, избегая применения дифференцированного регулирования в отношении лиц, являющихся гражданами данного государства, и иностранцев, и именно этот аргумент стал ключевым в выборе общеевропейского законодателя;

4) в отношении наследования между супругами исследуемая привязка, как правило, позволяет совместить право, регулирующее наследование, с правом, которое регулирует режим собственности супругов [Bonomi, Wautelet, 2015].

Следует отметить, что помимо успешного введения принципа наиболее тесной связи в качестве субсидиарной коллизионной привязки, в Регламенте ЕС № 650/2012 последовательно реализован принцип единства наследственного статута, включая принцип единства наследственной массы. В ст. 23 Регламента, регулирующей сферу действия применимого права, прямо установлено, что применимое право, определенное на основании положений ст. 21 (общие правила определения применимого права) и ст. 22 (выбор права) Регламента ЕС № 650/2012, регулирует всю совокупность наследования. В п. 2 указанной статьи уточняется сфера действия применимого права, которое регулирует буквально все аспекты международного наследования, а именно:

а) основание, время и дата открытия наследства;

б) определение самих бенефициаров, а также их долей и обязательств, которые могут быть возложены на них умершим; определение иных прав на наследство, включая наследственные права пережившего супруга или партнера;

с) наследственная правосубъектность;

д) лишение наследства или лишение

права наследовать недостойных наследников;

е) переход имущества, прав и обязанностей, составляющих наследство, к наследникам и, в зависимости от случая, к легатариям, включая условия и последствия принятия наследства или вычета из наследственной массы либо отказа от них;

ф) полномочия наследников, душеприказчиков и других управляющих имуществом в том, что касается продажи имущества, выплат кредиторам, с соблюдением прав, предусмотренных в п. 2 и 3 ст. 29;

г) ответственность по долгам, которыми обременено наследство;

h) свободно отчуждаемая по завещанию доля имущества (*фр. quotité disponible*), обязательные доли в наследстве и иные ограничения распоряжения имуществом *mortis causa*, а также права, которые могут предъявлять близкие наследодателя в отношении имущества и наследников;

и) отчет о подаренном имуществе и его восстановление при расчете частей различных бенефициаров;

j) распределение наследственной массы.

Следует отметить, что статут наследования, установленный в соответствии с положениями коллизионных норм европейского права, регулирует и наследственную правосубъектность (п.п. «с» п. 2 ст. 23 Регламента ЕС № 650/2012), которая регулируется личным статутом физического лица даже в государствах, придерживающихся принципа единства статута наследования (например, Испания). Данное утверждение справедливо и в отношении России: несмотря на то, что общая коллизионная привязка указывает на применимость права последнего места жительства наследодателя, право наследовать, входящее, согласно ст. 18 ГК РФ, в гражданскую правоспособность, определяется на основании личного закона физического лица, которым считается право страны, гражданство которой имеет лицо (п. 1 ст. 1195 ГК РФ). Несмотря на то, что применение положений Регламента ЕС № 650/2012 может привести к позитивным и негативным конфликтам юрисдикций [Морун, 2013, с. 46-47], можно утверждать,

что в Регламенте ЕС № 650/2012 последовательно и наиболее полно отражен принцип единства наследственного статута, что является позитивной практикой, перспективной с точки зрения заимствования в отечественном законодательстве.

Выводы

Обзор российского коллизионного регулирования наследования по закону, осложненного иностранным элементом, показал, что действующие положения ст. 1224 ГК РФ не свободны от несовершенств. В результате проведенного сравнительного анализа коллизионных норм ГК РФ, Гаагской конвенции 1989 года и Регламента ЕС № 650/2012 можно сделать следующие выводы.

Во-первых, особенность действующего в РФ коллизионного регулирования наследования по закону, выражающаяся в расщеплении коллизионной нормы и возможности одновременного применения трех коллизионных привязок, не в полной мере соответствует традиционному для стран континентальной правовой семьи принципу универсальности правопреемства, а именно принципу единства наследственной массы. Идея единства и неделимости статута наследования была сформулирована в Гаагской конвенции 1989 года и последовательно воплощена в Регламенте ЕС № 650/2012, в ст. 23 которого содержится не только прямое указание на то, что все наследственные правоотношения регулируются правом, применимым в силу указания коллизионной нормы, но и перечень вопросов, которые регулируются статутом наследования. Вероятно, данный подход, примененный и в Гаагской конвенции 1989 года, и в Регламенте ЕС № 650/2012, может быть заимствован российским законодателем, поскольку конкретизация объема коллизионной привязки путем составления примерного перечня вопросов наследования, к которому применяется статут наследования, способствовало бы повышению правовой определенности в коллизионном регулировании наследования по закону. Следует заметить в этой связи, что такая

техника не является новой для российского международного частного права: к примеру, ст. 1205.1 ГК РФ определяет открытый перечень вопросов, регулируемых правом, подлежащим применению к вещным правам.

Во-вторых, трудность полной реализации принципа универсальности правопреемства в наследственных правоотношениях, который во многом обусловлен единством статута наследования, объясняется также тем, что недвижимое имущество в Российской Федерации входит в сферу публичного интереса. С учетом того, что тесная связь с землей считается традиционным признаком недвижимости, перспектива регулирования имущества, внесенного в реестр РФ, правом, отличным от права России, в настоящий момент представляется трудно реализуемой. Однако с учетом европейского опыта и попытки унификации, предпринятой Гаагской конференцией по международному частному праву, данный вопрос требует дальнейшего изучения в целях поиска возможных путей наиболее полной реализации принципа универсальности правопреемства в наследственных правоотношениях, осложненных иностранным элементом.

В-третьих, действующее российское коллизионное регулирование фактически не позволяет применить право государства, отличное от права страны последнего места жительства наследодателя на момент смерти. Коллизионная привязка к праву *последнего* места жительства наследодателя в достаточной мере обеспечивает предсказуемость правового результата, однако последние изменения регулирования в зарубежных странах показывают, что эта привязка далеко не во всех случаях приводит к применению именно того права, которое по существу наиболее тесно связано с правоотношением, и существуют иные пути решения коллизионного вопроса в данной категории дел. В европейском праве используется, как представляется, более удачная коллизионная привязка к праву *обычного* места жительства наследодателя – действительному центру жизни лица, который устанавливается в каждом случае с учетом конкретных

обстоятельств дела, чего не позволяют действующие положения права России о месте жительства. Вместе с тем для преодоления недостатков российского правового регулирования представляется достаточным установить в качестве дополнительной коллизионной привязки к праву страны, где наследодатель имел последнее место жительства, привязку к праву страны, с которой наследодатель на момент смерти имел наиболее тесную связь. В частности, п. 1 ст. 1224 ГК РФ может быть дополнен абзацем

вторым, в котором устанавливалась бы возможность применения к правоотношениям наследования права государства, с которым на момент смерти наследодатель имел явно более тесную связь, чем с государством, где он имел последнее место жительства. Такая формулировка статьи соответствовала бы как позитивной европейской практике, так и общей тенденции российского международного частного права к расширению применения гибкого коллизионного регулирования.

Литература

1. Абраменков М.С. Наследование как разновидность универсального правопреемства: теоретические и практические проблемы в аспекте международного частного права / М.С. Абраменков // Журнал российского права. – 2007. – № 11.
2. Абраменков М.С. Проблемы коллизионно-правового регулирования наследственных правоотношений в современном международном частном праве: автореферат на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 12.00.03 / Михаил Сергеевич Абраменков. – Москва, 2007.
3. Ботанцов Д.В., Малкин О.Ю. Применение нотариусами коллизионных норм в сфере наследственных отношений // Актуальные проблемы права: материалы IV международной научной конференции (г. Москва, ноябрь 2015 г.). – М: Буки-Веди, 2015.
4. Брун М.И. Введение в международное право / М.И. Брун. – Петроград: Типография В.Ф. Киршбаума, 1915.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к разделу V: Наследственное право / Под ред. П.В. Крашенинникова. – М.: Статут, 2013.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации. Международное частное право. Постатейный комментарий к разделу VI / Под ред. П.В. Крашенинникова. – М.: Статут, 2014.
7. Кабатова Е.В. Изменение роли коллизионного метода в международном частном праве / Международное частное право: современная практика / Под ред. М.М. Богуславского и А.Г. Светланова. – М.: ТОН – Остожье, 2000.
8. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья (постатейный). 2-е издание / под ред. А.П. Сергеева. – Москва: Проспект, 2015.
9. Медведев И.Г. Комментарий к конвенциям в области имущественных отношений супругов и наследования. М.: Волтерс Клувер, 2007.
10. Международное частное право: учебник. / отв. ред. Н.И. Марышева. – М.: Юрист, 2004.
11. Международное частное право: учебник. В 2 т. Т.2: Особенная часть / МГИМО (У) МИД России; [отв. ред. С.Н. Лебедев, Е.В. Кабатова] / Медведев И.Г. Глава 12 «Наследственное право». – М.: Статут, 2015.
12. Морун Н. Международное наследование во Франции и России: содержание и влияние Регламента ЕС 650/2012 // Нотариус. – 2013. – № 6.
13. Настольная книга нотариуса: В 4 т. Т.4: Международное частное право, уголовное право и процесс в нотариальной деятельности / Под ред. И.Г. Медведева; Центр нотариальных исследований при Федеральной нотариальной палате. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2015.
14. Основы наследственного права России, Франции и Германии / Под общ. ред. Е.Ю. Петрова. – М.: Статут, 2015.
15. Ходыкин Р.М. Критерий наиболее тесной связи в международном частном праве / Ходыкин Р.М. // Московский журнал международного права. – 2002. – № 4.
16. Ходыкин Р.М. История и развитие концепции наиболее тесной связи в международном частном праве / Р.М. Ходыкин // Право и международные экономические отношения. Сборник статей / Отв. ред. Н.Г. Доронина. – М.: Юрист, 2005.
17. Bonomi A., Wautelet P. Le droit européen des successions: Commentaire du Règlement № 650/2012 du 4 juillet 2012 / A. Bonomi, Wautelet P., Oztürk A., Petelli I. – 2ème édition. – Bruylant, 2015.

18. Guide de droit international privé des successions / Dan Andrei Popescu, Maître de conférences; trad.: Loredana Vlăsceanu - Onești: Magic Print, 2014.
19. Lequette Y. Le droit international privé de la famille à l'épreuve des conventions internationales / Y. Lequette // Recueil des Cours de l'Académie de droit international de la Haye (Vol. 246), 1994.

Problems of the Applicable Law Determining in Intestate Succession Cases in Russia and Foreign Countries

Elena V. Vershinina, Alexandra D. Fokina***

Abstract. The article refers to the issues of applicable law determination for intestate succession cases in Russia and is seeking for feasible solutions basing on foreign experience. The goal of the research consists in finding the ways to improve the Russian private international law in force. For the purpose, the authors have conducted a comparative analysis of the advantages and the disadvantages of the Russian and foreign legal acts containing intestate succession conflict of laws rules. The introduction focuses on the essence of the difficulties related to the unification of intestate succession legal regulation. The main part of the article outlines the imperfections of the Civil code of the Russian Federation, such as *dépêchage* of the conflict of laws rule and connecting factor of last residence that does not always allow to apply the law that is really connected to the hereditary relation. The following part provides the insights of the intestate succession conflict of laws regulation in the Hague Convention on the Law Applicable to Succession to the Estates of Deceased Persons concluded on August 1st, 1989 and in Regulation (EU) No 650/2012 of the European Parliament and of the Council of 4 July 2012 on jurisdiction, applicable law, recognition and enforcement of decisions and acceptance and enforcement of authentic instruments in matters of succession and on the creation of a European Certificate of Succession. The conflict of laws regulation of these acts leads to the conclusion that the valid article 1224 of the Russian Civil code could be improved. For instance, the authors suggest to apply the closest connection principle and to implement the principle of the unity of the succession in Russian private international law.

Keywords: intestate succession; applicable law; the closest connection; Regulation EU ; the Hague Convention.

References

1. Abramnikov M.S. Nasledovanie kak raznovidnost' universal'nogo pravopreemstva: teoreticheskie i prakticheskie problemy v aspekte mezhdunarodnogo chastnogo prava [Inheritance as a kind of universal succession: theoretical and practical problems in the aspect of international private law] // Zhurnal rossijskogo prava. – 2007. – № 11.
2. Abramnikov M.S. Problemy kollizionno-pravovogo regulirovaniya nasledstvennykh pravootnoshenij v sovremen-nom mezhdunarodnom chastnom prave [Problems of conflict of laws regulation in hereditary relations in modern private international law]: avtoreferat na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk: 12.00.03. Moscow, 2007.
3. Botancov D.V., Malkin O.Yu. Primenenie notariusami kollizionnykh norm v sfere nasledstvennykh otnoshenij [Use of conflict of laws rules in the field of inheritance relations by notaries] // Aktual'nye problemy prava: materialy IV mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (g. Moskva, noyabr' 2015 g.). – M: Buki-Vedi, 2015.

* Elena V. Vershinina – Associate professor of the Chair of International Private and Civil Law MGIMO-University MFA Russia, Member of Russian Association of Lawyers, Member of Russian Association of International Law. elena.v.vershinina@gmail.com.

Alexandra D. Fokina – Postgraduate student of the Chair of International Private and Civil Law MGIMO-University MFA Russia, Member of Russian Association of International Law. alexandra-fokina@mail.ru.

4. Brun M.I. Vvedenie v mezhdunarodnoe pravo [Introduction to international law]. Petrograd: Tipografiya V.F. Kirschbauma, 1915.
5. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii. Postatejnyj kommentarij k razdelu V: Nasledstvennoe pravo [Civil code of the Russian Federation. Commentary to section V: Inheritance law] / Pod red. P.V. Krashenninnikova. – Moscow: Statut, 2013.
6. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo. Postatejnyj kommentarij k razdelu VI [Civil code of the Russian Federation. Private international law. Commentary to section VI] / Pod red. P.V. Krashenninnikova. – Moscow: Statut, 2014.
7. Kabatova E.V. Izmenenie roli kollizionnogo metoda v mezhdunarodnom chastnom prave [Change of the role of conflict of laws method in private international law] / Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: sovremennaya praktika / Pod red. M.M. Boguslavskogo i A.G. Svetlanova. – M.: TON – Ostozh'e, 2000.
8. Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii. Chast' tret'ya (postatejnyj) [Commentary to the Civil code of the Russian Federation. Part three]. 2-e izdanie / pod red. A.P. Sergeeva. – Moscow: Prospekt, 2015.
9. Medvedev I.G. Kommentarij k konvencijam v oblasti imushchestvennyh otnoshenij suprugov i nasledovaniya [Commentary to the conventions in the field of property relations of spouses and inheritance]. Moscow: Volters Kluver, 2007.
10. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: uchebnik [Private international law: textbook] / otv. red. N.I. Marysheva. – Moscow: Yurist, 2004.
11. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: uchebnik V 2 t. T.2: Osobennaya chast' [Private international law: textbook. In 2 v. Volume 2: Special part] / MGIMO (U) MID Rossii; [otv. red. S.N. Lebedev, E.V. Kabatova] / Medvedev I.G. Glava 12 «Nasledstvennoe pravo». – M.: Statut, 2015.
12. Morun N. Mezhdunarodnoe nasledovanie vo Francii i Rossii: sodержanie i vliyanie Reglamenta ES 650/2012 [International inheritance in France and Russia: the content and impact of EU Regulation 650/2012] // Notarius. – 2013. – № 6.
13. Nastol'naya kniga notariusa: V 4 t. T.4: Mezhdunarodnoe chastnoe pravo, ugolovnoe pravo i process v notarial'noj deyatel'nosti [Reference book of the notary: In 4 v. Vol. 4: Private international law, criminal law and procedure in notarial activities] / Pod red. I.G. Medvedeva; Centr notarial'nyh issledovanij pri Federal'noj notarial'noj palate. – 3-e izd., pererab. i dop. – Moscow: Statut, 2015.
14. Osnovy nasledstvennogo prava Rossii, Francii i Germanii [Fundamentals of Russia, France and Germany inheritance laws] / Pod obshch. red. E.YU. Petrova. – M.: Statut, 2015.
15. Hodykin R.M. Kriterij naibolee tesnoj svyazi v mezhdunarodnom chastnom prave [Criterion of the closest connection in private international law] / Hodykin R.M. // Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. – 2002. – № 4.
16. Hodykin R.M. Istoriya i razvitie koncepcii naibolee tesnoj svyazi v mezhdunarodnom chastnom prave [History and development of the concept of the closest connection in private international law] / R.M. Hodykin // Pravo i mezhdunarodnye ehkonomicheskie otnosheniya. Sbornik statej / Otv. red. N.G. Doronina. – M.: Yurist, 2005.
17. Bonomi A., Wautelet P. Le droit européen des successions: Commentaire du Règlement № 650/2012 du 4 juillet 2012 [European Law of Succession: Commentary to the Regulation (EU) № 650/2012 of 4 July 2012] / A. Bonomi, Wautelet P., Oztürk A., Petelli I. – 2ème édition. – Bruylant, 2015.
18. Guide de droit international privé des successions [Guide on private international law of succession] / Dan Andrei Popescu, Maître de conférences; trad.: Loredana Vlăsceanu - Onești: Magic Print, 2014.
19. Lequette Y. Le droit international privé de la famille à l'épreuve des conventions internationales [Private international law of the family to the test of international conventions] / Y. Lequette // Recueil des Cours de l'Académie de droit international de la Haye (Vol. 246), 1994.

ПРИНЦИПЫ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ G20/ОЭСР КАК ОСНОВА РЕГУЛЯТОРНЫХ ПРАКТИК В ОБЛАСТИ ДЕЛОВОГО ТУРИЗМА

*А.В. Шашкова**

Аннотация. Система комплаенс, и как ее разновидность система комплаенс в области делового туризма¹, пришла в Россию не так давно, и используется, в основном, крупными корпорациями. На примере ряда корпораций впервые показана возможность снижения затрат при введении практик комплаенс в области делового туризма в комплаенс-политику корпораций. Обосновано, что применение Принципов корпоративного управления G20/ОЭСР на уровне отдельной компании можно расценивать как эффективное средство борьбы с корпоративной коррупцией, исполнение как юридического, так и этического аспектов системы комплаенс, минимизации рисков и полного соответствия законам. Практическая значимость данной статьи состоит в возможности использовать ее основные положения и выводы в научной и педагогической деятельности при рассмотрении вопросов применения Принципов корпоративного управления G20/ОЭСР и системы комплаенс в целом и комплаенс в области делового туризма в частности.

Ключевые слова: комплаенс; деловой туризм; принципы корпоративного управления; ОЭСР; G20, политика корпораций.

.....
* Шашкова Анна Владиславовна – канд. юрид. наук, доцент кафедры конституционного права МГИМО МИД России, адвокат, почетный консул Сан Винсента и Гренадин. a.shashkova@inno.mgimo.ru.

¹ Compliance – согласие (Кембриджский англо-русский словарь. URL: <http://dictionary.cambridge.org/ru/%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C/%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%BE-%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/>).

Термин “комплаенс” с 1999 получил применение в документообороте на территории РФ, он широко используется в переводах документов ОЭСР (например, Руководство по передовому опыту в области внутреннего контроля, этики и комплаенса. Принято 18 февраля 2010г. Советом ОЭСР. URL: <http://www.rosmintrud.ru/ministry/programms/gossluzhba/antikorr/7/rukovodstvo.pdf>).

Указание ЦБ РФ №603-У «О порядке осуществления внутреннего контроля за соответствием деятельности на финансовых рынках законодательству о финансовых рынках и кредитных организациях» от 7 июля 1999г. в п.3 дает определение комплаенс-контроля: «Комплаенс - контроль - внутренний контроль за соответствием деятельности на финансовых рынках законодательству о финансовых рынках в кредитной организации, осуществляемый в соответствии с настоящим Указанием. COMPLIANCE - контроль является частью системы внутреннего контроля кредитной организации».

ЦБ РФ не систематизировал контроль по идеологии комплаенс, однако он содействует внедрению в отечественном бизнес-сообществе рекомендаций Базельского комитета банковского контроля. Данный термин используется Банком России в неофициальных переводах документов (например, Письмо ЦБ РФ №173-Т “О рекомендациях Базельского комитета по банковскому надзору” от 2 ноября 2011 г. URL: <http://zakonbase.ru/content/part/541489>).

Travel compliance - данный термин представляет собой систему четкого исполнения законодательства, подзаконных актов, внутренних нормативных актов организации в области делового туризма.

В течение продолжительного периода времени Принципы Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) являются основой взаимодействию и сотрудничеству между ОЭСР и не входящими в ОЭСР странами [Алексеева, Лебедева, 2016]. Именно на данных Принципах основан раздел отчетов Всемирного Банка / Международного валютного фонда (МВФ) о соблюдении стандартов и кодексов корпоративного управления [Джонстон, 2004].

Принципы корпоративного управления являются одним из 12 ключевых стандартов Совета по вопросам финансовой стабильности (Financial Stability Board), учрежденного в 2009 году в Лондоне на саммите G-20 [Шашкова, 2014]. Впоследствии и Базельским комитетом по банковскому надзору был опубликован документ «Совершенствование корпоративного управления в кредитных организациях», в котором было конкретизировано применение принципа корпоративного управления в банковской сфере [Волеводз, 2015; Mallin, 2004].

Первый пересмотр принципов корпоративного управления ОЭСР произошел в 2004 году [Куляшова, 2013], более тщательный процесс пересмотра начался в 2014 году и завершился в 2015 году. Принимая во внимание практику применения указанных Принципов на протяжении более 15 лет, а также те корпоративные споры, которые произошли за это время, и мировой финансовый кризис [Ракитская, 2014], Комитет ОЭСР по вопросам корпоративного управления инициировал пересмотр Принципов. Участие в данном пересмотре приняли, как страны G-20, так и эксперты международных организаций (Базельский Комитет по банковскому надзору, Группа Всемирного Банка) [Иванов, Колесникова, 2013] и региональных круглых столов ОЭСР по вопросам корпоративного управления (Ближний Восток, Северная Африка, Азия). Таким образом, указанные Принципы были адаптированы к современным условиям функционирования корпораций.

Поменялось и наименование принципов – Принципы корпоративного управления G20/ОЭСР. Основываясь на них, многие

компании разработали собственную стратегию борьбы с коррупцией [Волеводз, 2015], повышения эффективности корпораций. В частности, принимаются кодексы этического поведения, где предусматриваются положения в отношении взяточничества и вымогательства во взаимоотношениях между частным и государственным секторами экономики, а также между частными корпорациями, устанавливаются стандарты корпоративных расходов [Шашкова, 2011].

Существование указанных кодексов говорит о серьезном отношении частных компаний к международным усилиям, направленным на борьбу с коррупцией, о намерении частных корпораций способствовать этим усилиям, совершенствовать корпоративную культуру, поощрять работников к снижению риска «коррупционного поведения». Часто параллельно с кодексами корпоративного поведения разрабатываются управленческие системы мониторинга и анализа соответствия таких этических норм международным стандартам.

Очевидно, что принятие инвестиционных решений в настоящее время все более ставится в зависимость от соблюдения крупными компаниями принципов должного корпоративного управления. Механизмы корпоративного управления компаний, выходящих на открытый рынок, в особенности, международный, стремящихся максимально воспользоваться возможностями глобальных рынков капитала и привлекать долгосрочный капитал, должны быть прозрачными, пользующимися доверием, понятными и соответствующим международным принципам [Шихвердиев].

Именно эти особенности ведения бизнеса национальными, региональными и международными корпорациями были учтены в редакции Принципов корпоративного управления 2015 года – Принципов G-20/ОЭСР.

Не существует единой модели должного корпоративного управления. При этом в государствах-членах и в ОЭСР существует ряд общих элементов, лежащих в основе надлежащего корпоративного управления. Применение структуры корпоративного управления, предложенной Принципами

G-20/ОЭСР, имеет целью повышение экономической эффективности и финансовой стабильности отдельных корпораций.

Конкурентоспособность корпорации — еще один важный принцип ее выживаемости — это результат коллективной работы: сюда в большой мере вносят свой вклад сотрудники компании. Вследствие этого Принципы признают важную роль всех заинтересованных лиц и поощряют активное сотрудничество с такими лицами. Именно взаимовыгодным сотрудничеством достигается финансовое благосостояние корпорации и создаются рабочие места [Шашкова, 2013]. Взвешенная система «сдержек и противовесов» между акционерами, советом директоров, финансовыми посредниками и руководством корпорации является необходимым стимулом для достижения указанного результата. Принципы корпоративного управления G-20/ОЭСР берут за основу эти общие элементы, при этом охватывая широту существующих моделей.

Принципы не строят конкретную структуру органов управления. Конкретная структура совета директоров в Принципах G-20/ОЭСР не предусмотрена. Сам термин «совет директоров» включает в себя различные национальные модели советов директоров либо наблюдательных советов, функционирующих в отдельных государствах и отдельных корпорациях.

Использовавшийся в Принципах ОЭСР 1999 года термин «правление» в Принципах G-20/ОЭСР был заменен на термин «ключевые руководящие лица». Это является значительно более широким понятием, чем исполнительный орган управления корпорацией: кроме собственно руководящих органов корпорации сюда относятся зависимые лица, лица, работающие в компании не только на основании трудового договора, но и на основании договора об оказании услуг.

Необходимость изменения и совершенствования практики корпоративного управления позволяет корпорациям сохранять конкурентоспособность в меняющемся

мире, используя появляющиеся новые возможности [Кудряшова, Голубкова 2007]. Компетентные высшие государственные органы в свою очередь несут ответственность за формирование эффективной регуляторной структуры, обеспечивающей достаточную гибкость подхода и дающую возможность эффективного функционирования для рынков. Только совместными решениями государственных органов и участников рынка можно принимать решения о наиболее эффективном применении Принципов корпоративного управления G-20/ОЭСР.

Принимая во внимание зарубежный опыт, в 2014 году в России также были введены значительно модифицированные с 2001 года принципы корпоративного поведения: Кодекс корпоративного управления, разработанный Банком России и одобренный Правительством России в феврале 2014 года². С учетом модификации Гражданского кодекса РФ и разделения акционерных обществ на публичные и непубличные необходимо отметить, что только первые в обязательном порядке должны применять Кодекс корпоративного управления. При этом, независимо от организационно-правовой формы, как в мировой практике, так и в России все большее внимание корпорации уделяют принципу комплаенс.

Конечно, речь идет, в основном, о корпорациях крупного бизнеса (у него и финансовые риски выше). Корпорации малого и среднего бизнеса мало знакомы с термином «комплаенс». Данный принцип является принципом всеобъемлющего соответствия как законодательным стандартам, так и внутренним стандартам, правилам и нормам корпорации. Кроме того, комплаенс — это соответствие между законодательными актами и локальными нормативными актами, а также соответствие локальных нормативных актов корпорации между собой. Последнее весьма актуально: зачастую, выполняя положения соглашения о конфиденциальности, работник нарушает приказ своего непосредственного начальника.

² О Кодексе корпоративного управления: Письмо Банка России от 10 апреля 2014г. № 06-52/2463 // Вестник Банка России. №40. 18.04.2014.

Должный комплаенс при этом обеспечивает нормальное взаимодействие с государственными органами, предотвращает корпоративное мошенничество и коррупцию.

Комплаенс – это неотъемлемая часть корпоративной культуры компании, а не только максимально эффективное снижение рисков. Здесь действуют принципы законности и добросовестности при выполнении каждым сотрудником своих должностных обязанностей [Бондаренко, 2008].

В связи с глобализацией и интернационализацией бизнес-процессов все большее значение приобретает комплаенс в области делового туризма. Корпорация стремится создавать для своих служащих комфортные условия в перемещении по миру. При этом у корпорации существуют законодательные ограничения данного комфорта, например, максимальные суточные или уровень перелета экономическим классом.

Корпорации создают политики в области делового туризма, входящие в систему внутреннего комплаенса. Добиться лояльности и достичь комплаенса возможно при правильно выстроенной в корпорации системе коммуникаций. Нарушение данных политик может иметь далеко идущие, преимущественно, финансовые последствия [Golubtsov, Anatolyevna, 2013]. Это относится к бюджету компании, безопасности служащих и корпоративной информации [Кабатова, Вершинина, Новиков, 2014], а также санкций со стороны регулирующих органов³. Современные технологии дали возможность более свободно, гибко и с большими возможностями организовывать путешествия. Необходима четкая политика корпорации по приобретению авиабилета либо гостиницы, однако, в современных условиях, у сотрудника могут быть разумные личные предпочтения либо личные привилегии. Почему не воспользоваться в данном случае данными внутренними достижениями сотрудника⁴?

Однако политика в области делового туризма – это такой же внутренний документ для соблюдения, как и любой другой

локальный нормативный акт. Например, может возникнуть такая ситуация, когда вопреки утвержденному корпоративному перевозчику сотрудник бронирует авиабилет у другого перевозчика по той причине, что авиабилеты на те же направления у утвержденного перевозчика дороже, и по той стоимости, за которую сотруднику удалось забронировать билет бизнес-класса утвержденный корпоративный перевозчик предоставлял исключительно билет экономического класса. Сотрудник не отдает себе отчет, что нарушая нормы внутреннего комплаенса, он значительно увеличивает корпоративные риски: корпорация имеет прямую связь только с утвержденным перевозчиком, только от утвержденного перевозчика может получать оперативную информацию о различных изменениях. Кроме того, компании не удастся должным образом отразить через бухгалтерскую проводку авиабилет бизнес-класса, а, значит, авиаперелет сотрудника оплачивается в данном случае не за счет расходов, а за счет прибыли корпорации.

В случае бизнес-путешествий в зону повышенной опасности необходимо неукоснительно соблюдать корпоративные требования: излишняя беспечность может привести к утрате сотрудником информации, а то и жизни. При этом вина лежит не только, и не столько на сотрудниках корпорации, а на неумело выстроенной системе коммуникации. Ассоциации корпоративных управляющих деловыми поездками (Association of Corporate Travel Executives (ASTE)) в документе Гид по лучшим практикам комплаенса в области делового туризма отмечает, что повышается количество корпораций, следящих за исполнением политики в области делового туризма с точки зрения снижения внутренних издержек. При соблюдении комплаенса в области делового туризма можно сократить до 25% всех расходов [Шохин, 2004].

Эксперты АСТЕ доказали, что уровень соблюдения корпоративной политики в настоящее время растет. При проведении

³ <http://www.kadrovik.ru/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=10930> Что значит комплаенс?

⁴ Этические вопросы. URL: <http://www.aipm.org/etic/>

исследования среди 131 туристических агентств в США 19% респондентов указало, что уровень комплаенс в крупных корпорациях повысился на 5-10 процентов, еще 19% отметили повышение уровня комплаенс на 11-24 процента. При проведении исследования с аналогичным числом респондентов в Европе уже 22% отметили повышение уровня комплаенс на 11-24 процента, а 13% – на 25-49%. 53% корпоративных покупателей отмечают повышение сотрудниками добровольного выполнения требований локальных нормативных актов, готовность идти на уступки⁵.

На корпорацию ложится обязанность создать строгие, понятные, единообразные стандарты; двойные стандарты должны быть строго исключены. При этом для сотрудника должны создаваться гибкие условия: например, он может остановиться в отеле более высокой ценовой категории, чем это предусмотрено политикой корпорации, но разницу он доплачивает самостоятельно. Во многих корпорациях работника, наоборот, вводят в неудобные для него рамки: либо он принимает тот уровень, который оплачивает корпорация, либо всю сумму полностью выплачивает самостоятельно [Кудряшова, 2006]. А ведь в некоторых российских городах с суточными 700 рублей невозможно достойно себя позиционировать на деловых переговорах [Березко, 2016]. Данный подход заставляет работника искать обходные пути для поднятия уровня своего бизнес-путешествия, что приводит к нарушению комплаенс-политики корпорации.

Если идти от доктринальных толкований юридического и этического комплаенса, то можно предположить, что при комплаенсе в области делового туризма делается акцент на этический аспект данного понятия.

Однако это не совсем так. Как уже было указано, комплаенс – это целостное исполнение как законодательных и подзаконных актов, так и внутренних документов корпорации, отраслевых стандартов. Причем, если несоблюдение первых приводит к понятным юридическим последствиям, то несоблюдение последних может не отразиться в настоящий момент, но иметь гораздо более серьезные последствия. Претворение в жизнь правил комплаенс и, в частности, комплаенса в области делового туризма в деятельность субъектов предпринимательской деятельности приводит к установлению правопорядка на рынке товаров, работ и услуг. При этом, как ни парадоксально, мобильные технологии, включая повсеместное применение мобильных платежей, не только не помешали стандартизации комплаенса, но и улучшили систему накопления и сборов данных, создали новые возможности для контроля над динамикой расходов делового путешественника.

Понятие комплаенс не является родным для России. Оно пришло из-за рубежа, было введено транснациональными либо иностранными организациями [Маслова, 2016], дочерними обществами международных организаций, осуществляющими свою деятельность в Российской Федерации⁶. Приживется ли система комплаенс в России, базируясь базируется на массиве обязательных правил поведения, содержащихся в нормативных правовых актах, обязательных для предприятия?

В настоящее время уже можно дать однозначный ответ на данный вопрос – приживется. Для того чтобы наилучшим образом выполнять законодательные, подзаконные и внутренние нормы корпорации, а также осуществлять локальное нормотворчество по важным для компании производствен-

⁵ Корпорация Даймлер АГ ввела политику бронирования авиабилетов только в обе стороны, поскольку в этом случае стоимость авиабилета снижается на 30%. До внедрения данного нововведения в корпоративную политику компании, корпорация обеспечила сотрудников новым программным обеспечением, облегчающим сотрудникам самостоятельное бронирование авиабилетов. Вследствие предпринятых изменений в корпоративную политику, уровень соблюдения корпоративной политики повысился за три года на 30%, а к настоящему времени на 90%. Association of Corporate Travel Executives. Best Practices Guide to Corporate Travel Policy Compliance. URL: http://www.deprezmeetings.com/whitepapers/corp_travel_policy_compliance.pdf

⁶ Этот вездесущий compliance, или о чем молчат банки. [URL] <http://www.offshorewealth.info/index.php/offshore-wisdom/189-what-banks-do-not-tel.html>.

ным вопросам, в структуре многих организаций создаются специальные комплаенс-подразделения. Как сама организация, так и ее сотрудники должны соблюдать требования нормативных актов в любом случае, независимо от наличия или отсутствия системы органов, обеспечивающих правомерное и этическое ведение бизнеса. Должностные лица, определенные действующим законодательством, учредительными документами юридического лица или приказом исполнительного органа, наряду с самой организацией несут ответственность за соблюдение действующего законодательства. Поэтому основными задачами комплаенс-органов

являются разработка и введение в действие различных документов, содержащих правила поведения сотрудников в той или иной ситуации, регулирующих различные процессы (директивы, политики, процедуры и т.п.) и контроль за их исполнением, т.е., прежде всего, локальное нормотворчество. Автор полагает, что суть комплаенс заключается в осуществлении деятельности, связанной с минимизацией рисков, вызванных, прежде всего, нарушениями норм права⁷. Должная структура корпоративного управления в России также является исполнением правовых норм, а значит, комплаенс.

Литература

1. Алексеева Т.А., Лебедева М.М. Что происходит с теорией международных отношений // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 1. – С. 29-43.
2. Березко В.Э. Философское осмысление управления государством // Право и управление. XXI век. – 2016. – 1(38). – С. 121-125.
3. Бондаренко Ю. Эффективное управление compliance-рисками: системный подход и критический анализ // Корпоративный юрист. – 2008. – №6. – С. 31–34.
4. Волеводз А.Г. XIII Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию: некоторые итоги // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. 6 (23). С. 268-282.
5. Джонстон Д. Принципы корпоративного управления ОЭСР // Материалы международной конференции. «Корпоративное управление – Экономический рост». – М.: – 2004.
6. Иванов Д.В., Колесникова А.В. Актуальные вопросы соблюдения государствами международных стандартов в области прав человека // Московский журнал международного права. – 2013. – № 4. – С.3.
7. Кабатова Е.В., Вершинина Е.В., Новиков М.А. Особенности правового регулирования института акционерных соглашений в России и странах общего права // Московский журнал международного права. – 2014. – № 2 (94). – С. 150-168.
8. Куляшова Е.В. Современный механизм правового регулирования государственного планирования (на примере государственного финансового планирования). Москва, 2013.
9. Кудряшова Е., Голубкова М. Проблемы возврата активов кредитной организации в процессе банкротства: особые основания недействительности сделок // Хозяйство и право. – 2007. – № 5. – С. 68-72.
10. Кудряшова Е.В. Проблемы налогового администрирования крупнейших налогоплательщиков // Налоговые споры: теория и практика. – 2006. – № 3.
11. Маслова Е.А. Политика Италии: от экспансионизма к глобальным интересам // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. – 2016. – № 7 (318). – С. 118-122.
12. Ракитская И.А. Омбудсмены в Швеции / Омбудсман в зарубежных странах: коллективная монография / под ред. А.Г.Орлова, Н.А.Славкиной. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. конституционного права. – М.: МГИМО-Университет, 2014. – С. 43-77.
13. Шашкова А.В. Financial & Legal Aspects of Doing Business in Russia. – ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2011, – с.225.
14. Шашкова А.В. Отмывание денег и конституционные права / Шашкова А.В. // Вестник МГИМО-Университета. – М. – №6 (33) 2013. – С.190-196.
15. Шашкова А.В. Значение кодекса корпоративного управления Банка России 2014 г. // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 4 (37). – С. 252-263.
16. Шихвердиев А.П. Сущность и структура корпоративного управления // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник научно-исследовательского центра корпоративного

⁷ Значение международных стандартов противодействия коррупции и проблема выполнения Россией установленных международных стандартов. URL: <http://zakoniro.ru/?p=5833>.

- права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2006. – №1. – С. 6-26.
17. Шохин С.О. Противодействие легализации доходов, полученных преступным путем: роль Счетной палаты Российской Федерации // Банковское право. – 2004. – № 3. – С. 7-11.
18. Golubtsov V.G., Anatolyevna K.O. Russian Federation as the Subject of the Civil Liability / World Applied Sciences Journal. 2013. – T.24. – №1. – P. 31-34.
19. Mallin C. 2004. Corporate Governance. Oxford University Press, p. 217.

Principles of Corporate Governance G20/OECD as a Ground for the Introduction of the “Travel-Compliance” System

*Anna V. Shashkova**

Abstract. The aim of the present Article is to analyze the impact of the Principles of Corporate Governance G20 / OECD on the system of the effective corporate governance in the area of travel-compliance. Travel-compliance is a particularity of the compliance system, which has come to Russia recently. It is mainly used by large-scale corporations. The present article gives an example of Daimler AG and other companies to show the effectiveness of compliance in case of introduction of travel policies to the compliance policy of corporations and their strict execution by the employees. The author researches in detail practical application of the Principle I of the document for the economic effectiveness at the level of particular corporations. Another result of the present Article is in the substantiation by the author of the conclusion that application of the Principles of Corporate Governance G20 / OECD at the level of particular corporations represents a good means of counter fighting corporate corruption, execution of the legal and ethic aspects of compliance, minimization of risks and complete compliance with the laws. General, specific and particular research methods are used in the Article, including systemic, comparative, historical and juridical research methods. The practical value of the article is in the possibility to apply its main provisions and results in scientific and academic activities while discussing questions on application of the Principles of Corporate Governance G20 / OECD and Compliance system is general and Travel-Compliance system in particular.

Keywords: compliance; travel-compliance; Principles of Corporate Governance; G20; OECD; corporate policy.

References

1. Alekseeva T.A., Lebedeva M.M. Chto proishodit s teoriej mezhdunarodnyh otnoshenij [What Happens with the Theory of International Relations] // Polis. Politicheskie issledovanija. – 2016. – № 1. – p. 29-43.
2. Berezko V.Je. Filosofskoe osmyslenie upravlenija gosudarstvom [Philosophy Understanding of the State Management] / Pravo i upravlenie. XXI vek. – 2016. – 1(38). – p. 121-125.
3. Bondarenko Ju. Jefferktivnoe upravlenie compliance-riskami: sistemnyj podhod i kriticheskij analiz [Effective Management of Compliance risks: Systemic Approach and Critical Analysis] // Korporativnyj jurist. – 2008. – №6. – S. 31–34.
4. Volevodz A.G. XIII Kongress OON po preduprezhdeniju prestupnosti i ugovnomu pravosudiju: nekotorye itogi [UN Congress on Predictiong Crime] // Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal. – 2015. – 6 (23). – p. 268-282.

* Anna V. Shashkova – Ph.D. in Law, Associate Professor of the Chair of Constitutional Law, MGIMO-University MFA Russia, Moscow Region Bar Lawyer, Honorary Consul for St. Vincent and the Grenadines. a.shashkova@inno.mgimo.ru.

5. Dzhonston D. Principy korporativnogo upravleniya OJeSR. [Principles of Corporate Governance OECD] Materialy mezhdunarodnoj konferencii. "Korporativnoe upravlenie – Jekonomicheskij rost". – M.: - 2004.
6. Ivanov D.V., Kolesnikova A.V. Aktual'nye voprosy sobljudenija gosudarstvami mezhdunarodnyh standartov v oblasti prav cheloveka [Current Issues of Observance by the States of International Standards of Human Rights] // Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. – 2013. – № 4. – p.3.
7. Kabatova E.V., Vershinina E.V., Novikov M.A. Osobennosti pravovogo regulirovanija instituta akcionernyh soglashenij v Rossii i stranah obshhego prava [Particularities in Regulating Shareholders' Institute in Russia] // Moskovskoj zhurnal mezhdunarodnogo prava. – 2014. – № 2 (94). – С. 150-168.
8. Kudrjashova E.V. Sovremennij mehanizm pravovogo regulirovanija gosudarstvennogo planirovanija (na primere gosudarstvennogo finansovogo planirovanija). [The Current Mechanizm of legal Regulation of State Planning] Moskva. 2013.
9. Kudrjashova E., Golubkova M. Problemy vozvrata aktivov kreditnoj organizacii v processe bankrotstva: osobyje osnovanija nedejstvitel'nosti sdelok [Problems in Seizing Property during Bankruptcy Procedures] // Hozjajstvo i pravo. – 2007. – № 5. – p. 68-72.
10. Kudrjashova E.V. Problemy nalogovogo administrirovanija krupnejshih nalogoplatel'shnikov [Problems in Tax Administration of Taxpayers] // Nalogovye spory: teorija i praktika. – 2006. – № 3.
11. Maslova E.A. Politika Italii: ot jekspansionizma k global'nym interesam [Italian Politics: from expansionism to global interests] // Nauchno-analiticheskij zhurnal Observer. – 2016. – № 7 (318). – p. 118-122.
12. Rakitskaja I.A. Ombudsmany v Shvecii [Ombudsman in Sweden]/ Ombudsman v zarubezhnyh stranah : kollektivnaja monografija / pod red. A.G.Orlova, N.A.Slavkinov. Mosk. gos. in-t mezhdunar. otnoshenij (un-t) MID Rossii, kaf. konstitucionnogo prava. – M.: MGIMO-Universitet. 2014. – p. 43-77.
13. Shashkova A.V. Financial & Legal Aspects of Doing Business in Russia. Aspekt Press. 2011. p.225.
14. Shashkova A.V. Otmyvanie deneg i konstitucionnye prava [Money Laundering and Constitutional Rights] // Vestnik MGIMO-Universiteta. – M. – №6 (33). – 2013. – p.190-196.
15. Shashkova A.V. Znachenie kodeksa korporativnogo upravlenija Banka Rossii [Significance of the Corporate Code of the Bank of Russia] // Vestnik MGIMO-Universiteta. – 2014. – № 4 (37). – p. 252-263.
16. Shihverdiev A.P. Sushhnost' i struktura korporativnogo upravlenija [The Principle and Structure of Corporate Governance] // Korporativnoe upravlenie i innovacionnoe razvitie jekonomiki Severa: Vestnik nauchno-issledovatel'skogo centra korporativnogo prava, upravlenija i venchurnogo investirovanija Syktyvkarskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2006. – №1. – S. 6-26.
17. Shohin S.O. Protivodejstvie legalizacii dohodov, poluchennyh prestupnym putem: rol' Schetnoj palaty Rossijskoj Federacii [Counterfighting Money Laundering in the Tabutation Chamber of the Russian Federation] // Bankovskoe pravo. – 2004. – № 3. – p. 7-11.
18. Golubtsov V.G., Anatolyevna K.O. Russian Federation as the Subject of the Civil Liability // World Applied Sciences Journal. 2013. – T.24. – №1. – P. 31-34.
19. Mallin C. 2004. Corporate Governance. Oxford University Press, p.217.

ОДНОСТОРОННИЕ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ (НА ПРИМЕРЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ США)

*К.В. Крицкий**

Аннотация. Концепция «подчиненности» международного права политике государства – одна из ведущих в западных юридических и политических кругах. Продвигаются идеи специальных правовых режимов и инструментов, одним из которых являются односторонние ограничительные меры, практика применения которых получает все большее распространение. Страной, наиболее активно использующей этот инструмент в своих внешнеполитических целях, являются США. В публицистике и американской доктрине произошло практически полное отождествление понятий «односторонние ограничительные меры» и «санкции», что представляется ошибочным. В течение своей истории США неоднократно прибегали к использованию односторонних рестрикций. В американском законодательстве предусмотрены два правовых основания их применения - при объявлении чрезвычайного положения или без такого. Первый способ имплементируется, как правило, на основании указа Президента США. При этом критерии признания ситуации «чрезвычайной и угрожающей национальным интересам» размыты, что создает широкие возможности для злоупотребления полномочием. Антироссийские «санкции» в 2014 г. также были введены из-за признания действий Москвы угрожающими безопасности США. Охват действия американских «санкций», которые в основном имеют торгово-экономическую направленность, достаточно широк. Эффективность американских рестрикций неочевидна. Однако в сочетании с другими внешнеполитическими инструментами они могут давать желаемый результат.

Ключевые слова: международно-правовая политика государства; принудительные меры; санкции; односторонние ограничительные меры; внешняя политика США; антироссийские ограничительные меры.

.....
* Крицкий Кирилл Владимирович – второй секретарь Второго департамента Азии МИД России, соискатель кафедры Международного права МГИМО МИД России. kkritzkiy@gmail.com.

Вопрос о соотношении международного права и политики государства является крайне дискуссионным. Споры по нему ведутся с давних времен, однако общего, консенсусного подхода к проблеме международно-правовой политики государства не выработано до сих пор. Нельзя не согласиться, на наш взгляд, с мнением, что данные явления являются диалектически обусловленными, находятся во взаимосвязи и взаимозависимости [Вылегжанин А.Н., Дудыкина И.П., 2016].

Вместе с тем в последнее время получает все большее распространение так называемый «инструментальный подход» к международному праву. Особенно характерен он для западной юридической и политической доктрины. Его суть состоит в том, что правовая политика государства, в том числе на международной арене, определяется национальными интересами. Иными словами – «право становится слугой политики», используется для обоснования практически любых действий, выгодных государству. Примечательно, что происходит это в условиях по-прежнему декларируемой такими государствами приверженности общему международному праву. Однако для придания легитимности своим действиям они создают и развивают специальные правовые режимы и инструменты, формально не противоречащие международно-правовым принципам. Одним из таких инструментов, безусловно, являются односторонние ограничительные меры.

Проблема применения односторонних ограничительных мер одним государством в отношении другого равного ему субъекта международного права является весьма актуальной. Особое звучание для нашей страны данный вопрос приобрел сравнительно недавно – около 3 лет назад. Именно тогда Россия страна стала объектом масштабных ограничительных мер, затронувших как отдельных физических и юридических лиц, так и целые отрасли отечественной экономики.

Инициатором и основной движущей силой применения таких «санкций» стали США. По распространенному мнению, другие государства (в первую очередь, европейские) ввели аналогичные рестрикции, следуя в фарватере политики Вашингтона.

США являются неоспоримым «чемпионом» в деле применения односторонних ограничительных мер. В настоящий момент действует 28 режимов американских «санкций»; с момента окончания «холодной войны» США прибегали к ним более 65 раз, Второй мировой войны – около 160¹.

В этих условиях крайне важной задачей становится изучение правовой природы односторонних ограничительных мер США, в том числе на предмет их соответствия общепризнанным нормам международного права.

Проблемы дефиниции

В американской правовой доктрине произошло практически полное отождествление понятий «санкция» и «односторонние ограничительные меры» [Doraev Mergen, 2015]. Такая практика представляется ошибочной и вредной. Она ведет к тому, что спорные с точки зрения международного права односторонние рестрикции фактически ставятся на одну доску с принимаемыми по решению Совета Безопасности ООН санкциями, легитимность которых не вызывает никаких сомнений.

М.Мэллой, осуществивший фундаментальное исследование опыта применения США односторонних ограничительных мер, определяет их как «применяемые для достижения внешнеполитических целей финансово-экономические ограничения в отношении отдельной страны или ее граждан, в результате которых нарушается проведение торгово-финансовых операций» [Malloy, 1990]. Схожую формулировку предлагает бывший руководитель Управления по регулированию импорта Министерства торговли США С.Байс: «санкции – принудительные меры финансово-экономического характера с целью обеспечения интересов

¹ US Department of Treasury: Sanctions Programs and Country Information. Режим доступа: <https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Pages/Programs.aspx>. Дата обращения: 01.03.2017

внешней политики или национальной безопасности [Buys, 1999].

Г. Хуфбауэр и Дж. Шотт, создавшие одну из наиболее известных работ по проблеме применения американских рестрикций, предлагают понимать под односторонними «санкциями» «меры по ограничению или разрыву обычных торгово-финансовых отношений с целью принудить правительство другой страны к совершению желаемых действий» [Hufbauer, Schott, 1985].

Таким образом, несмотря на большое количество различных определений односторонних ограничительных мер в контексте американской внешней политики, в них можно выделить ряд общих признаков:

1. они применяются по решению государственных органов;
2. носят, как правило, финансово-экономический характер;
3. направлены на защиту государственных интересов путем побуждения или принуждения другого государства к изменению политики;
4. имеют максимально широкий охват действия и могут применяться как против целых отраслей экономики, так и в отношении отдельных физических или юридических лиц.

История применения США односторонних ограничительных мер

Американская история неразрывно связана с применением односторонних ограничительных мер в отношении других государств. Сама война за обретение независимости от Великобритании, по мнению некоторых исследователей, началась именно после применения экономических «санкций» – бойкота товаров из метрополии [Miller, 1957].

В 1807 г. в период очередного обострения отношений с Лондоном, Конгресс по инициативе президента Т.Джефферсона ввел эмбарго на торговлю с Британией и ее союзниками». Те ограничения носили мак-

симально суровый характер: дабы пресечь любую возможность получения британцами американских товаров, судам было запрещено отправляться в зарубежные порты. Перевозка американских грузов кораблями других стран была также запрещена. В 1811 г. американцы впервые применили ограничительные меры в ситуации, которая прямо не касалась их национальных интересов – в ответ на торговые ограничения Лондона против Парижа была вновь полностью блокирована торговля с британцами [Morison, Commager, 1962].

Вплоть до начала XX века в законодательстве США фактически не существовало правовых актов, которые бы регулировали порядок применения ограничительных мер в отношении других стран. «Санкции» применялись спорадически, как правило, на основании соответствующих актов Конгресса. В 1917 г. в США был принят Закон о торговле с врагом², наделивший Президента практически неограниченным правом вводить ограничения на осуществление торговых операций с враждебными государствами в период, когда США находятся в состоянии войны или чрезвычайной ситуации. Закон активно применялся, в частности, во время Второй мировой войны в отношении «стран оси». По распространенному мнению, особенно сильно его действие сказалось на Японии, которая в значительной степени зависела от импортируемых товаров [Hufbauer, Schott, 1985].

Положения Закона о торговле с врагом действуют до сих пор. Однако в настоящее время они применяются лишь к одной стране – Кубе, ограничительные меры в отношении которой были введены еще в начале 1960-х годов.

В 1976 и 1977 гг. были приняты, соответственно, Национальный закон о чрезвычайных полномочиях³ и Закон о международных чрезвычайных экономических полномочиях (IEEPA)⁴. Именно они на се-

² Trading with the Enemy Act. Режим доступа: <https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Documents/twea.pdf>. Дата обращения: 10.02.2017.

³ National Emergencies Act. Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/50/1621>. Дата обращения 21.02.2017.

⁴ International Emergency Economic Powers Act. Режим доступа: <https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Documents/ieepa.pdf>. Дата обращения 21.02.2017.

годняшний день являются правовой основой при введении американских односторонних «санкций».

Прописанный в ИЕЕРА механизм был впервые апробирован в 1979 г. против Тегерана: после свержения шахского режима были заморожены иранские средства в американских банках в размере 12 млрд долл. США, приостановлена двусторонняя торговля, американским туристам запрещен выезд в Иран.

Односторонние ограничительные меры стали одним из наиболее популярных инструментов внешнеполитического воздействия в период президентства Р.Рейгана (1980-1988 гг.). Массированное применение его администрацией «санкций» против СССР, Ирана, Ливии, ЮАР, Польши, Сирии и других стран создало, по мнению ученых, «важный прецедент действий, правомерность которых до той поры вызывала огромные вопросы» [Malawer, 1988].

Правовые основания и порядок применения США односторонних ограничительных мер при объявлении чрезвычайного положения

Действующее американское законодательство предусматривает два способа применения односторонних ограничительных мер – при объявлении чрезвычайного положения или без такового. Первый вариант является наиболее распространенным и регулируется, как уже было сказано, Законом о международных чрезвычайных экономических полномочиях и Национальным законом о чрезвычайных полномочиях.

В соответствии с ИЕЕРА, Президент США может признать какую-либо ситуацию «представляющей чрезвычайную и серьезную угрозу национальной безопасности, внешней политике или экономике США, источник возникновения которой полностью или частично находится за пределами территории США». В этом случае

глава государства получает возможность объявить чрезвычайное положение согласно угрозе и ввести в отношении «угрозы» односторонние ограничительные меры, прежде всего, имеющие экономическую направленность. Среди них – ограничение сделок в американской валюте, выдача кредитов и займов национальными банковскими институтами, сделки с ценными бумагами, а также наложение ограничений на использование собственности, находящейся на территории США (вплоть до ее конфискации).

В законодательстве США – и это особенно критикуется правоведами – не содержится четких критериев существования «чрезвычайной и серьезной угрозы». Данный вопрос предлагается решать исключительно Президенту США по его собственному разумению. Данное обстоятельство, без сомнения, создает широкие возможности для злоупотребления полномочием и влечет вероятность введения чрезвычайного положения в ситуации, никоим образом не угрожающей национальным интересам США [Carter, 1987].

Например, в указе Президента США от 6 марта 2014 г. № 13660, положившем начало «санкционной войне» с Россией, было сказано, что «действия ряда российских лиц подрывают демократический процесс и институты власти на Украине; угрожают ее миру, безопасности, стабильности, суверенитету и территориальной целостности. Они представляют значительную и чрезвычайную угрозу национальной безопасности и внешней политике США. С целью борьбы с данной угрозой США вводят чрезвычайное положение»⁵. Вопрос о том, каким образом российская политика на Украине могла угрожать безопасности США – в отсутствие решений об этом со стороны СБ ООН – остается открытым.

Также критикуется специалистами сама возможность столь частого применения механизма «чрезвычайного положения».

⁵ Executive Order 13660 of March 6, 2014 Blocking Property of Certain Persons Contributing to the Situation in Ukraine. Режим доступа: https://www.treasury.gov/resource-center/sanctions/Programs/Documents/ukraine_eo.pdf. Дата обращения 12.02.2017.

Высказывалось, в частности, следующее: «режим ЧП предполагает, что возникшая ситуация по природе своей является редкой и скоротечной. Иначе происходит нежелательное смещение чрезвычайного положения с нормальными, текущими проблемами»⁶. По подсчетам газеты USA Today, с 1976 года США более 50 раз вводили чрезвычайное положение (не считая случаев природных катастроф). Таким образом, констатируют журналисты, Америка находится в состоянии перманентного ЧП, что является совершенно ненормальной ситуацией⁷.

Широкие полномочия президента США в сфере введения ограничительных мер в некоторой степени могут быть ограничены американским Конгрессом. В частности, согласно рассматриваемым законам, при применении любых «санкций» президент должен консультироваться с обеими палатами Конгресса, а также регулярно направлять отчеты о соблюдении ограничений и целесообразности их продления. Впрочем, объем данных полномочий весьма урезан и не может в значительной степени оказать влияние на действие режима ограничительных мер [Carter, 1987].

Право отменить существование «чрезвычайного положения» и, как следствие, действие «санкций» закреплено за Президентом (путем издания указа) и Конгрессом (путем принятия имеющей силу закона резолюции обеих палат). Впрочем, и в данном случае полномочия Конгресса – скорее формальность. Подчеркивается, что сложно представить себе ситуацию, в которой удастся добиться снятия ограничений путем преодоления президентского veto большинством в 2/3 голосов конгрессменов обеих палат [Hufbauer, Schott, 1985]. Также действие ограничительных мер заканчивается, если по истечении года с момента вве-

дения их срок действия не продлевается указом Президента. На практике такое происходит крайне редко – практически все «санкционные» режимы действуют достаточно продолжительное время. Продление «санкций», в свою очередь, также производится на основании указа главы государства.

Правовые основания и порядок применения США односторонних ограничительных мер без объявления чрезвычайного положения

В отсутствие указа Президента США о существовании чрезвычайного положения односторонние ограничительные меры применяются значительно реже и носят более ограниченный характер. Наиболее часто такие «санкции» касаются следующих сфер:

1. Сокращение или прекращение действия правительственных программ в отношении другого государства, включая ограничения на финансовую помощь. Данная мера является весьма эффективной в отношении развивающихся стран, которые в значительной степени зависят от внешних финансовых вливаний. По меткому выражению Б.Картера, «решения о приостановке или продолжении действия программ помощи зарубежным государствам давно стали своеобразным кнутом и пряником – эффективным механизмом внешней политики США» [Carter, 1987]. Например, в 2011 г. после «ошибочного» обстрела пакистанского армейского блокпоста американской авиацией Исламабад запретил войскам НАТО использовать территорию страны для транзита грузов в Афганистан. В ответ американцы приостановили действие основных программ финансовой помощи Исламабаду, а также отказались от компенсационных выплат в рамках Фонда поддержки коалиции.

⁶ Report to the House Committee on International Relations on Trading with the Enemy Act Reform Legislation/ Report no. 459, 95th cong. 1st sess. 7, 1977.

⁷ Special report: America's perpetual state of emergency. [Электронный ресурс] / USA Today Newspaper. Режим доступа: <http://www.usatoday.com/story/news/politics/2014/10/22/president-obama-states-of-emergency/16851775/>. Дата обращения 05.02.2017.

Итог – через несколько месяцев транзит грузов через Пакистан был возобновлен.

2. Введение ограничений на экспорт и импорт определенного вида товаров и продукции из США. Полномочия Президента в данной сфере значительно сокращены и ограничиваются возможностью наложить запрет на экспорт/импорт определенных категорий товаров и продукции, напрямую указанных в законах. Например, согласно Закону о контроле над оружием Президент вправе запретить поставки в/из США продукции военного назначения, а также ядерных материалов⁸.

Применение односторонних ограничительных мер (независимо от способа их наложения) обеспечивает целый ряд государственных органов США. Координирующую роль при этом играет Служба по контролю за иностранными активами (Office of Foreign Assets Control) Министерства финансов США. Применение «санкционных» мер в отношении иностранных субъектов в обязательном порядке согласовывается с Госдепартаментом США.

Цели применения односторонних ограничительных мер США

Американские «санкции» направлены, прежде всего, на защиту национальных интересов и безопасности США, интерпретируемых максимально широко. Б.Картер считает, что такие меры могут преследовать одну из трех целей:

1. попытаться добиться от другого государства изменения его политики;
2. наказать другое государство за действия, нежелательные для Вашингтона;
3. послать предупредительный сигнал о неприемлемости политики другого государства для США (он может быть предназначен как для этой страны, так и для «внутреннего потребления») [Carter, 1987].

Схожая позиция содержится в подготовленном Главным контрольно-финансовым

управлением США докладе для Комитета по международным делам Сената. В зависимости от целей «санкций» их предлагается подразделять на сигнальные, карательные и побудительные⁹.

Вполне естественно, что наибольшие дискуссии теоретиков и практиков вызывает вопрос о правомерности попыток Вашингтона повлиять на политику зарубежного государства (к слову, именно такую цель преследуют антироссийские «санкции» США в связи с событиями на Украине) [Weiss, Nephew, 2016; Doraev, 2015]. По мнению Г.Хуфбауэра и Дж.Шотта, особенно спорными являются случаи применения ограничений для расшатывания позиций «нежелательного» правительства и его последующего свержения; подрыва военного потенциала противника; срыва его попыток укрепить свои геополитические позиции [Hufbauer, Schott, 1985]. На наш взгляд, не лишено оснований мнение о том, что в данном случае можно констатировать нарушение основополагающего принципа о невмешательстве в дела по существу относящиеся к внутренней компетенции государства, а также – с некоторыми оговорками – о воздержании от угрозы силой или ее применении в международных отношениях [Lowenfeld, 2001].

Немало копий сломано и по вопросу об экстерриториальном характере применяемых США ограничений. В частности, в заключении Международно-правового совета при МИД России констатируется, что односторонние «санкции» осуществляются в пределах суверенных полномочий государства, не имеют экстерриториального эффекта.

В то же время другие исследователи полагают, что американские рестрикции зачастую имеют экстерриториальную направленность. Их действие, мол, может распространяться на субъекты, не находящиеся под юрисдикцией США или «подсанкционного» государства. Т.е. в тех случаях, ког-

⁸ Arms Export Control Act. Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/22/chapter-39>. Дата обращения 06.03.2017.

⁹ Economic Sanctions: Effectiveness as Tools of Foreign Policy// Report to the Chairman, Committee on Foreign Relations, US Senate, 1992.

да к объекту рестрикций нельзя применить принцип национальности (гражданства) лица или территории его нахождения, ограничительные меры могут обосновываться «принципом последствий» (действие, даже совершенное за рубежом не подотчетными США лицами, влечет за собой «санкции», если его последствия затрагивают США) и «принципом защиты» (правомерность принятия любых мер в целях защиты национальной безопасности и интересов США) [Buys, 1999].

В докладе М.Боссюи (ранее являлся членом Конституционного суда Бельгии, сейчас – член Постоянной палаты третейского суда), подготовленном по просьбе Экономического и социального совета ООН, констатируется, что по своей природе односторонние ограничительные меры совершенно необязательно противоречат принципам международного права. В то же время именно американские «санкции», в частности антикубинские, явно выходят за пределы национальной юрисдикции. Используя т.н. «вторичные», не прямые ограничительные меры (а также угрозу их применения) Вашингтон зачастую старается надавить на другие государства, чтобы они присоединились к режиму рестрикций и – как следствие – одностороннее торговое эмбарго превратилось в многостороннее.

В подаче Б.Картера, наиболее явный экстерриториальный характер имеют ограничительные меры, применяемые в целях контроля за экспортом вне территории США. В соответствии с Законом о международных чрезвычайных экономических полномочиях и Законом о контроле над экспортом Президент может наложить ограничения на реэкспорт иностранными компаниями товаров, полностью или частично произведенных в США, а также произведенных за рубежом с использованием американской технологии [Carter, 1987]. Подобные «санкции» были применены в отношении СССР в 1982 г. в связи с якобы имевшими место жесткими действиями в отношении польских диссидентов. Зарубежным юри-

дическим лицам, аффилированным с американскими компаниями, было запрещено экспортировать некоторые виды оборудования и технологий (независимо от места их производства), а всем зарубежным фирмам – любые товары, полученные при помощи лицензионных соглашений с партнерами из США [Malawer, 1988].

Также не лишено оснований мнение о том, что в силу специфики современной системы международных отношений объект «односторонних санкций» подпадает под ограничения не только США, но и всей мировой финансово-экономической системы. В первую очередь это касается возможности Вашингтона блокировать любые долларовые транзакции (которые неизбежно проходят через американские банки) с участием «подсанкционных» или просто нежелательных субъектов.

Дискуссия об эффективности американских «санкций»

Парадоксально, но, несмотря на частое применение американцами односторонних ограничительных мер, их эффективность является далеко не бесспорной. По подсчетам Э.Эшфорд, санкции совсем не достигают своих целей в 60% случаев [Ashford, 2016]. Примерно аналогичные оценки приводятся в докладе М.Боссюи¹⁰.

При этом исследователи выделяют другую яркую тенденцию: эффективность «санкций» США обратно пропорциональна срокам их действия. Сразу после введения такие меры действительно могут оказать шоковое воздействие на другое государство и заставить его задуматься о смене политической линии. Однако с течением времени происходит адаптация к наложенным ограничениям и их эффект практически нивелируется. Классический пример в этой связи – все те же рестрикции в отношении Кубы, в условиях которых островное государство – несмотря на всю их суровость и длительность – привыкло функ-

¹⁰ Bossuyt M. The Adverse Consequences of Economic Sanctions. Режим доступа: <https://www.globalpolicy.org/global-taxes/42501-the-adverse-consequences-of-economic-sanctions.html>. Дата обращения 21.02.2017.

ционировать уже несколько десятилетий. (Этот режим меняется только в начале XXI века).

Неспособность американцев добиться своих целей исключительно путем «санкционного» давления подтверждают действующие антироссийские рестрикции. Их влияние на российскую экономику, безусловно, ощущается и в перспективе может еще более усилиться [Weiss, Nephew, 2016]. Они влияют на инвестиционный имидж России и ограничивают доступ отечественных компаний к западным финансовым рынкам. Безусловно, страдает от этих «санкций» и российское население, в особенности жители Крыма – ввиду западного запрета бизнесу осуществлять какую-либо деятельность на территории полуострова [Nephew, 2015]. В то же время представляется абсолютно нереалистичным, что «санкции» (да и любые другие методы воздействия) заставят Москву пересмотреть свою позицию в отношении событий на Украине, включая правомерность воссоединения Крыма. (Более того, вопреки намерениям США, их ограничительные меры способствовали консолидации российского общества).

Другое дело, что в сочетании с другими инструментами – дипломатическими, политическими и др. – ограничительные меры могут дать желаемый результат.

В долгосрочной перспективе тенденция по снижению эффективности американских «санкций» вероятнее всего сохранится [Weiss, Nephew, 2016]. Причина этого кроется в росте других экономических центров мира (в первую очередь Китая), которые не следуют в фарватере политики Вашингтона и в будущем смогут «размыть» чрезмерную зависимость финансовой системы от США. Представляется, что такая ситуация будет на руку большинству государств, которые уже сейчас не устраивают чрезмерная зависимость от Вашингтона и постоянный риск подвергнуться «наказанию» со стороны американцев за любые неугодные им действия.

Практика применения США односторонних принудительных мер неоднократно критиковалась другими субъектами международного права, в том числе на площадке ООН. В ряде резолюций ГА ООН констатируется, что такие меры противоречат признанным принципам международного права и создают серьезные препятствия для свободной торговли и свободного движения капитала¹¹.

Однако надеяться, что США рано или поздно прислушаются к данной позиции и изменят свою политику в области «санкций» вряд ли стоит.

Литература

1. Вылегжанин А.Н., Дудыкина И.П. Понятие «международно-правовая политика государства» // Московский журнал международного права. 2016, № 4.
2. Геворгян К.Г. «Односторонние санкции» и международное право. Заключение Международно-правового совета при МИД России // Международная жизнь, 2012, № 8.
3. Ashford E. Not-So-Smart Sanctions // Foreign Affairs, January-February 2016.
4. Buys C.G. United States Economic Sanctions: The Fairness of Targeting Persons From Third Countries // Boston University International Law Journal, Vol. 17, No. 2, 1999.
5. Carter B.E. International Economic Sanctions: Improving the Haphazard U.S. Legal Regime // California Law Review, Volume 75, July 1987.
6. Hufbauer G., Schott J. Economic Sanctions Reconsidered: History and Current Policy. Washington: Institute for International Economics, 1985.
7. Lowenfeld A.F. Unilateral versus collective sanctions: an American's perception // United Nations sanctions and international law, 2001.
8. Malawer S.S. Reagan's Law And Foreign Policy, 1981 – 1987: The Reagan Corollary" of International Law // Harvard International Law Journal 1988
9. Malloy M. Economic Sanctions and U.S. Trade. Boston: Little, Brown and Company, 1990.

¹¹ A/RES/57/5, 16 October 2002; A/RES/58/7, 4 November 2003.

10. Miller J. Origins of the American Revolution. New York, 1957.
11. Morison S. Commager H. The growth of the American Republic. 1962.
12. Nephew R. Revisiting Oil Sanctions on Russia// Columbia University, 2015.
13. Special report: America's perpetual state of emergency. [Электронный ресурс] / USA Today Newspaper. Режим доступа: <http://www.usatoday.com/story/news/politics/2014/10/22/president-obama-states-of-emergency/16851775/>. Дата обращения 05.02.2017.
14. Weiss A.S., Nephew R. The Role of Sanctions in U.S.-Russian Relations// Carnegie Endowment Task Force White Paper, 2016.
15. Doraev Mergen. The «Memory Effect» of Economic Sanctions Against Russia: opposing approaches to the legality of unilateral sanctions clash again. – Published by Penn Law: Legal Scholarship Repository, 356 U. Pa. J. Int'l. L. (2015). Vol. 37:1.

Unilateral Restrictive Measures (the Case of U.S. Foreign Policy)

*Kirill V. Kritskiy***

Abstract. States apply unilateral restrictive measures with increasing frequency. The United States is a country that uses such measures most actively for its foreign policy purposes. In American legal doctrine term “unilateral restrictive measures” is often mistakenly identified with term “sanctions. American Law provides for two reasons for “sanctions” application – while declaring national emergency and without that. The first one is most frequently used and applied – as a rule – on the basis of President's Order. Criteria for acknowledging certain situation “extraordinary and threatening to US interests” are vague thus creating broad opportunities for power abuse. Sanctions against Russia were enforced in 2014 after Moscow's actions were construed as threatening to US security. The question of unilateral sanctions' legality is highly controversial. Extraterritorial character of certain US restrictions is especially criticized. Effectiveness of American restrictions is not obvious. Yet, combined with other foreign policy instruments they can yield desired results.

Keywords: politics of international law; coercive measures; sanctions; unilateral restrictive measures; US foreign policy; restrictive measures against Russia.

References

1. Vylegzhanin A.N., Dudykina I.P. Ponjatie «mezhdunarodno-pravovaja politika gosudarstva» [The Politics of International Law as a Concept]// Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. – 2016 – № 4.
2. Gevorgjan K.G. «Odnostoronnie sankcii» i mezhdunarodnoe pravo. Zakljuchenie Mezhdunarodno-pravovogo soveta pri MID Rossii [Unilateral Sanctions and International Law. Findings of International Law Council of the MFA Russia]// Mezhdunarodnaja zhizn'. – 2012 – № 8.
3. Ashford E. Not-So-Smart Sanctions// Foreign Affairs, January-February 2016.
4. Buys C.G. United States Economic Sanctions: The Fairness of Targeting Persons From Third Countries// Boston University International Law Journal, Vol. 17, No. 2, 1999.
5. Carter B.E. International Economic Sanctions: Improving the Haphazard U.S. Legal Regime// California Law Review, Volume 75, July 1987.
6. Hufbauer G., Schott J. Economic Sanctions Reconsidered: History and Current Policy. Washington: Institute for International Economics, 1985.

.....
* Kirill V. Kritskiy – 2nd Secretary of the Second Department for Asia of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, post-graduate student of the Chair of International Law, MGIMO-University MFA Russia.
kkritskiy@gmail.com.

7. Lowenfeld A.F. Unilateral versus collective sanctions : an American's perception// United Nations sanctions and international law, 2001.
8. Malawer S.S. Reagan's Law And Foreign Policy, 1981 – 1987: The Reagan Corollary" of International Law// Harvard International Law Journal 1988
9. Malloy M. Economic Sanctions and U.S. Trade. Boston: Little, Brown and Company, 1990.
10. Miller J. Origins of the American Revolution. New York, 1957.
11. Morison S. Commager H. The growth of the American Republic. 1962.
12. Nephew R. Revisiting Oil Sanctions on Russia// Columbia University, 2015.
13. Weiss A.S., Nephew R. The Role of Sanctions in U.S.-Russian Relations// Carnegie Endowment Task Force White Paper, 2016.
14. Doraev Mergen. The "Memory Effect" of Economic Sanctions Against Russia: opposing approaches to the legality of unilateral sanctions clash again. – Published by Penn Law: Legal Scholarship Repository, 356 U. Pa. J. Int'l. L. (2015). Vol. 37:1.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ «ПРАВО ВТО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ» / ПОД РЕДАКЦИЕЙ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА Л.П. АНУФРИЕВОЙ» (М.: НОРМА-ИНФРА-М., 2016. 528 С.)

*А.О. Четвериков**

Аннотация. В рецензии представлена общая характеристика книги «Право ВТО: теория и практика применения» / под редакцией доктора юридических наук, профессора Л.П. Ануфриевой», опубликованной в 2016 г. в издательстве «Норма-Инфра-М.» (далее – книга). Книга может быть охарактеризована как всестороннее юридическое исследование, содержащее наиболее глубокий в российской юридической науке и базирующийся на новейшей информации анализ проблемных аспектов функционирования права ВТО как с теоретической, так и с практической точек зрения. В предмет книги входят все ключевые аспекты современного права ВТО: ВТО в рамках современного регулирования международной торговли (глава I), право ВТО как категория науки международного права (глава II), структура и система права ВТО (глава III), замкнутые договорные режимы и право ВТО (глава IV), действие права ВТО и национально-правовые системы (глава V), разрешение споров и исполнение решений Органа по разрешению споров ВТО (глава VI).

Ключевые слова: Всемирная торговая организация; международное право; международная торговля.

.....
* Четвериков Артем Олегович – Д.ю.н., профессор кафедры интеграционного и европейского права ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)». info@eulaw.edu.ru.

Как бы ни относиться к состоявшемуся уже более четырех лет назад вступлению нашей страны во Всемирную торговую организацию (ВТО), членство России в ВТО – объективная реальность, в условиях которой отныне предстоит существовать российской правовой системе, подлежащей адаптации к юридическим установлениям данной организации, т.е. к «праву ВТО».

Подобная адаптация означает не только необходимость привести российские «законы, правила и административные процедуры» в соответствие с обязательствами, вытекающими из права ВТО (ст. XVI:4 Марракешского соглашения об учреждении ВТО 1994 г.).

Не менее важным является другой аспект. России необходимо также научиться *эффективно применять* право ВТО, т.е. не только самой исполнять обязательства, но и уметь заставлять делать то же самое других членов ВТО, когда это требуется для защиты интересов отечественных товаропроизводителей и поставщиков услуг (в частности, подавая жалобы и выигрывая дела в Органе по разрешению споров ВТО).

Наконец, эффективное применение права ВТО означает еще и способность использовать к своей выгоде слабости этого права – наличие широкого круга исключений из обязательств по разнообразным основаниям (по соображениям общественного порядка, национальной безопасности, охраны здоровья, нравственности и т.д.) и гибкие (абстрактные, скользкие) формулировки многих его норм. Типичным примером таковых может служить ст. 41:2 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС): «Процедуры, предназначенные для обеспечения соблюдения прав интеллектуальной собственности, будут лояльными и справедливыми. Они не будут бесполезно сложными или дорогостоящими; они не будут предусматривать неразумных сроков или приводить к неоправданным задержкам»¹.

В этих условиях можно сделать вывод, что вступление России в ВТО ставит до-

полнительные вызовы и перед российской наукой международного права, российской юридической наукой в целом. России как суверенному государству необходимо создать собственную, *национальную доктрину права ВТО* – не менее качественную, чем сложилась в других членах ВТО (например, европейская доктрина в ЕС, американская доктрина в США и т.д.).

Нельзя сказать, что российская юридическая наука ранее игнорировала эту задачу. Еще на этапе подготовки к вступлению в ВТО, а равно впоследствии отечественными правоведами были опубликованы десятки книг и статей, посвященных общим или частным аспектам права ВТО.

Вместе с тем, в нашей стране до сих пор отсутствовало комплексное исследование, которое на основе обобщения новейших теоретических концепций российской юридической науки и современной нормативной базы посвящалось бы *критическому осмыслению сущности права ВТО в целом* как сложного, неоднозначного юридического феномена, т.е. *проблемным вопросам функционирования* этого права.

Именно данный пробел восполняет монография «Право ВТО: теория и практика применения», опубликованная в 2016 г. в издательстве «Инфра-М.» авторским коллективом Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) под редакцией одного из крупнейших отечественных специалистов в области международного публичного и частного права – доктора юридических наук, профессора Л.П. Ануфриевой (далее кратко – книга).

«Что такое право ВТО, каковы его особенности, как оно функционирует, что на него может оказать влияние и каково его воздействие на внутреннее право государств-членов» – вот лишь некоторые проблемные вопросы, поставленные в предисловии книги (с. 9), на которые авторский коллектив последовательно ищет и находит ответы в ее шести главах.

Понять природу права ВТО невозможно без уяснения правовых основ деятельности

¹ Перевод автора с аутентичного текста ТРИПС на французском языке.

организации, в рамках которой это право создается и применяется. Почему и как возникла Всемирная торговая организация? Какова юридическая природа Генерального соглашения по тарифам торговле (ГАТТ) 1947 г. – старейшего источника права ВТО, который некоторые исследователи одновременно считают международной организацией или квази-организацией особого рода, предшествующей современной ВТО (данная позиция подвергается обоснованной критике в книге)? Что представляют собой организационная структура и принципы деятельности в ВТО? Как принимаются решения в ВТО? Таковы ключевые вопросы, образующие предмет *главы I «ВТО в рамках современного регулирования международной торговли»*.

Не менее содержательными, интересными и полемичными являются следующие три главы, в которой авторы переходят к осмыслению феномена права ВТО как «неотъемлемой составляющей ... международного права в целом и международного торгового права, в частности, вбирающей в себя все присущие ей [системе международно-правовых норм – А.Ч.] закономерности, признаки, а также особенности» (с. 72).

Исходя из процитированной теоретической посылки, в *главе II «Право ВТО как категория науки международного права»* критически анализируются и отвергаются концепции права ВТО как автономной правовой системы, которые авторы книги называют попытками его «сегрегации» по отношению к международному праву (с. 61). Или, что то же самое, попытками «фрагментации международного права» (с. 51).

В *главе III «Структура и система права ВТО»* наряду с глубоким теоретико-прикладным анализом системы принципов этого права и исключений из них (принципы недискриминации, наибольшего благоприятствования, национального режима, преференциального режима, взаимности и взаимной выгоды) предложена новаторская концепция внутренней структуры права ВТО.

Фактически можно говорить даже о двух взаимодополняющих концепциях, поскольку для построения структуры права ВТО

авторы предложили два равнозначных критерия, использование которых дает разные результаты – предметный (секторальный) и функциональный. Это не банальный ход, а сущностный момент, поскольку сам перечень разделов свидетельствует о своеобразии подхода авторского коллектива к предмету рассмотрения и выбору в нем тех аспектов, которые являются, действительно, ключевыми.

«Предметная (секторальная) структура» права ВТО (с. 127-221) включает в себя такие компоненты, как регулирование торговли товарами и услугами, торговые аспекты прав интеллектуальной собственности, регулирование связанных с торговлей инвестиционных мер.

С точки зрения «функциональной структуры» (с. 221-290) авторы книги также выделяют в праве ВТО три компонента, но иного характера: тарифное регулирование, нетарифное регулирование, антидемпинговое регулирование.

Важным аспектом в постижении феномена права ВТО является проведенный в *главе IV «Замкнутые договорные режимы и право ВТО»* анализ непростых, а иногда и конфликтных отношений этого права с иными «договорными режимами», в том числе с правом Европейского союза и Евразийского экономического союза. Здесь же исследованы юридическая природа ответственности в праве ВТО и не теряющая своей остроты проблемы учета в праве ВТО (и не только в нем!) потребностей международной охраны окружающей среды.

Любое право служит действенным инструментом регулирования общественных отношений только тогда, когда оно реально соблюдается его субъектами – гражданами, юридическими лицами, государствами. Проблема соблюдения права ВТО государствами-членами всегда остро стояла в данной организации; она приобрела повышенную остроту в последние годы в условиях «санкционной войны» ряда западных государств против России, которая вряд ли отвечает букву и духу их обязательств по либерализации мировой торговли в рамках ВТО.

В этих условиях крайне актуальными, можно сказать, на «злобу дня» являются за-

ключительные главы книги: глава V «*Действие права ВТО и национально-правовые системы*» и глава VI «*Разрешение споров и исполнение решений ОРС (Органа по разрешению споров – А.Ч.) ВТО*». Проведенный в этих главах анализ международных и национальных правовых установлений и правоприменительной практики, в том числе России и других государств, по нашему мнению, служит наиболее глубоким и обстоятельным на сегодняшний день экскурсом в сложнейшие проблемы взаимоотношений права ВТО с внутренним правом ее членов, включая вопрос о предоставлении нормам ВТО прямого действия для физических и юридических лиц.

По вопросу о прямом действии/прямом эффекте норм ВТО авторы приходят, на наш взгляд, к единственно правильному выводу, которым необходимо руководствоваться в практической деятельности органам государственной власти России, а равно органам Евразийского экономического союза: «В целом анализ зарубежной и международной правоприменительной практики показывает, что по общему правилу нормы ВТО не могут иметь прямого действия и непосредственно применяться судами государств-участников ВТО. <...> Таким образом, следует сохранять максимально возможную свободу усмотрения

органов исполнительной власти, отвечающих за международные отношения в экономической сфере, и осуществлять судебное вмешательство лишь в случае необходимости. Однако, безусловно, прямой эффект норм ВТО возможен, например, если это предусмотрено самим участником ВТО» (с. 449).

В рамках рецензии невозможно описать весь спектр интересных теоретических и практических проблем права ВТО, подвергнутых исследованию в книге: лучше читать саму книгу. Не исключено, что некоторые предложенные в книге выводы и комментарии вызовут у читателя дополнительные вопросы или возражения; в частности, автор настоящей рецензии в ряде случаев придерживается иных взглядов на право ВТО, чем авторы книги. Однако в этом и состоит главное достоинство книги: показать право ВТО таким, каким оно есть на самом деле, не скрывая проблем и различных подходов в его понимании и применении.

Несмотря на сложность предмета исследования и жанр монографии, книга в целом написана ясным, доступным, понятным языком. Это позволяет рекомендовать ее максимально широкому кругу заинтересованных читателей, в том числе в качестве учебника или учебного пособия для студентов и аспирантов юридических вузов.

Book Review «WTO Law: Theory and Practice of Application» / edited by Doctor of Law,

Professor L.P. Anufrieva

(M.: Norma-Infra-M., 2016. 528 p.)

*Artem O. Chetvericov**

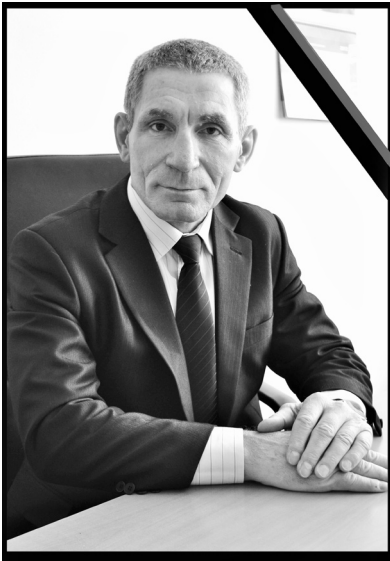
Abstract. The article (book review) provides the general outline of the book «WTO Law: Theory and Practice of Application» / directed by Doctor of Law, Professor L.P. Anufrieva, published in 2016 by Norma-Infra-M. (hereinafter: book). The book can be considered as a comprehensive legal study providing the most up-to-date and fundamental analysis in the Russian Legal Science of the problematic aspects of functioning of the WTO legal order from the theoretical and practi-

* Artem O. Chetvericov – Professor, Doctor of Laws, Chair of the International and European Law, Kutafin Moscow State Law University. info@eulaw.edu.ru.

cal points of view. The subject-matter of the book embraces all main features of the modern WTO Law such as the role of the WTO in the regulation of international trade (chapter I), WTO Law as a category of the international law science (chapter II), structure and system of the WTO Law (chapter III), the closed treaty regimes and the WTO Law (chapter IV), application of the WTO Law and national legal systems (chapter V), dispute-settlement and implementation of the WTO Dispute-Settlement Body decisions (chapter VI).

Keywords: World Trade Organization; International Law; International Trade.

Некролог

Антипенко Владимир Федорович

19 января 2017 года, на 68 году жизни, перестало биться сердце доктора юридических наук, профессора Антипенко Владимира Федоровича.

Владимир Федорович родился 23 января 1949 года в г. Бердянск Запорожской области в многодетной семье рыбака. С 1966 года выбрал путь военнослужащего и поступил в Высшее пограничное училище. За период службы прошел Афганистан, получил государственные награды «Знак почета», медаль «За боевые заслуги», «За мужество и отвагу», «За отличие в охране госграницы» и еще 16 отечественных и иностранных орденов и медалей. Награжден

Почетной грамотой Верховной Рады Украины. Получил воинское звание генерал-майора Службы безопасности Украины.

Владимир Федорович является основателем антитеррористической системы Украины и ее правовой базы. Его модель государственной системы противодействия терроризму признана одной из самых эффективных в мире. Принимал активное участие в создании Антитеррористического Центра при Службе Безопасности Украины и первым руководителем Штаба Центра. Активно участвовал также в создании и практическом становлении Антитеррористического центра СНГ.

С 2008 года возглавлял кафедру международного права Учебно-научного института международных отношений Национального авиационного университета Украины. Автор многих научных трудов, издал более 80 научных статей, 8 монографий. Среди наиболее известных его работ в этом плане: Антипенко В.Ф. Современный терроризм: состояние и возможности его упреждения (криминологическое исследование). – К., 1998. – 190 с.; Антипенко В.Ф. Борьба с современным терроризмом. Международно-правовые подходы. – К., 2002. – 723 с.; Антипенко В.Ф. Теории мирового развития и антитеррористическое право. Логика сопрягаемости. – К., 2007. – 440 с.; Антипенко В.Ф. Антитеррористическая система государства. – К., 2009. – 420 с.; Антипенко В.Ф. Международная криминология: опыт исследования терроризма. – Одесса: Феникс, 2011. – 356 с.

Подготовил 2 докторов и 4 кандидатов юридических наук. Под его научным руководством создана научная школа и основано новое направление в науке международного права – международная криминология.

Память об этом незаурядном человеке, офицере, ученом, навсегда останется в сердцах его родных, друзей, коллег и учеников.